

Файл скачен с сайта автора <http://zlayakorcha.com/free/>

DENIS ABSENTIS

ZLAYA KORCHA: A MONOGRAPH

VOLUME 1: INVISIBLE FIRE OF DEATH

Денис Абсентис

Злая корча

Автор выражает признательность Олегу Малогловец
за помощь в вычитке текста и критические замечания,
Эльмире Кругловой за поиск и перевод испанских материалов,
а также благодарит всех, кто высказывал свои замечания и поправки
при подготовке книги.

Denis Absentis

Zlaya korchа: a monograph

Volume 1: Invisible fire of death

Copyright © 2011 by Denis Absentis

Ora & Co Publishing, 2011

All rights reserved. No part of this book may be reproduced
or transmitted in any form (except by reviewers for the public press)
or by any means, electronic or mechanical, including photocopying,
recording, or by any information storage and retrieval system without
express written permission from the copyright owner.

Cover design © 2011 by Elmira Kruglova

ISBN 978-616-90718-3-9

RV 583826-202

www.zlayakorcha.com

Когда приближался конец тысячелетия, разразился мор от невидимого огня, убивающего многих за одну ночь; члены людей отпадали от тела, страдальцы скапливались в церквях и призывали на помощь святых. Кричащие от боли и потери сожженных членов люди вызывали жалость; зловоние же было непереносимо... И конвульсивные, и гангренозные признаки болезни ясно упомянуты в Лотаргинской хронике: «Многие корчились в агонии и судорогах; другие несчастные умирали, а члены их, съеденные священным огнем, чернели как уголь». Именно тогда огонь впервые был назван «священным»...

Клайд Мартин Кристенсен

Но профессор Кристенсен ошибался...

Предисловие

Возвращение дьявола

На самом деле, этот факт глядел всем в лицо на протяжении нескольких десятилетий; но так случилось, что никто не замечал его...

Олдос Хаксли. Двери восприятия: Рай и Ад

Темной ночью два автомобиля с выключенными фарами подъехали с разных сторон к складу, казавшемуся мрачным и зловещим. Двое мужчин одновременно вышли из своих машин, подошли к зданию и встретились у боковой двери. Пока все шло по заранее подготовленному плану. Ловко орудуя отмычками, преступники проникли в нужную комнату, где лежал конфискат, опечатанный полицией. Один из воров светил маленьким фонариком, пока его сообщник быстро переворачивал опечатанные мешки.

Только раз им пришлось прервать поиски и выключить фонарь, когда невдалеке проехал патруль жандармерии. Еще десять минут, и поиски увенчались успехом. Вот он, нужный мешок! Содержимое быстро перекачивало в три десятка маленьких пакетов, принесенных преступниками с собой. Один из сообщников подошел к темному окну. Ни зги было не видно, ночь окутывала окрестности непроницаемым мраком. Воры вышли из здания и осторожно пошли к оставленным неподалеку машинам. Еще дважды пришлось им прятаться за углом склада от фар проезжающего патрульного автомобиля, но фортуна была к ним благосклонна. Через полчаса они уже благополучно добрались до города. Теперь преступникам оставалось только одно — найти способ контрабандно переправить свою добычу в Швейцарию.

Годом раньше. Необычно затяжные дожди закончились. Теплый августовский день не предвещал никакой беды. Владелец пекарни мсье Бриан испек хлеб и обслуживал первых покупателей. Ему и в голову не могло прийти, как вскоре изменится размеренная жизнь его тихого городка. Но прошло лишь несколько дней, и от провинциальной тишины не осталось и следа. Наступили дни ужаса.

Вечером мадам Мулен хотела накормить оставшимся с ужина хлебом собаку, кошку и уток, как она это делала всегда. Однако собака понюхала бульон с покрошенным хлебом и отошла. Никогда раньше пес не отказывался от еды. Хозяйка удивилась — на ее вкус хлеб был совершенно нормальным, разве что поднялся плохо и выглядел более плоским, чем обычно. Утром следующего дня она вдруг услышала дикий вопль своей любимой кошки, которая билась в агонии на кухне. Мадам Мулен бросилась на помощь, но кошка явно обезумела, в руки не давалась, каталась по полу в конвульсиях и бросалась на стену снова и снова. В этот момент хозяйка через открытую дверь кухни заметила, что утки во дворе ходят как-то странно, как пингины, более вразвалку, чем обычно, и шатаясь из стороны в сторону. Одна утка сделала, как пьяная, несколько шагов и упала на землю. Кошка тем временем вдруг издала истошный потусторонний вопль, подобного которому мадам Мулен не слышала за всю свою жизнь, встала на четыре лапы, зашаталась и тут же упала бездыханной. Хозяйка осторожно подошла к ней и потрогала. Кошка была мертва.

У живущего неподалеку Феликса Мизона пес оказался менее разборчивым в еде и хлеб съел. Утром мсье Мизон застыл в изумлении, наблюдая за ним. Никогда его собака не вела себя так. Внезапно выбежав на улицу, пес остановился в двадцати футах от двери, нелепо подпрыгнул и начал быстро носиться по кругу, лязгая зубами. В этот момент ему попался камень, в который он вцепился и начал люто его грызть, пока все зубы не выпали из окровавленного рта. Жуткая пляска смерти продолжалась десять минут. Мадам Мизон присодинилась к мужу в надежде успокоить пса. Собака теперь бегала медленнее, волоча ноги и хромая. Затем, тяжело дыша, она упала в грязь и вскоре умерла, с засохшей кровью на морде. Смерть пса потрясла Мизонов. Потрясла настолько, что Феликс почти не обратил внимания на спазмы в его собственном желудке, приписав их переживанию от потери любимца.

Вскоре у многих жителей городка начались галлюцинации и психозы. Маленькая девочка внезапно подверглась нападению

гигантских тигров, на других людей яростно кидались ужасные монстры. Напуганных горожан преследовали видения капающей крови и усмехающихся черепов. Не обращая внимания на окружающих, один мужчина писал стихи, страницу за страницей. Он писал в свой блокнот непрерывно, стирая карандаши, дни и ночи напролет. Другой громким голосом пересчитывал оконные стекла в спальне. Окон было шесть. Он считал их безостановочно в течение почти трех недель: «Один, два, три, четыре...». Бывший пилот выпрыгнул из окна второго этажа, думая, что он сам и есть самолет, в то время как еще один горожанин полагал, что он артист цирка, и пробовал себя в роли канатоходца. Местный каменщик был уверен, что у него в животе завелись змеи. Кто-то пытался мясницким ножом вскрыть себе грудную клетку, чтобы «освободить сердце». Городок по ночам заполнялся людьми, которыми овладела бессонница. Они слонялись по улицам, громко говоря и смеясь над своим затруднительным положением. Были и другие, которые просто смотрели в пространство. Неделю спустя уже более полусотни горожан впало в безумие. У них упало давление, понизилась температура, пульс замедлился, зрачки расширились. У одних развивалась истерика, другие обладали дикой, почти неумной энергией, у третьих начались галлюцинации, иногда даже приятные: они видели яркие цветы, растущие прямо у них на ногах и руках, и испытывали ощущение блаженного мира. Некоторым казалось, что на них набрасываются жуткие чудища, а с неба сыплются огненные шары. Вокруг их рук вьются змеи и языки пламени. Воспринимаемые цвета стали неестественно яркими. Жители срывали с себя одежду и носились по улицам нагишом, забирались под кровати, ища спасение от огненных шаров, или дико махали руками, забившись в угол комнаты, отгоняя от себя диких зверей и сонмы огромных голов, готовых разорвать их на куски. Врачи справиться с ситуацией не могли. В город были вызваны санитарные машины и жандармы, доставлены смирительные рубашки. Трупы кошек, собак и домашней птицы были отправлены на обследование в Марсель.

Обезумевшие люди легко в руки санитарам не давались, проявляя сверхчеловеческую силу. Полиция ловила их сетями, используемыми для отлова бродячих собак. Человек-самолет, который выпрыгнул из окна второго этажа больницы и сломал себе при этом обе ноги, все равно вскочил и пробежал пятьдесят метров, прежде чем его настигли. Справиться с ним смогли только несколько санитаров. Другой молодой человек разорвал одну за другой семь смирительных рубашек,

прежде чем его, наконец, удалось обездвижить, привязав к кровати толстыми кожаными ремнями и надев сразу две смирительные рубашки. Но не тут-то было — он перегрыз ремни, расшатав себе все зубы, и со ртом, наполненным кровью, бросился отрывать оконную решетку. Ему удалось согнуть дюймовый металлический прут, прежде чем шесть человек скрутили его. Никакие лекарства не помогали. У одной пациентки тем временем начала развиваться гангрена пальцев на ногах, у двух других происходили припадки, схожие с эпилептическими. Многие люди переходили от гиперактивности до глубокой депрессии в течение нескольких минут. Затем обратно — от спокойствия до дикого безумия. В пик эпидемии насчитывалось около 300 человек, страдающих от различных психических проблем, от легкого дискомфорта до сумасшествия, а затем они начали умирать. В ту ночь, когда первый человек умер в конвульсиях, двое мужчин бросились бежать по улице, крича, что их преследуют враги. Маленький мальчик попытался задушить свою мать.

Это не сценарий фильма ужасов. Так марсельские газеты отражали загадочную эпидемию августа 1951 года в небольшом французском городке Пон-Сен-Эспри. Если журналисты какие-то конкретные отдельные моменты и приукрасили, то в целом ситуация и в самом деле выглядела примерно так, как ее преподносили даже самые желтые издания. Ибо фантазии журналистов бледнели перед реальностью. Первые дни местные врачи просто терялись в догадках о причинах происходившего, ничего подобного они в жизни не видели. Через неделю после начала эпидемии, подробно опросив пациентов, они пришли к выводу, что горожане пострадали от хлеба, купленного ими в пекарне мсье Бриана. Вскоре врачи поставили диагноз — жители отравились спорыньей¹.

Французским врачам удалось поставить диагноз не сразу — к тому моменту спорынья в Европе была уже практически забыта. И лишь старая энциклопедия XIX века подсказала им разгадку. В прошлые века эпидемии эрготизма (отравления спорыньей) выкашивали население не меньше, чем эпидемии чумы или, позже, холеры. Грибок *Claviceps purpurea*, заражая колосья зерновых, попадал в муку, неся людям смерть и безумие. В середине XX века такой диагноз звучал для европейцев довольно дико. Этим, пытаясь замаять

¹ Gabbai, Lisbonne and Pourquier. Ergot poisoning at Pont St. Esprit. Brit. Med. J 2 (15 sep), 1951, pp. 650—651.

дело, воспользовалась частно-государственная зерновая монополия — корпорация Юнион Миньер, чей региональный представитель отрицал саму возможность отравления спорыньей: «домыслы о том, что причиной болезни людей может быть спорынья совершенно несостоятельны, это ясно с самого начала»². Президент же монополии Пьер Якоб, когда полиция уже задержала мельников, разбавивших пшеничную муку ржаной, пошел еще дальше. Он объявил, что если спорынья в хлебе и была, то это ничего не значит и вообще полная ерунда, поскольку спорынья — дело обычное, никакая мука без нее не обходится, и опасности она вовсе не представляет. Заявив это, мсье Якоб тут же предложил журналистам, чтобы ему испекли хлеб из муки с максимальным количеством спорыньи. Он объявил, что готов съесть в присутствии экспертов целую буханку, чтобы доказать ее безвредность. Врачи только посетовали в ответ, что у патологоанатомов и без того много работы, и никто ему хлеба так и не испек. В начале сентября журнал Тайм сообщил, что полицейская лаборатория в Марселе следы яда в хлебе все-таки обнаружила:

На прошлой неделе пришли сведения из полицейской лаборатории: «Мы идентифицировали алкалоид, имеющий токсические и биологические характеристики алкалоида спорыньи, паразита зерновых». Пон-Сен-Эспри пострадал от отравления спорыньей, средневековой болезни, столь же старой, как гордость города — средневековый мост, и потому почти забытой. Современная медицина знает о спорынье, но редко встречалась с ней в форме эпидемического заболевания³.

Впрочем, дело все равно спустили на тормозах. Власти, пытающиеся защитить корпорацию, поставившую отравленное зерно, решили признать анализы недействительными и год спустя поддержали версию отравления ртутью. С этим объяснением практически никто из медиков не согласился.

Обеспокоенные врачи, по-прежнему утверждавшие, что так человечеству напомнил о себе его давний враг — спорынья, столкнулись с необходимостью доказать свой диагноз. Они были убеждены, что только компания Сандоз, которой удалось восемью годами ранее синтезировать из спорыньи психоделик ЛСД, могла бы разрешить эту проблему. Но полиция хранила все подозрительные мешки с мукой

² Fuller, John G. The day of st. Anthony's fire. NY, 1968. p. 148.

³ Medicine: St. Anthony's Fire. Time, Monday, Sep. 10, 1951.

опечатанными, и не было никакой возможности получить муку, хлеб, или внутренние органы погибших от отравления для экспертизы вне полицейской юрисдикции. Кроме того, прошел почти год со времени бедствия, и возможность обнаружить спорынью в образцах стала уже минимальной. Тем не менее, врачи решили рискнуть.

Описанные в начале этого рассказа преступники, проникшие на склад компании Юнион Миньер, были врачами из Пон-Сен-Эспри, лечившими сошедший с ума город с первых дней эпидемии. Они были уверены, что частная корпорация, обладающая монополией на поставки хлеба по всей Франции, коррумпированные власти и полиция пытаются в своих интересах опровергнуть поставленный изначально диагноз. Единственный диагноз, в котором врачи были убеждены. Чтобы добыть образцы муки, им пришлось проникнуть на склад, а затем стать контрабандистами — ибо не было законного способа переправить образцы через швейцарскую границу.

Врачам это удалось, но все было напрасно — Сандоз не подтвердила наличия спорыньи. Лабораторные мыши, утверждали представители компании, от образцов не пострадали. То ли спорынья в муке уже потеряла свои ядовитые свойства, то ли Сандоз была вовсе не заинтересована поддерживать версию спорыньи, поскольку уже торговала полученным из нее ЛСД и связывать в массовом сознании свой препарат с загадочной эпидемией ей было невыгодно. Сам «отец ЛСД» Альберт Хофманн приезжал в Пон-Сен-Эспри, но ясности это не добавило (возможно, и уменьшило; также возможно, что Хофманн и пообещал переправить образцы). Официальная причина происшествия так и не была обнаружена. А Хофманн в своей книге много лет спустя напишет о возможной вине ртути, по-прежнему защищая своего «трудного ребенка» — ЛСД (сейчас о ртутной версии практически никто уже не вспоминает). Джон Фуллер описал случившееся в Пон-Сен-Эспри в книге «День огня святого Антония» (*The Day of St. Anthony's Fire*, 1968).

В последнее время эта полузабытая история с обезумевшим городом вновь всплыла на поверхность. Сначала профессор Стивен Л. Каплан, историк и специалист по хлебным бунтам, почти шесть десятилетий спустя вернулся к теме загадочного отравления и посвятил трагедии книгу «Проклятый хлеб» (*Le pain maudit*, 2008).

Вскоре выяснилось, что своим отрицанием роли спорыньи в отравлении жителей города компания Сандоз подложила сама себе свинью — в 2009 году появилась конспирологическая попытка объяснить

случившееся спецоперацией ЦРУ. Журналист Хэнк Альбарелли в своей книге «Ужасная ошибка» попытался доказать, что в Пон-Сен-Эспри проходил тайный эксперимент ЦРУ с получаемым из спорыньи знаменитым наркотиком ЛСД, которым якобы и отравили французов⁴. ЦРУ получало ЛСД как раз от Сандоз, давно закрепившейся на рынке наркотиков и вошедшей в 1910 году в первый в мире кокаиновый картель, организованный тремя компаниями в Голландии. Кокаин тогда наркотиком еще не считался. ЛСД стал для компании монопольной заменой запрещенному в США в 20-х годах кокаину. В 1970-х годах во всем мире запретят и ЛСД.

Несмотря на явные нестыковки, версия с ЦРУ широко распространялась СМИ на протяжении всего 2010 года. Заголовки «Шок! ЦРУ ставило эксперименты на людях и пичкало их ЛСД» заполнили газеты и интернет⁵. Так как, в отличие от спорыньи, ЛСД не выдержал бы температуры выпечки хлеба, была выдвинута гипотеза, что агенты ЦРУ пользовались распылителями. Критичность восприятия была снижена еще тем, что примерно в те же годы спецслужбы некоторых стран — включая Англию и США — действительно проводили опыты с ЛСД на своих гражданах, чаще на военных. Фильмы, показывающее действие ЛСД на солдат и даже на кошек, давно лежат в свободном доступе. Поэтому версия показалась вполне вероятной. Новость живо обсуждалась в сети, и никто даже не отметил, что некоторые из заболевших в Пон-Сен-Эспри не вылечились и спустя полтора десятка лет после инцидента⁶. Никто не вспомнил про обезумевших собак и околевающих уток и про то, что гангрены от ЛСД не бывает, как и смертельных исходов — а и то, и другое наблюдалось врачами еще в первые недели эпидемии⁷. Все это были классические признаки отравления именно спорыньей, подробно описанные хотя бы в той же книге Фуллера, которую никто из обсуждающих не читал. Оставим, впрочем, слабую надежду конспирологам: пусть считают, что наркотик был синтезирован крайне некачественно. Как бы там ни было,

⁴ Albarelli, Hank P. Jr. A Terrible Mistake: The Murder of Frank Olson and the CIA's Secret Cold War Experiments. 2009.

⁵ см., напр.: Thomson, Mike. Pont-Saint-Esprit poisoning: Did the CIA spread LSD? BBC News, 23 August 2010.

⁶ Жизнь растений в шести томах. Том 2. Грибы / под ред. проф. М. В. Горленко. 1976. С. 171.

⁷ Gabbai et. el., 1951.

абстрагируясь от причин этого конкретного происшествия, надо отметить одно — если в муку попадает большое количество спорыньи, то последствия могут быть — и, без сомнения, были в истории — именно такими, какие и наблюдались в Пон-Сен-Эспри. Не всегда абсолютно идентичными — галлюцинации, например, в зависимости от меняющегося состава алкалоидов в спорынье конкретного урожая, иногда могут быть значительно слабее, а смертность, наоборот, выше — но очень похожими.

В феврале 2010 года по французскому Третьему каналу, случайно (оставим в стороне конспирологию) совпав со странной эпидемией истерического смеха в Судане от таинственной галлюциногенной пшеницы⁸, прошел телефильм Бертрана Артюи «Хлеб дьявола», реконструирующий события трагедии в Пон-Сен-Эспри, только имена действующих лиц были изменены. Подчеркивалось, что анализы в Швейцарии яда в муке не обнаружили (в телевизионной версии на склад проникли не врачи, а ищущий виновных помощник булочника Бастьен, у которого от отравления умер брат). Настоящим виновником, по фильму, могло быть само государство, отвечающее за распределение муки.

Все эта история с «разоблачениями» высветила тот факт, что о спорынье и ее действии в очередной раз позабыли. Среди причин этого можно отметить и то, что ученые на западе мало знакомы с работами, в которых непосредственно описывались галлюцинации при эпидемиях отравления спорыньей. Ибо эпидемии на западе закончились уже давно, и отделить психозы от галлюцинаций тогда еще никто не смог. А российские и советские источники, в которых были предприняты попытки описать, систематизировать и выделить галлюцинации отдельно, на европейские языки не переводились. Некоторые данные из старых работ использовал профессор Джордж Баргер в своей монографии «Спорынья и эрготизм» (1931), но за отсутствием текущих эпидемий широко известны они не стали. Если бы Баргер, химик королевской кафедры, еще в начале века первым выделивший из спорыньи эрготоксин и десятилетия занимавшийся ее алкалоидами,

⁸ Более 100 человек в провинции Северный Кордофан оказались в феврале 2010 года в больницах, страдая от галлюцинаций, приступов истерики, беспричинного хохота, лихорадочного состояния, бреда и обмороков. Невнятные разъяснения Минздрава страны о галлюциногенной пшенице из Дарфура вызвали волну критики в адрес правительства в суданской прессе. Могло ли это быть связано со спорыньей, пока неясно.

был еще жив во время эпидемии в Пон-Сен-Эспри, вероятно, он бы поддержал версию эрготизма. Но судьба распорядилась по-иному. В ноябре 1938 года Альберт Хофманн, работающий в компании Сандоз, впервые, по его словам, синтезировал из спорыньи знаменитый психоделик ЛСД. В это время Джордж Баргер занят — в ноябре Лондонское королевское общество торжественно награждает его медалью Дэви за выдающиеся успехи в химии. Но месяц спустя, в декабре 1938 года, Баргер неожиданно, ничего не сказав своим коллегам из университета Глазго, выехал в Швейцарию и ...внезапно скорпостижно скончался в том самом швейцарском кантоне Золотур, где расположена компания Сандоз. Тому, кто увлекается конспирологией, скорее стоило бы заинтересоваться вот этим казусом, нежели сомнительными спецоперациями ЦРУ. У меня же здесь задача другая — дать ретроспективу некоторых исторических событий в свете эпидемий эрготизма и показать, что спорынья более значительно повлияла на историю, культуру и пути развития цивилизации, чем это обычно представляется. Фиолетовый грибок хранит еще много тайн, на раскрытие которых потребуется не одна книга.

Три года спустя после событий в Пон-Сен-Эспри, в 1954 году, английский писатель Олдос Леонард Хаксли, автор широко известного романа-антиутопии «Прекрасный новый мир», в своей новой книге «Двери восприятия: Рай и Ад» написал строчки, процитированные в эпиграфе, имея ввиду сходство по химическому составу мескалина и адrenalина. Есть некая ирония в том, что в следующей же строчке он напишет: «лизергиновая кислота — крайне мощный галлюциноген, получаемый из спорыньи...», но не заметит, что это тоже как раз тот факт, который «глядел всем в лицо на протяжении нескольких десятилетий, но так случилось, что никто не замечал его».

Вот он, парадокс — то, что лизергиновая кислота является галлюциногеном, уже было понятно к тому моменту, когда Хаксли писал свои «Двери восприятия». То, что лизергиновая кислота является ядром вырабатываемых спорыньей алкалоидов, также было давно известно, и проекция действия ЛСД на его же прекурсор напрашивалась. Эрготинные психозы, характеризующиеся помрачением сознания, описывались в энциклопедиях еще в XIX веке. Галлюцинации от спорыньи отмечались с конца того же XIX века. То, что в Европе на протяжении как минимум тысячелетия происходили частые эпидемии отравления спорыньей с массовой смертностью, тоже было давно известно из летописей и хорошо подтверждалось наблюдениями

серьезных эпидемий нового времени, вспыхивающих в Европе вплоть до XIX века включительно (в России — до XX века). Но ни Хаксли, ни Хофманн, и никто другой не подумал тогда о том, в каком состоянии пребывало последнее тысячелетие население «ржаной цивилизации». Никому не пришло в голову связать со спорыньей столь широко известные феномены европейского средневековья и Возрождения, как охота на ведьм, массовые случаи одержимости, боязнь вампиров и ликантропов, распространенность безумия, о котором писал Фуко... И никому эта связь не придет в голову еще много лет. До тех пор, пока голландским парламентом в 1976 году не будет официально принята концепция действия психоделиков — «эффекты психоактивных наркотиков являются результатом трех факторов — наркотика, установки и обстановки» — об «обстановке» и «установках», провоцирующих, например, процессы ведьм в Салеме, никто не задумается. Осознание того, что аналогичные установки действовали в Европе от средних веков до просвещения и должны были вызывать аналогичные последствия, тоже займет десятилетия.

Почему же человеческая мысль срабатывает так медленно, даже когда вопрос лежит на поверхности? Почему никто не видел, что массовое безумие возникало там, где росла рожь, а охота на ведьм проходила там, где были популярны демонологические трактаты, и где спорынья широко распространилась из-за выращивания злаков, особенно ржи? По отдельности эти факторы не срабатывали. Спорынья лишь пробуждала агрессию, тупоумие и галлюцинации. На большее она была неспособна. Грибок умел только убивать, калечить, вызывать необратимое повреждение мозга или подготавливать почву для восприятия установок. А сами «установки» давали проповеди и демонология. Суды над ведьмами шли вяло именно там, где не выращивали рожь — в таких местах даже самые фанатичные инквизиторы не могли разжечь огонь одержимости колдовством столь массово. В крестовые же походы, наоборот, рвались обезумевшие крестьяне из местностей, пораженных спорыньей, а основатели сект квакеров и шейкеров вышли из тех мест, где не в диковинку были «пляски святого Витта».

Что мешает нашему разуму не только ставить перед собой нестандартные вопросы, но даже просто видеть очевидное? Нельзя сказать, что на такое характерно медленное движение мысли никто не обращал внимание. Например, французы Луи Повель и Жак Бержье утверждали: «Обычно мысль плетется, как показал Эмиль Меерсон. Большая часть достижений мысли — это, в конечном счете, плод

исключительно медленного продвижения шаг за шагом в направлении очевидности». Как бы ни относиться в целом к их книге «Утро магов», но вопросы ставились авторами верно: «Великий Леонард Эйлер считал высшей вершиной математической мысли отношение, сочетающее реальное с воображаемым и представляющее основу натуральных логарифмов, — явную очевидность. Как только его объясняют учащемуся, то он неизменно заявляет, что „это само бросается в глаза“. Почему же понадобилось столько усилий мысли в течение стольких лет, чтобы прийти к такой очевидности?»

«Тяжелые предметы падают не быстрее легких», «тепло есть движение», «малярия переносится комарами», «метеориты падают с неба», «континенты дрейфуют»... Все эти утверждения вызывали в свое время недоверие и насмешки. Они просто не укладывались в голове. Человеческий разум очень консервативен. Если какая-то информация затрагивает эмоциональную сферу и покусается на основы представлений о значимых исторических событиях и о путях развитии самой цивилизации, то мысль будет пробиваться через шаблоны восприятия с еще большим трудом.

Пройдет четверть века после массового отравления в Пон-Сен-Эспри и 33 года после официально объявленного (1943) открытия Хофманном ЛСД. Только тогда, благодаря любознательности студентки Линды Капорэл, в 1976 году возникнет гипотеза о связи отравления спорыньей и процесса салемских ведьм. Потребуется еще тринадцать лет, чтобы американский историк Мэри Матосян написала работу, показывающую связь отравления спорыньей не только с судебным процессом над ведьмами в Салеме, но также с «Великим страхом» (массовым сумасшествием во время Французской революции) и с «Великим пробуждением» — религиозным движением, охватившем Новую Англию в XVIII веке (автор называет его «Великой болезнью»).

Впрочем, надо заметить, подобные мысли о влиянии отравления спорыньей все же высказывались и ранее. Например, еще в 1967 году врач Франциско Гуерра писал, что «лизергиновая кислота, присутствующая в спорынье, была ответственна за эпидемии религиозных галлюцинаций при эрготизме или *ignis sacer*, известном иначе как огонь св. Антония»⁹. Но это было лишь упоминание, и до работ Капорэл и Матосян никто на такие утверждения внимания не обращал.

⁹ Guerra, Francisco (MD). Mexican Phantastica. Excerpta criminologica, Volume 7, Issues 4—6. Excerpta Criminologica Foundation, 1967. p. 562.

Матосян логично предположила, что эпидемии отравления спорыньей лучше описаны в России, где они продолжались дольше, чем в Европе. Поэтому она, помимо лондонской Wellcome Library (библиотеки, основанной сэром Веллкомом, автором трактата о спорынье¹⁰ и владельцем фармацевтической компании, на которую работал и Баргер) и Национальной библиотеки Франции, отправилась также и в СССР. Академия наук СССР в 1984 году предоставила ей возможность работать в библиотеках Москвы и Ленинграда: в библиотеке имени Ленина, библиотеке Исторического музея, Центральной научной медицинской библиотеке и др. Там Матосян смогла прочитать работы дореволюционных авторов, в частности, диссертацию известного психиатра Н. Н. Реформатского «Душевное расстройство при отравлении спорыньей» (1893). Правда, со всеми работами советского периода ей ознакомиться не удалось. О монографии профессора Выясновского «Эрготизм» (1937) она не упоминает, как и о послевоенных вспышках эрготизма в СССР.

Действительно, еще в первой половине XX века спорынья в СССР была знакома практически каждому школьнику. Она была сырьем для лекарств, серьезной статьей экспорта, и из года в год в «Настольном словаре колхозника» публиковалась реклама: «Собирайте спорынью — черные рожки, появляющиеся на колосьях ржи. Заготпункты сельпо и райпотребсоюзов повсеместно покупают спорынью в любых количествах в сухом виде»¹¹. «Колхозники и колхозницы, пионеры и школьники, собирайте спорынью!» — призывала газета «Социалистическое земледелие» осенью 1941 года¹². Если сейчас о существовании спорыньи широкие массы и не догадываются, то в 1938 году академический журнал «Природа» писал:

Спорынья — это знакомая всем грибная болезнь злаков, выражающаяся в том, что вместо нормальных зерен в колосьях начинают появляться так наз. «рожки» темнофиолетового цвета. Последние, как известно, обладают большой ядовитостью, и заболеваемость от них населения «злой корчей», сопровождающейся головкружением, рвотой, судорогами, отмиранием конечностей, является также общеизвестным фактом¹³.

¹⁰ Wellcome, Henry S. From ergot to Ernutin: an historical sketch. Ottawa, 1908.

¹¹ Настольный словарь колхозника. ОГИЗ, 1938. С. 276.

¹² Социалистическое земледелие №124 (17 октября 1941). С. 4.

¹³ Новое о спорынье // Природа, вып. 1—6. АН СССР, Изд-во Наука, 1938 С. 124.

Общеизвестным фактором это, правда, являлось тогда далеко не для любого крестьянина, но советских врачей, ученых да и уже не раз сталкивавшихся со спорыньей колхозников диагноз заболевания в Пон-Сен-Эспри не удивил бы. В те годы в Сибири подобные вспышки эрготизма еще случались. Но такие данные засекречивались органами госбезопасности, проводящими расследования о предполагаемом вредительстве, на западе о них не подозревали и не знают до дня сегодняшнего, да и в России они практически неизвестны. Сопровождались ли эти конкретные вспышки галлюцинациями, тоже неясно.

После выхода в 1989 году книги Матосян «Яды прошлого» пройдет еще два десятилетия. За это время появится ряд гипотез о связи спорыньи с различными историческими событиями и личностями. Некоторые из этих гипотез довольно спекулятивны, некоторые представляются вполне допустимыми и имеют серьезные основания. Предполагается, что спорынья повлияла на судьбу Наполеона, вызвала видения Жанны д'Арк, была причиной жестокости и смерти Оливера Кромвеля, состояния раздвоения сознания у Роберта Льюиса Стивенсона, поэтического вдохновения Жерара де Нерваля (двое последних принимали препараты спорыньи). С действием грибка стали связывать ликантропию, вампиризм, охоту на ведьм, откровения Иоанна Богослова, крестовые походы, движение квакеров. При этом, однако, появилось несколько книг и статей, пытающихся отрицать влияние спорыньи на пляски св. Витта, не говоря уж об итальянском тарантизме¹⁴. А о возможности, скажем так, «культурологического влияния спорыньи», о корнях, к примеру, таких испанских танцев, как муньейра в Галисии, хотя в Арагоне и зортзико в Стране Басков никто вообще так и не задумался, несмотря на наличие в этих краях Пути святого Иакова — места сбора эрготиков со всей Европы.

И хотя известно, что в Европе, в отличие от России, в прошлые века вокруг постоянного отравления спорыньей возникла развитая инфраструктура, и смертельный огонь св. Антония превратился в большой бизнес церкви и учрежденных папством соответствующих орденов, но и сегодня связь многих исторических событий с галлюциногенным грибком часто воспринимается как маргинальная точка

¹⁴ О характерных общих ошибках в аргументации такой позиции у историка Дж. Уоллеса (2009, 2010), социолога Р. Бартоломью (2000) и др. см. «Злая корча», книга 2.

зрения. А массовые галлюцинации от эрготизма на протяжении тысячелетия и вовсе представляются курьезом.

Однако регулярных галлюцинаций не могло не быть при постоянных эпидемиях эрготизма. А эпидемии не могли не быть постоянными, поскольку основной пищей населения был хлеб. И следы этих эпидемий заметны не только в средневековье, Возрождение, Реформацию и Новое время. Сами события, являющиеся вехами этого условного разделения эпох, иногда могли были быть спровоцированы действием спорыньи.

Знакомо же человечество с этим грибом с гораздо более древних времен, чем это обычно представляется.

Глава 1

Элевсинское пиво

*То будет ли Пифийский брег,
Иль луг светозарный,
Где вечных тайн несут людям цвет святой
Могучие богини, где
Ключ златой уста смыкает элевсинского жреца?*

Софокл. Эдип в Колоне

Из всех обрядов античного мира наиболее важными представляются элевсинские мистерии — обряды инициации в культах богинь плодородия Деметры и Персефоны, которые проводились ежегодно в Элевсине в Древней Греции. Расположен Элевсин в Западной Аттике, примерно в 20 км к западу от Афин. Элевсинское святилище было больше чем просто храм. С течением времени оно превратилось в целый город, соединенный с Афинами «священной дорогой», окруженный стенами и башнями, части которых сохранились до наших дней. Систематические раскопки здесь ведутся с 1882 года. К югу от Телестерия, храма Деметры, открыт небольшой музей, состоящий из пяти залов.

Никакие другие эллинские мистерии не достигли такой славы, как элевсинские. Паломники со всей Греции приезжали для участия в них. «Блажен смертный, которому удалось узреть мистерии! — восклицает автор древнегреческого гимна. — Но тот, кто не прошел посвящение и не исполнил ритуалы, после смерти не обретет блаженства в темных жилищах иного мира». Деметра, порождающая хлеб, добившаяся у богов возвращения своей дочери из подземного царства Аида, обладала, согласно элевсинскому культу, властью высвобождать из мрачного

могильного подземелья всех посвященных — для них было возможно возрождение. Пиндар, один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции, говорил в своих одах (V век до н. э.) о смерти, о последующем земном рождении, о том, как элевсинские таинства позволяют осмыслить метаморфозы между двумя жизнями и облегчают их. Спокойствие и уверенность перед лицом смерти даровал посвященным элевсинский культ. Забота об устройстве праздника посвящения входила в обязанности высшей афинской администрации. Мистерии праздновались в Элевсине на протяжении двух тысяч лет и были уничтожены христианами в конце IV века. Сожжение святилища и запрещение мистерий ознаменовали официальный конец язычества.

Большая часть обрядов мистерий никогда не была зафиксирована письменно, и поэтому они остаются предметом спекуляций и домыслов. Интерес к элевсинским тайнам возродился в XIX веке, отчасти после опубликования ранее неизвестных орфических гимнов в честь греческих богов с некоторыми подробностями, отсутствующими в общеизвестных «гомеровских» гимнах. Многие хотели увидеть в мистериях некую потерянную истину и сакральную тайну, пытались прочувствовать, что же именно скрывалось за внешними обрядами, и перечитывали описание Порфирия:

В венках из мирт мы входим с другими посвященными в сени храма, все еще слепцами; но Иерофант, ожидающий нас внутри, скоро раскроет наши взоры. Но прежде всего, — ибо ничего не следует делать с поспешностью, — прежде мы обмоемся в святой воде, ибо нас просят войти в священное место с чистыми руками и с чистым сердцем. Когда нас подводят к Иерофанту, он читает из каменной книги вещи, которые мы не должны обнародовать под страхом смерти. Скажем только, что они согласуются с местом и обстоятельствами. Может быть, вы подняли бы их на смех, если бы услышали вне храма; но здесь не является ни малейшей склонности к легкомыслию, когда слушаешь слова старца и смотришь на раскрытые символы. И мы еще более удаляемся от легкомыслия, когда Деметра подтверждает своими особыми словами и знаками, быстрыми вспышками света, облаками, громоглаголющими на облака, все то, что мы слышали от ее священного жреца; затем, сияние светлого чуда наполняет храм; мы видим чистые поля Елисейские, мы слышим пение блаженных...¹

¹ цит. по Шюре, Эдуард. Великие Посвященные. М.: Сфера, 2004.

Догадки относительно таинств будоражили поэтов. Гете, например, воплотил их в нескольких сценах «Фауста». Другие воспринимали элевзинские мистерии, как никчемные древние суеверия, имеющие лишь объективный — сейчас мы скорее сказали бы культурологический — интерес. В. Г. Белинский в письме Боткину выразился по поводу статьи Уварова достаточно жестко:

Короче: это был мистицизм древности. Меня поразило в статье то, что практический, здравомыслящий Сократ отказался участвовать в Элевзинских таинствах и был к ним вообще холоден, тогда как *you sublime*, {возвышенный безумец (франц.). — Ред.} фантастический романтик Платон благоговел перед ними. Вообще, мне кажется, Элевзинские таинства имеют только ученый, чисто объективный интерес, а со стороны субъективного интереса — они не стоят выеденного яйца².

Но ни духовный, ни скептический подход долгое время не могли помочь в понимании того, что же все-таки происходило во время мистерий. В конце XIX века религиозный философ Дмитрий Мережковский в романе «Юлиан Отступник» представил спор по поводу сходных мистерий в Эфесе врача Орибазия, считающего мистерии иллюзией, оптическим обманом, и Максима Эфесского. На упреки Орибазия: «вы из фонаря бросаете отражения сквозь раскрашенные стекла на белый дым ароматов — и ученик воображает, будто бы перед ним видения богов» иерофант отвечает:

Таинства наши глубже и прекраснее, чем ты думаешь, Орибазий. Человеку нужен восторг. Для того, кто верит, блудница воистину Афродита, и рыба чешуя воистину звездное небо. Ты говоришь, что люди молятся и плачут от видений, рожденных масляной лампой с раскрашенными стеклами. Орибазий, Орибазий, но разве природа, которой удивляется мудрость твоя, — не такой же призрак, вызванный чувствами, обманчивыми, как фонарь персидского мага? Где истина? Где ложь? Ты веришь и знаешь — я не хочу верить, не могу знать...³

Мережковский, будучи христианином, представляет мистерии фокусами жрецов, языческие культы для него ложны по определению.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Том XII. Письма 1841–1848. Издательство Академии наук СССР. М., 1956.

³ Мережковский Д. С. Христос и Антихрист: Смерть богов. Том 1 (Юлиан отступник). 1992. С. 64.

Поэтому ему не слишком интересен вопрос, отличались ли чем-нибудь эфесские мистерии Артемиды от элевсинских мистерий Деметры. Какие факторы способствовали тому, что последние заняли главенствующее положение? Может быть, в них кроется все же не только «отражение раскрашенных стекл лампы», и видения богов вызваны чем-то более существенным, а не простыми ярмарочными фокусами? Почему Сократ говорил, что люди во время элевсинских мистерий «грезят наяву»?

В греческом языке появился глагол «корибантствовать» — «юродствовать», «приходить в исступление», «терять самоконтроль». Именно это слово употребил Сократ, характеризуя Элевсинские мистерии и отказываясь от посвящения в них⁴.

О роли напитка кикеон, употребляемого во время посвящения, долгое время никто не задумывался. Что означала секретная формула, переданная Климентом Александрийским: «Я постился, я пил кикеон»? Только в 1978 году исследователи Р. Гордон Уоссон, Альберт Хофманн и Карл А. П. Рак в книге «Дорога в Элевсин» собрали доказательства того, что эффект элевсинских мистерий основывался на воздействии содержащегося в кикеоне психоделика — препарата спорыньи. Чувства посвященных были обостренны подготовительными церемониями, а психотропная смесь позволяла погрузиться в глубочайшие мистические состояния.

Согласно Т. МакКенне, использование галлюциногенов и психоделиков — условие прорыва к иным формам сознания и иным формам жизни, возрождавшим то, что свыше двух тысяч лет делал почти каждый, кто был хоть сколько-нибудь замечен в древнем мире. Он обязательно «совершал паломничество в Элевсин и имел опыт галлюциногенной интоксикации, вызванной спорыньей»⁵.

Человечество познакомилось с этим сумчатым грибом давно, надо полагать, с самого начала культивирования злаков. Но знакомство это было далеко не самым приятным.

Распространение зерновых культур создало и другие новые проблемы для человека. Так, например, широкое введение в культуру ячменя и ржи вызвало распространение паразитирующей на завязях этих и других злаков спорыньи. Спорынья

⁴ Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998.

⁵ Савчук В. В. Кровь и культура. Изд-во С.-Петербургского ун-ва, 1995. С. 156.

представляет собой покоящуюся стадию склероций сумчатого гриба *Claviceps purpurea* Tulasne. Она содержит алкалоиды, обладающие высокой физиологической активностью. Использование в пищу зерна, пораженного спорыньей, приводило и к массовой гибели людей. Одним из самых тяжелых и частых проявлений отравления спорыньей являются психозы⁶.

Спорынья была страшным ядом, но могла приносить и пользу, останавливая кровотечения и облегчая роды. Первые сведения об использовании спорыньи в акушерстве встречаются в китайских записях приблизительно в 1100 году до н. э. Ассирийские таблички 600 года до н. э. упоминают «вредный нарост в колосе зерна». В 550 году до н. э. египетский папирус Херста описывал специфический препарат из смеси спорыньи, масла и меда, который рекомендовался для роста волос. В 370 году до н. э. Гиппократ описал спорынью, отмечая ее использование для остановки кровотечения⁷.

Но поскольку грибок, из которого потом будет изготовлен самый знаменитый психотропный препарат XX века, обладает также и галлюциногенным действием, то наличие его в урожае зерновых должно было рано или поздно привести к включению спорыньи в аграрные культы плодородия. Должны были появиться жрецы, научившиеся использовать ее галлюциногенный эффект с соблюдением максимальных мер предосторожности. Шансы на такое развитие событий, во всяком случае, были очень велики, а времени на опыты — тысячелетия. Вероятно, элевсинские мистерии и стали такой частью культа.

Что же касается Элевсинских мистерий, то многие современные исследователи считают, что в священный напиток кикеон, который пили участники мистерий, добавлялась (а возможно, попадала туда случайно) спорынья (*Claviceps purpurea*), из которой впоследствии А. Хофманом был получен ЛСД. Спорынья находилась на зернах ячменя, который был обязательной составной частью кикеона, помимо ячменя туда также входила и уже упомянутая болотная мята — полей гомеровского гимна «КДеметре»⁸.

⁶ Александровская Е. И., Александровский А. Л. Антропохимический фактор в эволюции европейской цивилизации / Е. И. Александровская // История и современность. № 1 (11), 2010. С. 148—177.

⁷ Schiff, Paul L., Jr. Ergot and Its Alkaloids. Am J Pharm Educ. October 15; 70(5): 98, 2006.

⁸ Чумакова Т. Наркотики и религия // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М.: ИФРАН, 2008 (80—89). С. 84.

Во множестве публикаций наличие спорыньи в напитке элевсинских мистерий связывается именно с ячменем. Корни такого восприятия лежат в гомеровском гимне, где упоминается «ячная мука», и в наличии ячменя в составе напитка никто пока особо не сомневается. Возможно, эта уверенность усиливается проекцией представления о привычном пиве, которое сейчас, благодаря знаменитому баварскому Закону о чистоте (Reinheitsgebot), изготавливается, в основном, из ячменного солода. К тому же именно ячменное пиво было излюбленным напитком еще древних египтян. Поэтому Фрезер в «Золотой ветви» уверенно писал о «торжественном приобщении к богине глотком ячменного отвара из священной чаши». Но так ли прост гомеровский гимн?

При многочисленности материала об Элевсинских мистериях был неизвестен их *sui generis* нерв, то, что обеспечивало участникам экстатическое состояние. Иными словами, речь идет о составе ритуального напитка, описанного в гомеровском гимне Деметре: отвергнув поднесенный ей кубок с вином, богиня «Попросила, чтоб дали воды ей,

Ячной (*αλφι*) мукой замесивши и нежным полеем...

Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным».

Таким образом, ритуальный, опьяняющий напиток как будто представляет собой смесь воды, муки и мяты (по некоторым источникам — и меда), заведомо лишенную наркотических свойств. Естественно заподозрить, что здесь заложена некая скрытая информация⁹.

Вероятно, это действительно просто маскировка, подобная двойному значению слова «мандара» в санскрите — и «райское» дерево, и дурман:

Этимология слова *mandara* свидетельствует, что оно первоначально относилось скорее всего не к коралловому дереву, лишенному токсических и наркотических свойств, а именно к дурману; как прилагательное, *mandara* (= *manda*) означает «медлительный», «вялый», «тупой», «глупый»; название, таким образом, согласуется с действием наркотика (ср. русское название белладонны, также содержащей атропин: «сонная одурь»). В переносе названия «мандара» на безобидное коралловое

⁹ Судник Т. М., Цивьян Т. В. Мак в растительном коде основного мифа // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1981 (300—317). С. 307.

дерево можно усмотреть один из приемов «мифопоэтической цензуры», имеющей целью гарантировать сохранение сакральной информации об употребляемом в ритуалах средстве, но в то же время замаскировать эту информацию самым тщательным образом. Способ маскировки, используемый в данном случае древнеиндийской традицией, находит некоторое соответствие в традиции древнегреческой: в гомеровском гимне Деметре описывается состав ритуального напитка, употреблявшегося в Элевсинских мистериях; в него входят как будто лишь вода, мята и ячменная мука. Однако Р. Уоссон и его соавторы по книге «Дорога в Элевсин» считают, что под словом *alphí* («ячмень») в тексте скрыто указание на спорынью, грибок, содержащий сильнейший алкалоид, который и придавал всему напитку галлюциногенные свойства¹⁰.

Но если *αλφι* — лишь закодированная спорынья, то нет уверенности и в том, что в рецепте речь вообще идет о ячмене. В отличие от ржи, ячмень — такой же самоопыляемый злак, как и пшеница, и заражается спорыньей он не легче. Стоит уточнить, что Хофманн с соавторами, выдвинувшие теорию о спорынье в составе кикееона, разницу в составе алкалоидов ячменной и пшеничной спорыньи не отметили:

Какие подходящие виды спорыньи были доступны для древних греков? Рожь там не росла, но как на пшенице, так и на ячмене *Claviceps purpurea* приживается. Мы проанализировали пшеничную и ячменную спорынью в нашей лаборатории и убедились, что они содержат в основном те же самые алкалоиды, что и спорынья ржи, то есть алкалоиды эрготаминовой и эрготоксиновой групп, эргоновин, и иногда также следы амида лизергиновой кислоты. Как я сказал выше, эргоновин и амид лизергиновой кислоты оба воздействуют на психику и являются водорастворимыми, в отличие от других алкалоидов. Как все мы знаем, спорынья отличается по своим химическим компонентам в зависимости от того, на каком злаке паразитирует, и от места произрастания. Мы не можем сказать ничего определенного по поводу того, какой химический состав имела та спорынья ячменя или пшеницы, что росла на Рарийских полях во втором тысячелетии

¹⁰ Васильков Я. В. Древнеиндийский вариант сюжета о «безобразной невесте» и его ритуальные связи // Е. С. Новик., Л. Ш. Рожанский. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 104.

до н. э. Но, конечно, не будет преувеличением предположить что на ячмене, растущем там, паразитировала спорынья, содержащая, среди других, доступные галлюциногенные алкалоиды. Знаменитая Рарийская равнина была рядом с Элевсином¹¹.

Последняя фраза Хофманна наводит на определенные размышления. Действительно, если чем и славился Элевсин, кроме знаменитых мистерий, так это своей пшеницей, растущей на Рарийских полях. Так не была ли все-таки спорынья пшеничной? Ведь это культ Деметры, а согласно преданию, Триптолем засеивал поле по поручению богини зернами пшеницы, а не ячменя. Согласно Псевдо-Аполлодору: «Старшему из сыновей Метаниры Триптолему она изготовила колесницу, в которую запрягла крылатых драконов, и дала зерна пшеницы, которыми Триптолем, поднявшись к небу, засеял всю землю»¹². И передавала ему Деметра, как пишет Топоров, колос со спорыньей:

Видимо, сходный [с сомой] эффект достигался и в элевсинских мистериях использованием галлюциногенных свойств спорыньи (ср. ее изображения в вазовой живописи, в сюжете вручения Деметрой колосьев со спорыньей Триптолему)¹³.

Восприятие спорыньи, как символа плодородия, сохранялось во многих культурах тысячелетиями. В России в XIX веке просили Господа: «дай спорость находящемуся на столе хлебу»¹⁴. Многие крестьяне даже в XX веке, причем в разгар эпидемии, все еще были уверены, что «спорынья родится в самом хлебе, чтобы хлеб был спорый, а не для отравы»¹⁵. И если именно спорынья зашифрована в $\alpha\phi\iota$, «то роль колосьев как атрибута Деметры, передача их Триптолему, интерпретируемая обычно как акт целиком культурный, приобретает

¹¹ Wasson R. G., Hofmann A., Ruck C. A. P. The Road to Eleusis: Unveiling the Secret of the Mysteries. North Atlantic Books, 2008. p. 42.

¹² Аполлодор. Мифологическая библиотека. Ленинград, Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1972. [1.5.2].

¹³ Топоров В. Н. Опьяняющий напиток // Гл. ред. С. А. Токарев. Мифы народов мира: Энциклопедия. Том 2 (1980), 1991. (256–258) С. 257.

¹⁴ Дневник старокрещеного татарина, 1865 года // Православное обозрение, Томъ 19, Москва: Въ Университетской типографіи, 1866. С. 461.

¹⁵ Максудов Г. А. Токсидемия рафании (эрготизма) в Уральской области в 1926—27 г. // Казанский медицинский журнал № 11, ноябрь. Казань, 1927, С. 1158.

иной смысл: это передача растения, из которого готовится галлюциногенный напиток для мистерий, напиток, символизирующий плодородие, как и сама спорынья»¹⁶.

Не только блаженство сулили элевсинские мистерии, видения были и пугающими.

Затем, посвященные облакались в кожу молодого оленя, символ растерзанной души, погруженной в жизнь плоти. После этого гасились все факелы и светильники, и мисты входили в подземный лабиринт. Приходилось идти ощупью в полном мраке. Вскоре начинали доноситься какие-то шумы, стоны и грозные голоса. Молнии, сопровождаемые раскатами грома, разрывали по временам глубину мрака. При этом вспыхивающем свете выступали странные видения: то чудовище химера или дракон; то человек, раздираемый когтями сфинкса, то человеческое привидение. Эти появления были так внезапны, что нельзя было уловить, как они появлялись, и полный мрак, сменявший их, удваивал впечатление. Плутарх сравнивает ужас от этих видений с состоянием человека на смертном одре¹⁷.

Подобные галлюцинации наблюдались и российскими психиатрами XIX века во время эпидемий эрготизма. Но тогда о возможной связи спорыньи и древних мистерий никто еще не задумывался. После уничтожения элевсинских мистерий знания о спорынье оказались утраченными. Или, точнее, было утрачено ее сакральное значение и опыт безопасного применения. Эффекты отравления спорыньей стали спонтанными, но, судя по всему, продолжали использоваться теми, кто догадывался об их причинах. Антониты, по крайней мере, это знали и лечили паломников белым хлебом.

Вытеснив строго ритуальную токсикацию, локализованную в пространстве и времени ритуала и мистерии, последующая цивилизация, стимулирующая развитие промышленности и сельского хозяйства, привела к небывалой и повсеместной токсикации отравляющими веществами¹⁸.

В начале XX века религиозный философ Василий Розанов задумчиво записал на листке: «Элевзинские таинства совершаются и теперь. Только когда их совершают люди, они уже не знают

¹⁶ Судник, Цивьян, 1981, С. 307.

¹⁷ Шюре, 2004.

¹⁸ Савчук, 1995, С. 156.

теперь, что это — таинства»¹⁹. Что он имел ввиду? Лежала ли перед ним буханка ржаного хлеба? Этого мы никогда не узнаем. В тот день он написал одну лишь эту фразу. Только за такими спонтанными народными «элевсинскими мистериями» обычно следовала расплата: корчи, гангрена, слабоумие и смерть.

Этноботаника Маккенну смущал в элевсинских таинствах один вопрос, который он задавал в своей книге: «Явно малоприятные переживания могут ждать тех, кто вознамерится испытать на себе теорию Уоссона-Хофманна относительно Элевсина. Есть микологи старые, а есть микологи храбрые, но старых и храбрых микологов не бывает... Если источником элевсинских мистерий было эрготизированное пиво, то как же его могли принимать столько веков без неприятных побочных эффектов, которые так же вошли бы в легенду?»²⁰

Но действительно ли проблем, связанных с элевсинскими таинствами, никогда не было? Да, легенды об отвалившихся руках и ногах или о корчах у участников мистерий нам неизвестны. Это и не удивительно — если опытные жрецы применяли заведомо небольшую дозировку, то при однократном приеме такой эффект малореален. Проблема могла бы возникнуть, если бы доза оказалась слишком большой или потребление — достаточно постоянным. И вполне вероятно, что один раз это все же произошло, а «побочным эффектом» стала знаменитая страшная афинская «чума», вошедшая в число десяти наиболее значительных эпидемий в истории. Этот загадочный мор еще с XVIII века пытались объяснить спорыньей. И вот здесь наглядно виден этот характерный момент медленного движения мысли — столетия идут споры о причинах «чумы», десятилетия спорят о природе элевсинского напитка, предлагая на замену спорынье, например, псилоцибиновые грибы с относительно сходными психоактивными свойствами. Но никому так и не пришло в голову связать элевсинские мистерии и «чуму» в одно целое. Не были ли вызваны эти феномены одним и тем же? Тем веществом, что выдвигалось по каждой из теорий отдельно.

¹⁹ Розанов В. Опавшие листья. Короб 2, 1915.

²⁰ Маккенна, Теренс. Пища богов. М. 1995.

Глава 2

Афинская чума

*Зачем мы здесь? Ты видишь сам: наш город
Добычей отдан яростным волнам;
С кровавой зыбью силы нет бороться,
Нас захлестнула с головой она.
Хиреют всходы пажитей роскошных;
Подкошенные, валятся стада;
Надежда жен в неплодном лоне гибнет;
А нас терзает мукой огневицы
Лихая гостья, страшная чума.*

Софокл. Царь Эдип

К числу посвященных в элевсинские мистерии принадлежал и великий древнегреческий трагик Софокл, чье описание чумы в «Царе Эдипе» взято из реальной афинской эпидемии¹. В другой трагедии об Эдипе («Эдип в Колоне») он упоминал и элевсинские мистерии. Это случайность, но символичная. Элевсинские мистерии могли быть связаны с чумой совершенно непосредственно. И возможность такой связи прозрачна. Если жрецы в каком-то тайном месте Рарийских полей выращивали спорынью для мистерий, то во время войны, учитывая мокрую зиму накануне эпидемии, голод и массовое бегство

¹ Софокл. Драмы / перевод Ф. Ф. Зелинского. Серия «Литературные памятники». М.: Наука, 1990. * Примечание редакции: «вводя в сюжет трагедии моровую язву, не известную из других источников, Софокл находился под впечатлением эпидемии, поражавшей Афины в 430, 429 и 426 гг.».

крестьян, грибок мог раз за 2000 лет вырваться на волю и заразить обычные посевы. Спорынья пшеницы еще более ядовита, чем ржаная.

Действие, оказываемое спорыньей на человеческий организм, оказалось очень многогранным. Регулярное использование в пищу зараженного хлеба приводило к отупению, связанному с органическим повреждением мозга, психозам и безумию, а выкидыши у женщин ощутимо влияли на демографию населения. Все это нередко сопровождалось видениями и ужасающими галлюцинациями (преимущественно, при конвульсивной форме), тревожностью, паникой и повышенной агрессивностью. Острое отравление давало большой процент смертности. При хроническом — начинались судороги, они же «злая корча», нередко возникали катаракта и слепота. При другом варианте отравления развивалась гангрена конечностей: руки, ноги, половые органы, а иногда даже носы и уши чернели и отваливались. Спорынья оставляла после себя толпы обезумевших калек и смерть. Симптомы отравления были полиморфны, и болезнь постоянно путали с рожей, чумой и проказой. Но люди массово столкнулись с такими эффектами лишь в средние века, когда на смену пшенице пришла рожь, значительно легче заражающаяся спорыньей, а земледелие стало развиваться в подходящих для распространения паразита местностях. В античное же время, в более сухом и теплом климате и при выращивании самоопыляемых пшеницы и ячменя, такие эпидемии должны были быть редки, и никаких достоверных данных о том, что они действительно случались, у нас нет. За исключением, быть может, «чумы Фукидида».

Многие римские авторы упоминают некую страшную болезнь «священного огня», *Ignis Sacer*. Нередко эти описания отражают известную эпидемию в Афинах, как, например, у римского поэта и философа Тита Лукреция Кара («О природе вещей», книга 6). Этот римский «священный огонь» современные исследователи часто представляют рожей, не задумываясь, что какой бы неприятной болезнью рожь не являлась, треть населения Афин от нее умереть никак не могла. *Ignis Sacer* в средние века стали называть «огнем святого Антония». На это указывал еще в XVII веке Томас Крич, первый переводчик Лукреция Кара на английский язык, прокомментировавший в примечании строки Кара о священном огне, ползущем по телу и сжигающем каждую его часть, и язвах от скрытого огня (VI:1166) так: «Священный Огонь, *Sacer Ignis*, описанный Лукрецием — под таким именем латинянам известна болезнь, которую греки называют

Ερυσίπελας, а мы зовем огнем святого Антония; болезнь, согласно Цельсу, существует в двух формах, описанных им»². Затем рожу в Англии начали путать с эрготизмом, а со временем иногда считать «огонь св. Антония» рожей. Это заблуждение не так редко встречается и сегодня.

Знаменитая же афинская чума, про которую писал Кар, или чума Фукидида — названная так по имени подробно ее описавшего греческого историка — до сих пор представляет собой любимую тему научных споров.

В 431 году до н. э. разразилась Пелопоннесская война, и неизвестно, чем закончилось бы противоборство Афин и Спарты, если бы не эпидемия невиданной ранее болезни, неожиданно возникшая в Афинах и погубившая в течение одного года около трети населения города, что в конечном итоге и привело афинян к поражению в войне. Как описывал Фукидид: «никогда еще чума не поражала так молниеносно и с такой силой и на памяти людей нигде не уносила столь много человеческих жизней»³. На сегодня по этой эпидемии написано уже более двухсот научных работ, каждая из которых представляет свою точку зрения на то, чем этот мор был вызван — от чумы, кори, оспы и до вируса Эбола. Одно из последних исследований было проведено в 2006 году Манолисом Папагригоракисом (Manolis Papagrigorakis) из Афинского университета. Его группа пришла к выводу, что эпидемия была вызвана тифом (у этой группы, по крайней мере, были определенные основания для таких выводов — они хотя бы нашли следы тифа, изучая ДНК с зубов захороненных). Тем не менее, эти работы не в состоянии объяснить многие из существенных симптомов, приводимых Фукидидом:

Большинство больных страдало от мучительного позыва на икоту, вызывавшего сильные судороги. Причем у одних это наблюдалось после ослабления рвоты, у других же продолжалось и позднее. Тело больного было не слишком горячим на ощупь и не бледным, но с каким-то красновато-сизым оттенком и покрывалось, как сыпью, маленькими гнойными волдырями и нарывами. Внутри же жар был настолько велик, что больные не могли вынести даже тончайших покрывал, кисейных накидок

² T. Lucretius Carus, *Of the nature of things*. Printed by J. Matthews for G. Sawbridge, 1714. p. 755.

³ Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1981.

или чего-либо подобного, и им оставалось только лежать нагими, а приятнее всего было погрузиться в холодную воду. Мучимые неутолимой жаждой, больные, остававшиеся без присмотра, кидались в колодцы; сколько бы они ни пили, это не приносило облегчения. К тому же больной все время страдал от беспокойства и бессонницы. На протяжении острого периода болезни организм не слабел, но сверх ожидания сопротивлялся болезни, так что наступала смерть либо в большинстве случаев от внутреннего жара на девятый или седьмой день, когда больной был еще не совсем обессилен, либо, если организм преодолевал кризис, то болезнь переходила в брюшную полость, вызывая изъязвление кишечника и жестокий понос; чаще всего люди и погибали от слабости, вызванной этим поносом. Так недуг, очаг которого первоначально находился в голове, распространялся затем сверху донизу по всему телу. И если кто-либо выживал, то последствием перенесенной болезни было поражение конечностей: болезнь поражала даже половые органы и пальцы на руках и ногах, так что многие оставались в живых, лишившись этих частей, а иные даже слепли. Некоторые, выздоровев, совершенно теряли память и не узнавали ни самих себя, ни своих родных⁴.

Сильный внутренний жар при не слишком горячем теле, извочки, невозможность успокоиться, бессонница, судороги, отпадение членов, отупение с потерей памяти. Все это уже явно намекает на эрготизм. Даже прыжки в колодцы, хорошо известные по эпидемиям тарантизма и плясок св. Витта, когда измученные жертвы пытались таким образом погасить сжигающий их «невидимый огонь», тоже описаны Фукидидом. Поэтому теория отравления спорыньей была озвучена уже давно. Коберт (Kobert) в 1889 году придерживался версии синергизма заболеваний и пытался показать, что эпидемия в Афинах могла быть вызвана оспой, поразившей страдающее от скрытого эрготизма население. В поддержку своего взгляда Коберт ссылаясь на российские источники, показывающие, что случайные инфекции тифа, пневмонии, и пр. могут заставить скрытый эрготизм развиваться в гангрену. Коберт предполагал, что афиняне питались зараженным спорыньей зерном, импортированным с территорий, которые в его время являлись Южной Россией, а зерно спартанцев не было эрготизированным.

⁴ Ibid.

Теория спорыньи, как виновницы афинской чумы, была поддержана в 1957 году в работе Салвея и Делла⁵.

Фукидид, подробно рассказывая об эпидемии, заметил: «опишу ее проявления, чтобы, исходя из этого, в случае если она снова возникнет, ее можно было бы распознать». Но он недооценил энтузиазм потомков. Выискивание различных болезней, подходящих на роль афинской чумы превратилось в своеобразный научный марафон, каждый исследователь стремился найти собственное решение. Выдвинуты были версии уже не менее 29 различных болезней. И мало кого смущало, что непосредственно чумой эта болезнь не была, поскольку, кроме других значительных несовпадений в описании, погибали также и собаки, менее склонные к этому заболеванию, что от кори, например, не отваливаются половые члены и руки с ногами, а от тифа в колодцы не прыгают. Был ли Корбет прав, предполагая синергизм заболеваний?

Здесь стоит обратить внимание на тех, кто мог сравнить проявления болезни вживую, как, собственно, и предполагал Фукидид. Впервые версия отравления спорыньей была выдвинута еще в 1771 году военным врачом Ридом, который наблюдал бушующую в то время во Франции серьезную эпидемию эрготизма и наглядно сравнивал ее симптомы с афинской чумой. Врач нашел много общего с описанием Фукидида. Он отмечал отпадение членов, ненасытную жажду у больных и пр.⁶ Единственное, что смущало Рида — откуда в то время в Афинах могла появиться спорынья в неблагоприятных для нее условиях. А если болезнь пришла из Эфиопии или Ливии (у Фукидида — по слухам, «как говорят»), то и там спорынье, вроде бы, не место (впрочем, сегодня мы знаем, что вспышки эрготизма в Эфиопии вполне себе случаются, последняя произошла совсем недавно — в 2001 году).

Этот вопрос у исследователей возникал всегда: откуда же взялась в Греции спорынья, слабо приживающаяся на пшенице в таком климате? Отсюда и Южная Россия у Корбета, Салвея и Делла. Именно этот момент использовали критики гипотезы, указывая, что афинский флот в Эгейском море имел беспрепятственный доступ к близким зернопроизводящим районам даже во время осады города⁷.

⁵ Salway, P. Dell, W. Plague at Athens. Greece and Rome, ser. 2, 1955(2): pp. 62–70.

⁶ Read, Al. Phil. Traité du Seigle ergoté. Strasbourg, 1771. pp. 54–55.

⁷ Morens, David M and Littman, Robert J. Epidemiology of the Plague of Athens. Transactions of the American Philological Association (1974), Vol. 122(1992), pp. 271–304.

Но если верна версия Хофманна и соавторов, и элевсинский напиток изготавливался из спорыньи, то ее источник не надо искать в других странах — жрецы выращивали спорынью неподалеку от Афин, в Элевсине, на знаменитых Рарийских полях. И она вовсе не должна была попасть к афинянам издалека, с территорий современных Украины, России или откуда-то еще, а это снимает и возражение Моренса и Литтмана о том, что эрготизм не объясняет «более частые (или тяжелые) случаи болезни у беженцев»⁸. Фукидид писал: «Это постигшее афинян бедствие отягчалось еще наплывом беженцев из всей страны, и особенно страдали от болезни вновь прибывшие» («скопление народа с полей в город»). Они и могли привезти зараженное зерно с собой.

Стоит также обратить внимание, что Диодор Сицилийский, рассматривая возможные причины эпидемии, отмечал крайне дождливую зиму (после которой осталось много огромных луж со стоячей водой, не высохавших до лета)⁹, что является благоприятным условием для развития спорыньи. И то непривычное поведение людей, удивлявшее Фукидида, и которое он пытался объяснить «тяжким приговором судьбы»: «беззаконие», «чувственные наслаждения», преступления, которые не мог остановить «ни страх перед богами, ни закон человеческий» — все это могло быть просто следствием психозов от отравления спорыньей.

Заразность болезни, о которой Фукидид писал: «люди вымирали целыми домами», что представлялось естественным в рамках распространенной тогда миазматической теории, — вообще частая ошибка при эрготизме, поскольку создается впечатление, что члены одной семьи умирают, заразившись друг от друга. Сходную ошибку допустят марбургские врачи в 1597 году, дав первое и широко известное описание конвульсивной формы эрготизма (*die Kriebelkrankheit*, то же, что в России «злая корча»), но посчитав заболевание контагиозным¹⁰. Реальная причина была в том, что обычно члены одной семьи ели один и тот же хлеб, из того же мешка муки. Заражение же зерна неравномерно, попадут или не попадут рожки спорыньи в конкретный

⁸ Ibid.

⁹ Диодор (XII 45,2; 58,3–5), прим. Стратановского / Фукидид. История. М., 1981.

¹⁰ Barger, George. *Ergot and Ergotism: A Monograph*. London: Gurney and Jackson, 1931. p. 68.

мешок — лотерея. Советские авторы описывали точно такую же картину при отравлении спорыньей: «вспышки эрготизма группировались в отдельных семьях, в зависимости от засоренности зерна, собранного ими осенью»¹¹.

Таким образом, афинская чума вполне могла быть вызвана спорыньей (самой по себе или выступившей в роли фактора, понижающего иммунитет при том же тифе, например) с местных пшеничных (или пусть даже ячменных) полей. Конечно, это лишь очередная гипотеза, двести какая-то по счету, — но единственная, позволяющая увязать вместе оба феномена, связанных, возможно, со спорыньей в Древней Греции. Определенно же, на основании множества хроник, можно говорить об эпидемиях эрготизма лишь со средневековья.

После подозрительной афинской чумы об эпидемиях эрготизма долго ничего не слышно. Спорынью подозревали и в других морах, например, в эпидемии в Галлии во время осады Марсильи (Марселя) Гаем Юлием Цезарем, но сам Цезарь признаков отравления не приводит, поэтому определенно утверждать нельзя¹². Мор в Лиможе в 591 году, упомянутый в «Истории франков» Григория Турского, когда «многие погибли от небесного огня» (*plerique igne caelesti consumpti sunt*)¹³, вполне возможно, был эрготизмом, как считал Гирш¹⁴, но никаких уточняющих данных не существует, и мы не можем быть в этом уверены.

Достоверно зафиксированы эпидемии эрготизма только с IX века. Когда рожь распространилась в Германии (впервые упоминается в саксонских капитуляриях в 797 году¹⁵), то в Ксантенских анналах под 857 годом появились и первые описания болезни: «Великое мучение от гнойных пузырей распространилось среди людей и завершалось оно отвратительным гниением, так что перед смертью [телесные] члены отмирали и отваливались»¹⁶. В следующем веке эпидемии

¹¹ Рейслер А. В. Гигиена питания. 2-е изд. М.: Медгиз, 1957. С. 401.

¹² Barger, 1931. p. 42.

¹³ Gregorie de Tours. Histoire des Francs. Livres VII—X. A. Picard et fils, 1893. p. 197.

¹⁴ Hirsch, August, Handbook Of Geographical And Historical Pathology. London, 1883. p. 205.

¹⁵ Кулишер М. И. История экономического быта Западной Европы. 9-ое изд. Т. 1—2. Челябинск: Социум, 2004. С. 93.

¹⁶ Ксантенские анналы // Историки эпохи Каролингов. М. РОССПЭН, 1999. С. 143—160.

происходили уже довольно часто, а во второй половине XI века, как раз перед крестовыми походами, отравления во многих регионах Европы стали почти перманентными. Эта же пандемия затронула в то время Полоцк и Киев.

По выражению профессора биологии Льюиса: «Через темные века и средневековье, видения и интоксикация спорыньей шли рука об руку»¹⁷. Но если возникали массовые эпидемии, то еще раньше должны были появиться и галлюцинации от спорыньи. И эти видения не могли не использовать в своих целях те, кто мог получить от них выгоду. Спорынья по-прежнему, как и тысячи лет до того, продолжала служить жрецам. Но теперь уже не жрецам Элевсина, а жрецам Смерти.

В конце прошлого века авторы статьи «Биохимия крестовых походов», утверждая, что «хронический эрготизм среди населения средневековой Европы был практически неизбежен»¹⁸, попытались показать, что эти походы были спровоцированы именно галлюциногенным отравлением. Это вполне очевидный вывод, но все же, на мой взгляд, неполный. Не менее значимым фактором массовости движения являлся просто дикий страх перед непонятной эпидемией, и на этот фактор прямо указывал современник первого похода. Также понятно, что без пропаганды папства, которое использовало такую ситуацию в своих целях, любые галлюцинации и видения без необходимых «установок» не могли сработать, и движение не вылилось бы именно в крестовые походы — произошли бы лишь местные волнения, погромы и восстания.

¹⁷ Lewis, W. H. Medical botany: plants affecting man's health. 1977. p. 705.

¹⁸ Черников А. М., Мосягин В. В. Биохимия крестовых походов // Журнал «Химия и жизнь» №2, 1998. С. 52.

Глава 3

Deus lo vult

Возможно, с моей стороны было несколько поспешно, даже, сказал бы я, скоропалительно делать подобные выводы, но всякий раз, когда кто-то заводил при мне разговор о том, что видел или слышал нечто, недоступное восприятию окружающих — если только дело не обошлось без мощных галлюциногенов: мухоморов, спорыньи и т. п., — я мысленно утверждал: мы имеем дело с сумасшествием или наглым обманом.

Тибор Фишер. Философы с большой дороги

Связь между отравлениями спорыньей и крестовыми походами могла бы быть замечена еще в XIX веке, когда немецкие профессора Фукс (Fuchs, 1834), а затем Гирш (Hirsch, 1883) отделили описания эпидемий «священного огня» от рожи и других заболеваний. Но в то время для многих связь огня св. Антония и отравления спорыньей еще казалась неочевидной (см. Эккерман, 1884). Позже, когда стало ясно, что ко времени начала движения крестоносцев Европа оказалась охвачена эпидемиями эрготизма, вопрос, не были ли связаны с этим и сами крестовые походы, казалось бы, уже напрашивался.

Недоброкачественное питание становилось также причиной многих эпидемий, в частности дизентерии и страшной «огненной» болезни или, как ее называли современники, «священного» или «дьявольского» огня, «огненной чумы». Она охватила многие области Западной Европы в последние два десятилетия

XI столетия и была связана (как это установили много позже — в XVII в.) с заражением зерновых, прежде всего ржи, спорыньей¹.

Но этот момент до самого последнего времени игнорировался не только католиками или романтиками рыцарства. Историки, если даже и отмечали данный факт, то обычно лишь мимоходом, не придавая ему особого значения. «Примечательно, что фанатичными участниками первого крестового похода 1096 г. были бедные крестьяне из районов, наиболее сильно пострадавших в 1094 г. от эпидемии «священного огня» и других бедствий — Германии, рейнских областей и восточной Франции», — определенной других высказался Ле Гофф, но и для него это скорее следствие постоянного голода в Европе, а не катализатор похода².

Мир на грани вечного голода, недоедающий и употребляющий скверную пищу... Отсюда брала начало череда эпидемий, вызываемых потреблением непригодных в пищу продуктов. В первую очередь это наиболее впечатляющая эпидемия «горячки» (*mal des ardents*), которую вызывала спорынья (возможно, также и другие злаки); эта болезнь появилась в Европе в конце X в. Как рассказывает хронист Сигеберт Жамблузский, 1090 г. «был годом эпидемии, особенно в Западной Лотарингии. Многие гнили заживо под действием «священного огня», который пожирал их нутро, а сожженные члены становились черными, как уголь. Люди умирали жалкой смертью, а те, кого она пощадила, были обречены на еще более жалкую жизнь с ампутированными руками и ногами, от которых исходило зловоние»³.

И хотя Ле Гофф, в отличие от русских переводчиков его книги, понимает, что такое спорынья, но особого значения он ей тоже

¹ Ястребицкая А. Л. Европейский мир X—XV вв. М.: Интерпракс, 1995. С. 13.

² Ле Гофф, Жак. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. С. 224.

³ Ле Гофф, 1992, 223. * Здесь характерная ошибка русского издания, показывающая, что ни переводчик, ни редакторы не знали, что такое спорынья; получается: спорынья — это злак, пропадает существенный момент — физическая невозможность отделения рожков от зерна при том уровне сельского хозяйства. Должно быть: «которую вызывала спорынья ржи (возможно, также и спорынья на других злаках)». У Ле Гоффа в оригинале все верно: «causé par l'ergot de seigle — mais d'autres céréales aussi probablement» (Goff, Jacques Le. La civilisation de l'Occident médiéval. Arthaud, 1967. p. 300).

не придает — цитата Сигеберта обрывается у него на этом самом месте, лишаясь важного для характеристики обстановки окончания: «но многие страдали от нервных судорог»⁴. Именно этот момент наиболее существен, поскольку ясно указывает на смешанную эпидемию гангренозного и конвульсивного эрготизма. А конвульсивная форма заболевания предполагает возможность массовых галлюцинаций и видений, что и наблюдались перед походом (гангренозной форме галлюцинации присущи в значительно меньшей степени).

Связь «священного огня» с первым крестовым походом можно проследить более наглядно. Это время было пиком эпидемий, госпитальное братство св. Антония, призванное заниматься жертвами «огненной болезни», было утверждено папой как раз накануне похода: «Урбан II во время своей поездки по Франции и в Клермоне был очень озабочен основанием ордена [св. Антония]»⁵. Зная действительные спорыньи, нетрудно понять, почему на лихой крик Урбана с амвона Клермонского собора: «Угодно Богу!» народ отреагировал с таким воодушевлением. И изначально значение здесь имело даже не столько галлюциногенное влияние спорыньи (также, впрочем, подливающее масло в огонь св. Антония), сколько охвативший всех ужас перед непонятным мором.

Желание франков уйти в крестовый поход было вполне естественно в тех условиях. Так позже будут спасаться от эпидемий чумы: убегая из городов, бросая дома, имущество, семью. Но «священный огонь» бушевал повсюду, от него не убежишь внутри страны — он загорался везде, где ели хлеб, а хлеб ели везде. Папа ловко воспользовался этой ситуацией, указав выход из тупика. Согласно хронике Роберта Реймского, папа рассказал франкам на проповеди после Клермонского собора о сказочной стране: «Иерусалим — это пуп земли, край, плодотворнейший по сравнению с другими, земля эта — словно второй рай... Когда папа в своей искусной речи сказал это и многое в этом роде, всех, кто там был, соединило общее чувство, так что возопили: „Так хочет бог! Так хочет бог!“ Услышав это, почтеннейший владыка римский, возведши очи к небесам, возблагодарил бога»⁶.

⁴ цит. по Ястребицкая, 1995. С. 13.

⁵ Cowdrey H. E. J. The Peace and the Truce of God in the Eleventh Century. *Past and Present*, 46 (1970). pp. 42–67.

⁶ Реймский, Роберт. Иерусалимская история. // История крестовых походов в документах и материалах, пер. М. А. Заборова. М.: Высш. школа, 1977. С. 52.

«И все же глубоко обманулся бы тот, кто пожелал увидеть лишь эти материальные стимулы в основе всего движения. Определяющую роль в подготовке похода, несомненно, сыграл религиозный энтузиазм, многократно усиленный церковью»⁷, — был уверен Жозеф-Франсуа Мишо в начале XIX века. Но церковь знала, где этот религиозный энтузиазм лучше усилить. Крестовые походы — это синергия страха, безумия и холодного расчета.

Тысячеустая молва быстро разнесла по всему Западу вплоть до морских островов вести о Клермонском соборе и предстоящем походе на Иерусалим. Сборы начались в первую очередь во Франции, поскольку именно там царила особо насыщенная религиозным возбуждением атмосфера. Ее накалу во многом содействовала проповедническая активность церковников⁸.

Упомянутая напряженная атмосфера неспроста возникла именно во Франции, наиболее сильно страдавшей на тот момент от эпидемий «священного огня». Деятельность проповедников не столько усиливала этот накал религиозного возбуждения, сколько придавала ему нужное направление. Нет, не случайно папа, не получив поддержки на представительном соборе 1095 года в итальянской Пьяченце, где впервые прозвучала мысль о походе на восток, в ноябре того же года отправился во Францию и открыл новый собор в городе Клермон в Оверни (местности, которая и столетия спустя будет связана с отравлением спорыньей — от ужаса перед оборотнями до Великого страха во время Французской революции). Вдохновитель крестового похода понимал, что на тот момент именно франков легче заставить броситься в эту авантюру, дав им необходимую установку. Подтолкнуть народ к походу было несложно, поскольку, кроме фактора голода, «многим западным франкам не нужен был веский стимул, чтобы оставить свои дома. В течение нескольких лет они страдали от междоусобных стычек, голода и гангренозной болезни, распознанной впоследствии как эрготизм»⁹.

Обычно такие вспышки болезни приводили в средние века к массовому движению пилигримов к святым местам, где больных

⁷ Мишо Ж.-Ф. История Крестовых походов. М.: Вече, 2005.

⁸ Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М.: Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1980. С. 44.

⁹ Barber, Malcolm. The two cities: medieval Europe, 1050–1320. Routledge, 2004. p. 117.

довольно часто излечивала смена диеты. Но это еще лишь начало становления серьезного бизнеса: госпитальное братство св. Антония для организации паломничества больных «огненной чумой» было одобрено Урбаном только на том же Клермонском соборе¹⁰, дорога в Сантьяго-де-Компостелу еще должным образом не разрекламирована, инфраструктура не развита. А в привычном для паломника Иерусалиме деньги собирают вовсе не христиане: «тот, кто приходил к воротам города не мог попасть туда, не заплатив некоторого количества золота, требуемого в качестве подати»¹¹, не говоря уж об упускаемых завещаниях имущества. И это тоже важный повод к захвату Иерусалима.

Призыв папы на фоне эпидемии обернулся довольно неожиданным даже для него крестьянским крестовым походом. Папа рассчитывал на несколько тысяч рыцарей, а в поход внезапно отправились десятки тысяч крестьян и рыцарская беднота. Советский историк Заборов, впрочем, считал, что папа такой возможности опасался, пытаясь сдержать ненужное рвение тех, кто был бесполезен для дела:

Как бы то ни было, клермонская речь Урбана II возымела действие, значительно превосшедшее его собственные ожидания и в какой-то мере даже не вполне соответствовавшее интересам феодальных инициаторов крестового похода. О том, что возможность такого резонанса не исключена, догадывался, видимо, и сам папа, иначе он не стал бы увещевать слабых людей, не владеющих оружием, оставаться на месте: эти люди, говорил он, являются больше помехой, чем подкреплением, и представляют скорее бремя, нежели приносят пользу. Удержать бедноту, однако, было невозможно¹².

С другой стороны, это могло быть продуманным лицемерием, если церковь таким образом планировала уничтожение в Европе «лишних ртов» и рыцарской голытьбы из младших сыновей феодалов, которые по закону о майорате порой не получали в наследство ничего, кроме коня и доспехов. Безземельные рыцари сбивались в банды и грабили

¹⁰ Lagarde, Andre. *Latin Church in the Middle Ages* (1915). Kessinger Publishing, 2003. p. 121.

¹¹ *Collection de memoires relatifs a l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie francaise jusqu'au 13e siecle. Par M. Guizot. Paris, libraire chez J.-L.-J. Briere, 1824.* (рус. пер. vostlit.info).

¹² Заборов, 1980. С. 43.

купцов, что стало серьезной проблемой в Европе. Эти разбойники и составят большинство рыцарей-крестоносцев.

В любом случае, зажечь массы было в то время не сложно — папа сам был родом из Шампани и знал, какой эффект может вызывать «священный огонь». И этим эффектом был не только страх, не случайно в покровители больным был выбран именно св. Антоний, известный своими демоническими видениями.

Но управлять ситуацией, надо заметить, оказалось сложнее, чем папа рассчитывал:

Урбан считал, что крестоносное войско должно было состоять лишь из рыцарей и других боеспособных частей. Однако, по мере того как провозглашенная в Клермоне весть о походе на Восток распространялась по Западной Европе, все больше мужчин и женщин из всех социальных слоев населения принимали крест. Выражаясь современным нам языком, можно сказать, что Урбан потерял контроль над кадрами¹³.

Первая волна крестоносцев пошла в свой безумный поход весной 1096 года, даже не дождавшись назначенного папой срока в августе. Сработал как непосредственный страх перед смертельной болезнью, так и галлюцинации от нее же, породившие тревожность и массовые видения, принимаемые за знамения. Даже автор классической «Истории крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо, считающий, что «история средних веков не знает эпопеи более величественной», вынужден был заметить о первых крестоносцах: «В этом сборище одержимых не нашлось ни одного сколь либо разумного человека — никто из них всерьез не задумался над будущим, никто даже не удивился тому, что теперь так изумляет их потомков»¹⁴.

При этом фактор страха перед эпидемией был отмечен еще современником первого крестового похода, немецким хронистом Эккехардом Аурским, который писал о страшной огненной болезни, поражавшей людей, и именно с этой болезнью связывал энтузиазм «похода бедноты». Сейчас это общее место у специалистов по истории крестовых походов: «Он [Эккехард] объяснял вовлеченность бедняков в первый крестовый поход следствием хаоса, эпидемии эрготизма, которая охватила Западную Европу, и экономического

¹³ Riley-Smith, Jonathan. The Oxford History of the Crusades. Oxford University Press, 2002. p. 35.

¹⁴ Мишо, 2005.

упадка»¹⁵. Но Заборов, хорошо знакомый с хрониками Эккехарда, эту связь практически упустил, только упомянув описание «страшной болезни, которая поразила и людей и скот» в контексте голода. То ли он считал, что марксистская доктрина требует более сосредоточиться на экономической составляющей, то ли решил (или ему подсказали), что не столь давние эпидемии эрготизма в СССР в контексте безумия и психозов могли вызвать у читателя ненужные ассоциации. Теперь же некоторые историки, например Дж. Филиппс, упоминают и психическую составляющую отравления спорыньей:

Годы, приведшие к первому крестовому походу, включая 1095, были во Франции засушливыми, с бедными урожаями, голодом и вспышками эрготизма — болезнью от грибка на ржи, которая может вызывать безумие. Эккехард из Ауры описал эту ситуацию подробно и предположил, что такие условия много послужили тому, чтобы поощрить людей искать удачу в далеких странах в крестовом походе¹⁶.

Бенедиктинский монах Эккехард имел ввиду, конечно, не безумие, о нем он не догадывался, и неадекватное поведение франков представлялось ему лишь религиозным экстазом. Но Эккехард видел огромное желание отчаявшихся людей бежать от голода и страха перед смертельным «невидимым огнем», о чем прямым текстом и писал:

Западных франков легко можно было уговорить покинуть свои деревни; ибо Галлию в течение несколько лет жестоко угнетали то гражданская война, то голод, то смертность, и, наконец, вплоть до отчаяния в самой жизни напугала та напасть, которая возникла возле церкви святой Гертруды в Нивеле. Она была такого рода. Человек, пораженный невидимым огнем в той или иной части тела, так долго горел в жутких, вернее, ни с чем не сравнимых мучениях, пока не терял дух вместе с мучениями, или мучения вместе с пораженным членом. Об этом до сих пор свидетельствуют некоторые люди, потерявшие в результате этой кары руки или ноги¹⁷.

¹⁵ Riley-Smith, Jonathan. The first crusaders, 1095—1131. Cambridge University Press, 1998. p. 16.

¹⁶ Phillips, Jonathan; Phillips, Jonathan P. The Second Crusade: extending the frontiers of Christendom. Yale University Press, 2007. p. 106.

¹⁷ Ekkehardi chronicon universale. MGH, SS. Bd. VI. Hannover. 1844. (рус. пер. Всеобщая хроника Эккехарда, vostlit.info).

Сопутствующие этому «невидимому огню» одержимость и безумие и есть тот дополнительный фактор, который вызвал слова Мишо об «изумлении потомков». О галлюциногенной составляющей отравления историк не знал, а фактор страха в причинах разыгравшегося психоза представлялся ему недостаточным для объяснения охватившего массы религиозного рвения:

Во все времена обычные люди следуют своим естественным склонностям и повинуются в первую очередь голосу собственной пользы. Но в дни, о которых идет речь, все обстояло иначе. Подготовленная паломничеством и религиозными испытаниями прежних столетий, набожная горячность становилась слепой страстью, и голос ее оказался сильнее всех остальных страстей. Вера словно бы запрещала защитникам своим видеть иную славу, иное блаженство, чем те, которые сама представляла распаленному их воображению¹⁸.

Франки двинулись в поход массово. Как отмечает анонимный автор «Деяний франков» (*Gesta Francorum*), сам принимавший участие в первом крестовом походе, «то было великое движение по всему Галльскому краю»¹⁹. Характерно, что это движение франков вызывало поначалу только насмешки в тех частях Германии, в которых соответствующих предпосылок еще не было и доз спорыньи хватало только на легкие галлюцинации (если мы предположим, что многочисленные «чудесные видения» ими и были). Поэтому франки, идущие в крестовый поход, поначалу представлялись окружающим фактически сумасшедшими, о чем также упоминает Эккехард:

Отсюда вышло, что почти все немецкие народы, не зная в начале этого похода о его причине, издевались над проходившими через их землю столькими отрядами конных и пеших, столькими толпами крестьян, женщин и детей, говоря, что они охвачены неслыханной глупостью, ибо, ловя ненадежное вместо надежного, напрасно оставили землю своего рождения²⁰.

Аббат Эккехард ничего не знал о причинах мора и о психозах и галлюцинациях при отравлении спорыньей, но зато он слышал рассказы

¹⁸ Мишо, 2005.

¹⁹ *Gesta Francorum*, цит. по Breen, Katharine. *Imagining an English Reading Public, 1150–1400* // vol. 79 of *Cambridge Studies in Medieval Literature*. Cambridge University Press, 2010. p. 125.

²⁰ Ekkehardi, 1844.

тех, кто видел необычное, и сам наблюдал явления, представляющиеся ему божественными чудесами, которые он посчитал необходимым подробно описать:

Чудесные явления самого разнообразного характера предшествуют уже началу крестового похода. Эккехард Аурский посвящает описанию фактов этого рода целую главу (десятую) в своем «Иерусалимце», заявляя притом, что полагает «полезнейшим делом» (*duximus utilissimum*) привести хотя бы некоторые известия об этих чудесах²¹.

Перед походом появилось множество фанатически настроенных проповедников из монашеской братии и просто юродивых, звавших слушателей в бой за христианские святыни. Они вещали «о пророческих сновидениях, явлениях Христа, девы Марии, апостолов и святых, о небесных знамениях»²². «Чудеса и видения умножились; наблюдали даже тень Карла Великого, призывавшего христиан к битве с неверными»²³. «Широкое распространение получили якобы падавшие с неба грамоты, посредством которых господь изъяснял намерение взять под защиту ратников Божьих. По уверению Эккехарда Аурского, он сам держал в своих руках копию такого небесного послания»²⁴. Священники уже не удивлялись чудесам, видя воочию «как удивительной длины меч был унесен ввысь порывом ветра, поднявшимся неизвестно откуда»²⁵. Далеко не все новоявленные пророки были агентами папы, многие из них действительно верили в то, что видели знамения, и явились индукторами распространения психоза.

Сейчас трудно сказать, что из «чудес» являлось церковной пропагандой, что галлюцинациями, а что просто вымыслом и фантазиями мистичного средневекового ума. В те времена и не было особого различия — любая галлюцинация так же реальна, как существование Христофора-песьеглавца или единорогов. Но описывалось чудес перед первым походом множество, что дало повод Чарльзу Маккею в его классическом труде о массовых маниях эти явления представить безумствами. Люди в то время начали видеть необычные вещи.

²¹ Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская историография XI—XIII веков). М.: Наука, 1966. С. 67.

²² Заборов, 1980. С. 44.

²³ Мишо, 2005.

²⁴ Заборов, 1980. С. 45.

²⁵ Ekkehardi, 1844.

То небо озарялось подобием северного сияния необычной яркости, и тысячи крестоносцев выходили смотреть на него, в благоговении падая ниц на землю. То воины бились в небе пылающими мечами, то мириады звезд низвергались с небес. Особенно обезумели женщины и призвали своих любимых и мужей отказаться от всего ради священной войны. Многие из них выжигали кресты у себя на груди и руках и подкрашивали раны красной краской. Другие выжигали кресты на своих младенцах²⁶.

Эккехард описывает, как он сам видел комету, «простирающую свой блеск в сторону подобно мечу», а другой священник наблюдал небесного всадника, убившего врага огромным крестом. «Некоторые, которые несли стражу на конских пастбищах, рассказывали, что видели в воздухе образ города, и видели также, как различные толпы спешат к нему из разных земель конные и пешие»²⁷.

Теперь видения уже не оставят Эккехарда, он и во время похода будет видеть прыгающую на небе звезду, кровавые облака, поднявшиеся как с запада, так и с востока, летящие навстречу друг другу и столкнувшиеся между собой в центре неба, огненные блики с севера и летающие по воздуху факелы, «что мы можем подтвердить при помощи многочисленных свидетелей»²⁸. Взяли ли крестоносцы с собой соответствующий провиант, или это лишь разыгравшееся воображение мистически настроенного монаха? Вряд ли теперь мы это узнаем.

После «семи тощих лет» голода, непосредственно предшествовавших крестовым походам, когда соседи и родственники умирали и продолжают умирать в диких мучениях от страшной и непонятной «огневицы», любое видение будет являться лишним веским поводом бежать из гиблого места, чем дальше, тем лучше. Бежать в далекий сказочный Иерусалим, где молочные реки и кисельные берега, и куда зовет на священную битву не только папа, но и сам Христос или Дева Мария, лично появляясь на небесном экране. Все происходящее вокруг обретало пророческий смысл. Даже выкидыши у женщин — наиболее стандартный симптом отравления спорыньей — трактовались как знак небес:

²⁶ Mackay, Charles. *Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds*. (1841). Barnes and Noble Publishing, 2004. p. 298.

²⁷ Ekkehardi, 1844.

²⁸ Ibid.

Любые необычные явления в природе и в человеческой жизни вроде преждевременных родов у женщин интерпретировались как свидетельства приближения грозных событий²⁹.

Видения, как пишет Эккехард, еще больше подхлестнули людей к походу: «Кроме того, знак, который, как было написано выше, видели на солнце, и множество знамений, которые появились как в воздухе, так и на суше, побудили к такого рода действию немало прежде равнодушных людей... Точно так же другие, терзаемые внезапным изменением образа мыслей, или наставленные ночным видением, решали отречься от поместий и личного имущества и нашить на одежды знак умерщвления; среди всех этих народов, наперебой, более чем тому можно поверить, устремившихся в церкви, благословение священников по новому обычаю раздавало мечи вместе с посохами и сумками»³⁰.

Все это вместе и заставило народные массы стихийно броситься в кровавую мясорубку крестового похода. Они шли, сметая на своем пути все мелкие населенные пункты, грабя всех подряд, чтобы прокормить себя. Анна Комнин, дочь византийского императора Алексея, писала тогда:

До императора дошел слух о приближении бесчисленного войска франков. Он боялся их прихода... Однако действительность оказалась гораздо серьезней и страшней передаваемых слухов. Ибо весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию, они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу... Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты. Как реки, хлынувшие отовсюду, всем войском двинулись они на нас через Дакию³¹.

Даже если послы императора Алексея действительно просили папу о помощи против «язычников» (но не о крестовом походе в Иерусалим) на соборе в Пьяченце (никакие из сохранившихся византийских источников этих послов не упоминают), то в любом случае что-то пошло не так, на такое движение в Византии никак не рассчитывали

²⁹ Заборов, 1980. С. 45.

³⁰ Ekkehardi, 1844.

³¹ Комнина, Анна. Алексиада. М.: Наука, 1965. С. 275.

и испугались. Анна полагала, что за всем этим стоит лишь неистовая проповедь Петра Пустынника: «Петр как будто покорил все души божественным гласом». Согласен с ней и архиепископ Вильгельм Тирский: «Петр был чрезвычайно полезен своею проповедью папе... Он, как предтеча, приготавлиал умы слушателей к повиновению папе, и последний, предпринимая свои увещания, достигал скорее цели и тем легче привлекал к себе сердца всех»³². Но если бы не было изначальных предпосылок, то проповеди Петра не нашли бы столь многочисленных последователей, тем более так быстро. Это даже Христу не удавалось.

Так что отмеченная Ле Гоффом связь характера питания, роли чуда и «своеобразия средневекового христианства» вовсе не случайная:

Появление на Западе спорыньи, частый голод и горячка, вызывающие конвульсии и галлюцинации³³, деятельность антонитов, рвение участников народного крестового похода — здесь целый комплекс, где средневековый мир предстает в тесном переплетении своих физических, экономических и социальных бед с самыми неистовыми и одновременно одухотворенными реакциями. Изучая характер питания и роль чуда в средневековой медицине и духовной жизни, мы каждый раз вновь обнаруживаем эти сплетения невзгод, необузданности и высоких порывов, из которых складывалось своеобразие средневекового христианства в глубине его народных слоев. Ибо средневековый мир, даже оставляя в стороне периоды чрезвычайных бедствий, был обречен в целом на множество болезней, которые объединяли физические несчастья с экономическими трудностями, а также с расстройствами психики и поведения³⁴.

Конец у «народных крестоносцев» был печальный. Множество их погибло на своем пути, а остальные были убиты сельджуками, кроме

³² Тирский, Вильгельм (Гийом). История деяний в заморских землях // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том III. СПб. 1887.

³³ Здесь тоже небрежность перевода: не голод вызывает конвульсии, а именно «горячка», *mal des ardents*, т. е. правильно: «...голод и эрготизм, вызывающий конвульсии и галлюцинации...», см. там же или англ. перевод: «...famines, and ergotism which generated convulsions and hallucinations... » Goff, Jacques Le. *Medieval civilization 400—1500*, 1990. p. 239.

³⁴ Ле Гофф, 1992. С. 224.

нескольких тысяч юношей и девушек, проданных в рабство на мусульманских базарах Малой Азии. «В этом деле погибла большая часть следовавших за Петром благородных людей: Готье Неимуший, Рено де Бресс, Фульшер Орлеанский и большое количество других. На двадцать пять тысяч пеших и пятисот конных воинов, вышедших из лагеря, едва лишь один из них смог избегнуть смерти либо плена»³⁵.

За этим «едва лишь один» архиепископ Тирский скромно скрывает самого Петра Пустынника, который остался цел и невредим, благоразумно оказавшись во время резни в другом месте. Впрочем, в этом есть определенная логика — хронист Гвиберт Ножанский упоминает характерное отличие подстрекателя похода Петра от завлеченных его проповедями народных масс: «хлеба он не ел, или почти не ел, а питался вином и рыбою»³⁶. Один раз, правда, дар святого Петра исчезать во время опасности даст сбой — год спустя в осажденной Антиохии пытающегося сбежать проповедника поймают сами крестоносцы.

Вторая волна крестоносцев, вышедшая в поход после хорошего урожая 1096 года, вела себя уже относительно более разумно. Закончив с местными еврейскими погромами, крестоносцы все же добрались до цели. А когда в 1099 году Иерусалим, наконец, оказался в руках воинов Христа, необходимость походов «для борьбы с неверными» стала далеко не очевидной, ибо пилигримы приносили более легкую прибыль, сами отдавая свои деньги в быстро организовавшиеся структуры вроде братства антонитов, ордена госпитальеров и, позже, тамплиеров, а продолжающиеся эпидемии эрготизма поддерживали движение паломников. Проповеди новых крестовых походов на восток и в Испанию успеха практически не имели, или имели локальное значение. Упадок туристической схемы наступал, когда урожай оказывался заражен мало. Эти периоды могли иногда затягиваться на пять-десять лет, но в такие годы и в крестовый поход зазвать сложнее. А в годы эпидемий — смысла в новых крестовых походах нет. Если не стоят более важные политические и экономические задачи, то лучше просто поддерживать стабильный бизнес и пропагандировать паломничество. Пилигримы выгодней, чем разорительные крестовые походы. В крестовом движении наступило определенное

³⁵ Тирский, 1887.

³⁶ Ножанский, Гвиберт. Деяния бога через франков // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том III. СПб. 1887.

затишье, которое ведущие историки крестовых походов отмечают, но определить причину затрудняются:

Создается впечатление, что после завершения первого крестового похода энтузиазм в большей части Западной Европы поостыл... Из Лимузена, где проповедь первого крестового похода вызвал необычайный энтузиазм, в 1102—1146 годах не отправился ни один крестоносец. Нельзя, впрочем, сказать, что исчезло стремление посетить Гроб Господень — из этих мест в начале XII века в Иерусалим отправлялось много пилигримов, как будто старая традиция мирного паломничества одиннадцатого столетия вновь заявила о себе. То же происходило и в Шампани, еще одном центре вербовки участников первого крестового похода. Не сохранилось упоминания ни об одном шампаньском крестоносце в 1102—1146 годах, однако засвидетельствованы многочисленные случаи паломничества в Иерусалим. Среди многих именитых паломников мы видим графа Гуго Труаского, который провел в Иерусалиме четыре года с 1104 до 1108 и ездил туда опять в 1114 и 1125 годах, когда он сам вступил в орден тамплиеров. За тот же период не нашлось ни одного крестоносца в Провансе, ранее щедро снабдившего рыцарями крестовый поход в 1096 году, но было множество пилигримов в Иерусалим³⁷.

Когда мусульмане в 1187 году вновь захватят Иерусалим, то есть нарушат сам бизнес, тогда крестовые походы возобновятся (единственный между этими событиями большой поход в 1147 году был вызван опасной для проекта угрозой христианским княжествам на востоке и проповедовался Бернаром Клервоским, отцом-основателем ордена тамплиеров, работающих на том направлении). Но к этому времени уже создана инфраструктура альтернативного пути паломничества в Сантьяго-де-Компостела.

Первый крестовый поход — далеко не единственный, связанный с эпидемиями, видениями и религиозным психозом. Альбигойский крестовый поход (начался в 1209 г.), сыгравший важную роль в учреждении инквизиции, рисует нам сходные картины как пропаганды, так и помешательства:

И вскоре множество монахов стало трудиться над тем, чтобы зажечь народные страсти, обещая по всем церквам и площадям Европы вечное спасение будущим крестоносцам. И долго

³⁷ Riley-Smith, 2002. pp. 80—81.

тлевшая искра вспыхнула ярким пламенем. Чтобы понять, с какой силой разгорались в средние века народные страсти, мы должны помнить, как легко народы той эпохи поддавались впечатлению минуты и доходили до иступления, о котором у нас сохранилось лишь одно воспоминание. В то время как проповедовался этот крестовый поход, многие города и посады Германии наводнились женщинами, которые, не имея возможности удовлетворить свое религиозное рвение вступлением в ряды крестоносцев, раздевались и голые бегали по улицам и дорогам³⁸.

Для детского крестового похода (1212 г.) подстрекательства церкви, похоже, не понадобилось. Хватило лишь пары явлений Христа пастушкам. «Религиозный экстаз, за которым, как и во времена Петра Пустынника, скрывались вновь ожившие надежды обездоленных крепостных, словно эпидемия, охватил массу людей»³⁹. Результат известен и напоминает уже обкатанный сценарий «похода бедноты» — почти все дети погибли, а несколько тысяч выживших были проданы в рабство тем мусульманам, с которыми дети собирались воевать.

Еще более ярким признаком умоиступления той эпохи является крестовый поход детей, которые тысячами бросали свои дома. По всей стране можно было видеть толпы детей, направлявшихся в Святую землю без всякого предводителя или проводника; на вопрос, что они хотят делать, они отвечали просто, что идут в Иерусалим. Тщетно родители запирали своих детей на замок; они убегали и пропадали. Не многие из них вернулись домой, и вернувшиеся не могли ничем объяснить бешеное желание, охватившее их⁴⁰.

Детский крестовый поход выглядел настолько непонятно и мистически, что долгое время даже витали сомнения в его реальности. Но в те времена это было в порядке вещей.

В этом человеческом сообществе, переполненном страданиями и каждодневными страхами, среди галлюцинирующих и ясновидящих, случается все, даже невозможное. Историки подтверждают реальность одного из наиболее невероятных событий той эпохи — детского крестового похода 1212 г. В нем долго видели

³⁸ Lea, Henry Charles. A History of the Inquisition of the Middle Ages. Vol. 1. (1888). Kessinger Publishing, 2004. p. 147.

³⁹ Заборов, 1980. С. 261.

⁴⁰ Lea, 2004. p. 147.

лишь воплощение народной легенды, однако наука доказала, что этот необычный эпизод принадлежит истории⁴¹.

Далее французский историк Ашиль Люшер, не зная того, указывает на характерные признаки эрготизма во время детского похода: «Хронист Альберт де Стад сообщает, что в Льеже сотня женщин, одержимых религиозным энтузиазмом, билась в исступленных конвульсиях. Та же истерия, вне сомнения, способствовала и созданию во Франции войска, ведомого пастухом из Клуа»⁴².

Связаны с видениями и истерией также и крестовые походы пастухов 1251 и 1320 гг., народный поход 1309 года и некоторые другие. Особенно впечатляюще выглядел крестовый поход пастухов в 1320 году, о котором даже Морис Дрюон писал: «Вскоре после этого над всей Францией пронесся вихрь безумия. Какой-то слепой, полумистический порыв...» Покинувшие свои семьи и деревни крестьяне в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, которым девушка в образе голубя велела организовать новый крестовый поход против иноверцев, в результате объединились в бродячие банды, опустошавшие Европу. А на следующий год движение плавно перетекло в «заговор прокаженных», которые якобы отравили воду по всей Франции. Обезумевший народ массово предавал сожжению обитателей лепрозориев и истреблял евреев, догадываясь, что дело в каком-то отравлении, но вина не хлеб, а воду, и веря, что коварные прокаженные как-то смогли отравить даже все полноводные реки.

Более локальные эпидемии эрготизма шли практически все время, выливаясь в постоянное массовое движение паломничества к святым местам, где люди надеялись излечиться от смертельной болезни. Наиболее специфическим для эрготиков был знаменитый путь в Сантьяго-де-Компостелу, который мы вправе назвать Дорогой Смерти.

⁴¹ Люшер, Ашиль. Французское общество времен Филиппа-Августа / Перевод с фр. Цыбулько Г. Ф., СПб: «Евразия», 1999. С. 30.

⁴² Ibid., p. 32.

Глава 4

Дорога Смерти

*Путник, нет никакого пути, путь возникает сам собой,
когда идешь.*

Антонио Мачадо

Испанский поэт был не совсем прав. Если мы спустимся с абстрактных философских высот на реальную почву, то увидим, что некоторые пути не возникают сами по себе — они нуждаются как в появлении у идущего сильного стимула вообще куда-то идти, так и в серьезной рекламе маршрута теми, кому воспользоваться наличием такого стимула оказывается выгодным. В средневековье развитием такого бизнеса занималась церковь. Массовость пилигримов в христианском мире в средние века позволила Гете сказать, что европейское сознание родилось в паломничестве.

Но времена меняются, и к началу 1980-х на Пути святого Иакова (исп. Сантьяго), одном из бывших основных маршрутов пилигримов, можно было встретить лишь десяток-другой человек в год. Церковь попыталась было возродить старую традицию, но безуспешно. Римский папа Иоанн Павел II во время совершения паломничества в Сантьяго-де-Компостелу в 1982 году призывал: «Старая Европа, я взываю к тебе из Сантьяго, с плачем полным любви: найди себя заново. Будь собой. Узнай свои истоки. Найди свои корни». Европейцы свои паломнические корни искать не захотели и призыв папы проигнорировали — давно заброшенный священный Путь (el Camino — исп.) не ожил, год спустя количество паломников едва перевалило за сотню. Стало ясно, что рекламировать маршрут надо

как-то по-другому. В 1986 году паломничество по Пути Иакова совершил Пауло Коэльо и написал об этом книгу «Дневник Мага». В ней Коэльо описал свое путешествие по легендарному Пути, пройденному миллионами пилигримов во времена средневековья. Мистическая книга популярного писателя-католика оказалась куда действеннее призывов папы, и уже год спустя количество паломников стало неуклонно расти. В 1987 году дорога была объявлена Советом Европы первым Европейским культурным маршрутом. Государственный Совет Испании, оценив по достоинству пиар-акцию, проведенную Коэльо, с радостью наградил автора в 1999 году Золотой медалью Галисии. Путь святого Иакова был занесен в список охраняемых памятников ЮНЕСКО и вошел в число признанных и поддерживаемых ООН как часть культурного достояния человечества. В ночь на 1 января 2004 года состоялась церемония «открытия врат» кафедрального собора, на которой было зачитано послание папы Римского Иоанна Павла II. Празднование Года апостола Сантьяго и церемонию в Сантьяго-де-Компостеле транслировали по телевидению на весь мир. В 2010 году число паломников приблизилось к 300 тысячам. Так уже позабытый было Путь Иакова был возрожден.

Теперь идущих по дороге в Сантьяго-де-Компостелу многочисленных паломников можно увидеть в любое время года. Однако только те из них, которым удастся отправиться в путь в Год апостола Сантьяго, когда день святого (25 июля) выпадает на воскресенье, получают, согласно древней традиции, индульгенцию — отпущение грехов. Добравшись до соборной площади в Сантьяго-де-Компостеле, пилигримы спешат обнять статую святого, сидящего в усталой позе с посохом в руках, словно он только что завершил долгий путь к собственным мощам, покоящимся в крипте кафедрального собора города в пышном серебряном саркофаге. Затем счастливые паломники могут получить сертификат, скрепленный печатью местного епископа. Единственная неловкость касается статуи XVIII века, изображающей скачущего на коне Иакова и расположенной в самом соборе — христиане верят, что апостол Иаков ранее чудесным образом превращался в рыцаря на белом коне и помогал их предкам убивать мавров в битве 844 года при Клавихо. Поэтому обезглавленных арабов и берберов под копытами белого коня Иакова-Мавробойца (исп. Santiago Matamoros — так святого Иакова привычно называют в Испании) стали стыдливо прикрывать от глаз прихожан и туристов. А в 2004 году статую Иакова решили и вовсе убрать с глаз долой, ибо,

как заявил епископский совет, «изображение убивающего мусульман христианского святого не соответствует новому духу католической церкви». Но потом капитул кафедрального собора передумал, и пока трупы мавров продолжают скрывать цветами.

В пять часов пополудни все прибывшие паломники собираются в соборе на специальную службу и возносят хвалу Господу за то, что он дал им сил пройти весь путь до конца. Больше всего присутствующим запоминается ритуал, сопровождающийся весьма оригинальным способом курения благовоний с помощью специального серебряного сосуда метровой высоты. Внутри огромной курильницы — тлеющие угли и ладан. Пять дюжих галисийских рыбаков начинают изо всей силы раскачивать это самое больше в мире кадило, и оно со свистом пролетает над головами собравшихся, распространяя вокруг божественный аромат ладана. Зрелище производит сильное впечатление, особенно когда эта увесистая штука набирает приличную скорость. Поскольку недавно в ладане обнаружено психоактивное вещество (ацетат инценсола), обладающее антидепрессивным, успокаивающим действием (где-то здесь, видимо, корни поговорки «бежать как черт от ладана»), а также, вероятно, усиливающее чувство эйфории во время религиозных церемоний¹, мы уже не удивимся тому, что в 1622 году, надышавшись дымом, рыбаки настолько расслабились, что уронили эту курильницу на головы паломников. Говорят, правда, что милостью Божией никто не пострадал.

Святое путешествие в Сантьяго совершили в разное время английский король Эдуард I, французский монарх Людовик VII, святой Франциск Ассизский, фламандский художник Ян ван Эйк, а также миллионы безвестных паломников, которые шли по этому пути в течение тысячелетия.

По легенде Год апостола отмечается с 813 года, когда в Сантьяго-де-Компостеле таинственно появились мощи святого. Тогда монах-отшельник Пелагий (Пелайо) обнаружил некий ковчег, к которому его привела путеводная звезда. Святой Дух снизошел на него,

¹ Dr. ArieH Moussaieff, Raphael Mechoulam. Boswellia resin: from religious ceremonies to medical uses; a review of in-vitro, in-vivo and clinical trials // Journal of Pharmacy and Pharmacology. Vol. 61, Issue 10, pp. 1281—1293, October 2009. And FASEB J, 22, 3024, 2008. (См. также рус. обзор: «Теперь фармакология получит шанс нарушить „монополию“ религии, как это уже произошло с более сильнодействующими алкалоидами»: gazeta.ru, 21.05.2008).

и сообщил откровение об обретении мощей апостола Иакова, сына Зеведеева, брата Иоанна, обезглавленного в Иерусалиме примерно в 43 году по приказу Ирода Агриппы. Причем, как заметил Пелагий, отрубленная голова апостола чудесным образом приросла обратно. Монаху поначалу никто не поверил, но многодесятилетий спустя король Альфонс III вспомнил об этой истории, решил, что дело это политически полезное и экономически выгодное, и в 896—899 годах издал указ о постройке на месте находки небольшого собора. Само место было названо Компостела (лат. *campus stellae*, «место, обозначенное звездой» — так говорит фольклор, скорее же от *compositum* — «кладбище»). Появилась легенда, что св. Иаков проповедовал в Испании, и после мученической кончины его останки были доставлены на лодке в Галисию ангелами. Со временем мощи апостола Иакова, объявленного небесным покровителем страны, стали величайшей реликвией Испании, в Сантьяго-де-Компостела потянулись паломники, а сам город получил прозвище «христианской Мекки». Здесь даже созывались поместные соборы Римско-католической церкви.

«Паломники являлись необходимым элементом средневекового пейзажа», — писал Мулен. Церковь, естественно, такой туризм всячески поддерживала и развивала, поскольку он являлся серьезным источником ее дохода.

Церковь и особенно монашеские ордена были озабочены организацией паломничеств. Они вели нечто вроде туристической пропаганды, которая была способна обеспечить популярность того или иного маршрута, того или иного места поклонения, при случае создавая об этом целую поэму (в этом отношении «Песнь о Роланде» — великолепный туристический справочник). Монашеские ордена устраивали паломничества, потому что индивидуальное путешествие было в буквальном смысле невозможно. Отмечалось, что группы паломников достигали 700 и более человек. Монахи разрабатывали маршрут, остановки в пути, обеспечивали гостиничное обслуживание для торговцев и паломников, центры приема нищих, госпитали, места ночлега, создавали «инициативные группы», которые на языках паломников указывали им маршрут, горные перевалы и броды, места питьевой воды, святыни, которым следует поклониться по дороге, предупреждали о многочисленных опасностях, которых следует избегать. Монахи рассказывали предания, героические поэмы, чудесным светом озарявшие путь паломника.

Естественно, говорилось и о том, что, согласно Священному Писанию, ждет грешников, которые будут осуждены в наказание, и какая награда достанется праведникам. Таким образом, монахи отвечали за «культурно-просветительские мероприятия». И это еще не все. Они публиковали путеводители, и первый из них (середина XII века) — это *Liber Sancti Jacobi* (Книга св. Иакова — лат.), к нему, по желанию паломников, отправлявшихся в Сантьяго-де-Компостелу, даже прилагался баскский словарь. В итоге, «применительно к этим маршрутам паломничества была составлена целая дорожная карта раннего Средневековья» (Р. Латуш). Туризм той эпохи — религиозный. Религиозный и благочестивый, но не свободный от опасностей, ведь паломников подстерегали разбойники, часто им на пути попадались волки, иногда дорога была утомительной и плохо размеченной вехами. Непредвиденной могла оказаться погода в горах, паломники часто заболели. Да и в самих паломнических группах могла собраться разношерстная публика. Некоторые примыкали к паломникам из желания украсть что-нибудь. Другие были кающимися грешниками, которых в целях исправления церковь отправляла в паломничество. Порой ожидаемого изменения нравов и поведения не происходило. Случалось, что паломники умирали от истощения, усталости, непривычки к чужим местам, от ненастья, незнакомой пищи. В аббатствах госпитальеров для них предусматривались кладбища².

Чтобы попасть в Испанию, паломники должны были пройти через Францию. Дорога пилигримов к Сантьяго протянулась более чем на 700 километров. Многочисленные путники преодолевали горы и долины, стремясь добраться до святого места. В течение средних веков количество паломников, перемещавшихся по дорогам, ведущим в Сантьяго-де-Компостелу, было колоссальным. Сам Путь называли «дорогой франков». Считается, что основные маршруты сформировались примерно в XI веке. Но основное развитие бизнеса происходило в XII веке, когда папа Каликст II (в миру Ги Бургундский) серьезно поддержал проект, в 1122 году даровав паломникам право на получение индульгенции, что поставило город на одну ступень с Иерусалимом и Римом. Паломничество в Сантьяго-де-Компостелу

² Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV вв. М.: Молодая гвардия, 2002. (Глава IX).

стало для христиан Запада вторым по значимости после паломничества в Святую землю. Самая ранняя версия гида для паломников (*Liber Peregrinationis*) приписывалась тому же папе Каликсту II, хотя постоянно идут споры об ее авторстве и, вероятно, она является компиляцией. Эта книга входит последней из пяти в так называемый *Codex Calixtinus*, написанный примерно в 1130—1170 гг. Автор «Гида» посвящает целую главу смотрителям пути святого Иакова, а также особого упоминания удостоиваются странноприимные дома, которые «расположены там, где более всего это необходимо. Это священные места, Божьи дома, места восстановления сил для святых паломников, для отдыха от тягот пути, для излечения от болезней, для спасения от смерти, для защиты живых».

Вот на «Божьих домах», где паломники «восстанавливали силы» и «излечивались от болезней», мы и остановимся. Не случайно все основные ордена, имеющие доход с пилигримов, владели собственными кладбищами. Далеко не все паломники доходили до конечной цели. В том числе и потому, что это было довольно затруднительно сделать без ног.

* * *

Сейчас христианское паломничество — это путешествие к святым местам, вызванное тем, что молитва в них считается более действенной и быстрее доходит до Господа. Ошибочное с канонической точки зрения суеверие о «намоленных иконах» и «намоленных местах» церковь официально не поддерживает, но и не борется с ним. В средние века, как и сегодня, причины паломничества были различны. Для одних это путь к Господу, для других — аналог современного туризма. И то, и другое давно осуждали святые отцы церкви. Григорий Нисский писал: «Да и что большого получит тот, кто побывает в этих местах, — точно Господь доселе телесно в них обитает» и высказал свое мнение совершенно определенно: «Перемена места не приближает к нам Бога». Святителю Григорию Богослову чрезмерное увлечение паломничеством представлялось праздным любопытством. Но зато паломничество приносило прибыль церкви, что сразу снимало все лишние богословские вопросы.

Паломником можно было стать и вопреки своему желанию. «Некоторые из них отправлялись в путь по обету, а некоторые — в наказание, наложенное за грехи церковью. Обеты не всегда были столь чистыми и добровольными, как считают те, кто лелеет мистический

образ эпохи Средневековья»³. Так, например, во исполнение церковного наказания отправился в путь знаменитый анатом Везалий, умерший во время своего паломничества. Но в основном средневековые паломники шли к святым местам по другой причине. От паломничества и молитв святым ждали вполне земных благ. «Люди всех сословий отправлялись в Сантьяго, но большинство были больными, старыми, и бедными»⁴. Многие, очень многие, шли просить Господа об излечении. В том же Гиде для паломников сообщалось, что даже по дороге можно получить помощь, например, от мощей св. Мартина: «слепые прозревают, хромы идут, все болезни излечиваются». Однако многих паломников ждала в дороге вовсе не помощь святых, а могила в каком-нибудь захолустье. Вот описание типичного маленького кладбища госпитальеров в Юсклас-дю-Боск с дискообразными стелами (такое надгробие — традиция басков). Эти паломники не смогли пройти даже до основного Пути Иакова.

Среди тесно расположенных жилищ и хозяйственных построек стоит частично разрушенный замок, который первоначально принадлежал госпитальерам Юскласа. Судя по символической тыкве и раковине, вырезанными над главным входом, он, вероятно, служил приютом для паломников на их пути в Сантьяго-де-Компостелу. Более яркое доказательство тому можно найти на местном кладбище, где ряд дискообразных стел (круглых надгробных камней) XII и XIII столетий показывает, что многие паломники нашли в этом безлюдном месте свой преждевременный конец⁵.

Паломники не боялись смерти, она с такой же вероятностью могла настигнуть их и дома. Зато Путь давал им надежду не только на излечение, но и на вечную жизнь. «Смерть являлась ожидаемым результатом путешествия, но оно гарантировало паломнику надежный пропуск в небесный Иерусалим»⁶. Основной болезнью, от которой страдали и умирали паломники, был таинственный «священный огонь», об избавлении от которого они и шли просить Господа. Иногда

³ Ibid.

⁴ Frey, Nancy Louise. *Pilgrim stories: on and off the road to Santiago*. University of California Press, 1998. p. 14.

⁵ Brabbs, Derry. *The Roads to Santiago: The Medieval Pilgrim Routes Through France and Spain to Santiago de Compostela*. 2008. p. 124.

⁶ Frey, 1998. p. 14.

он настигал в пути и здоровых. Путь Иакова развивался с последних десятилетий XI века, когда был утвержден орден св. Антония и прошел первый крестовый поход. Это время как раз и было глобальным всплеском охватившего Европу отравления спорыньей. Материалы прошедшего в Сантьяго-де-Компостеле в 2001 году 5-го Международного симпозиума по истории анестезиологии освещают эту тему достаточно подробно.

Паломники на Пути святого Иакова к Сантьяго крайне часто становились смертельно больны и умирали от эрготизма (*ignis sacer*). Неинфекционная эпидемия из-за потребления ржаного хлеба, зараженного спорами грибка спорыньи, распространилась по всей Европе с 1090 года и вызвала опустошительный мор. Чтобы предоставить поддержку и лечение нуждающимся, орден св. Антония основал приблизительно 200 монастырских больниц на всех четырех дорогах к Сантьяго. В этих центрах святотерапии, представляющих первую огромную, высокоспециализированную европейскую систему медицинского обслуживания, монахи отделяли больных паломников после тщательного диагностирования «огней святого Антония», давали им питание без спорыньи, травяные вина (с сосудорасширяющими и болеутоляющими травами) и применяли «бальзам антонитов», первую трансдермальную терапевтическую систему (ТТС) в истории медицины. В очень практичной манере благотворительности они заботились о ментальном и физическом восстановлении жертв эрготизма. К сожалению, их секретные рецепты были утрачены в конце средневековья. Поскольку монахам после 1130 года было запрещено выполнять хирургические операции, во многих монастырях работали цирюльники, которые осматривали открытые раны, пораженные конечности и ампутировали омертвевшие от гангрены ноги. Из-за отсутствия сведений в истории медицины неизвестно, лечили ли другие осложнения, такие как расстройство сознания, судороги и токсические галлюцинации, также вызываемые конвульсивной формой эрготизма⁷.

⁷ Nemes C. N. The medical and surgical treatment of the pilgrims of the Jacobean Roads in medieval times // The history of anesthesia: proceedings of the Fifth International Symposium on the History of Anesthesia, Santiago, Spain, 19–23 September 2001. International Congress Series, Volume 1242, December 2002, Elsevier Health Sciences, 2002, pp. 31–42.

Задачей себе врачи поставили изучение медицинской и хирургической практики лечения эрготизма в средневековые времена. Их интересовало использование лекарственных трав, ампутация пораженных гангреной конечностей странствующими хирургами по контракту с больницами на Пути Иакова и отображение таких событий в изобразительном искусстве. Также врачи намеревались выяснить, какие типы болеутоляющих и обезболивающих методов обычно применялись в этих больницах.

Выявленная картина кратко выглядит так: до 1089 года эпидемии были ограничены, затем «большое опустошение из-за эрготизма начало изводить Западную Европу». Как следствие огромного, хотя и неизвестного точно, числа паломников, вероятно, многих сотен тысяч, в XI—XII столетиях на Пути было основано множество *hospodochium* (больниц). «Эрготизм постепенно становился жестокой судьбой для всех европейских стран». Орден Антония оказался одним из самых успешных орденов в мире, распространившись по многим странам. Паломничество в Сантьяго обычно занимало два с половиной года. Но расстояния между больницами ордена св. Антония были так коротки, что каждый паломник мог добраться до следующего убежища до наступления темноты. Паломникам с проказой отказывалось в приеме. «Эти высокоспециализированные больницы занимались исключительно эрготизмом». Больницы антонитов были частью самой большой медицинской системы с сетью монастырей, гостиниц, церковей и больниц (*domus infirmariae*), которая когда-либо существовала в Европе. Учитывая огромную популярность ордена, предполагается, что лекарства и мази могли обладать некоторым положительным эффектом при эрготизме. Но эти «травы и секретные рецепты ордена св. Антония были, к сожалению, утеряны в начале XVI столетия»⁸.

А теперь представим — у антонитов в XV веке 396 поселений с 372 больницами, в которых монахи лечат больных вином св. Антония и бальзамом св. Антония. И вдруг в XVI веке внезапно более 10000 монахов синхронно рецепт забывают, а все записи пропадают? Нет, так не бывает. Здесь какая-то загадка.

При этом прообраз вина св. Антония был известен еще до образования самого ордена св. Антония. Верденская хроника под 1041 годом, когда разразилась эпидемия конвульсивно-гангренозного эрготизма,

⁸ Ibid., pp. 31–42.

отмечает замечательное средство лечения от «огня, который скручивал людей»: мощи святых опрыскивались святой водой, затем омывались вином с порошком, счищенным с камней священной гробницы, и средство давалось больному. Причем столь большим было число таких страдальцев, что решено было иметь бочку этой микстуры в постоянной готовности для тех, кто приезжал не в обычное время для очищения костей⁹.

Антониты также настаивали вино на мощах св. Антония, только добавляли туда корень мандрагоры, сильный галлюциноген (подробнее рассмотрено в соответствующей главе). Зато другой классический способ лечения остается без изменений на протяжении веков. «Эта болезнь может быть излечена только отсечением членов» — запишут в 1717 году монахи-бенедиктинцы историки Юрсен Дюран и Эдмон Мартен после исследовательской поездки по монастырям Франции, упомянув, что эти отсеченные руки и ноги хранились в монастырях антонитов. Первые иллюстрации, показывающие такое лечение появились в начале XVI века.

Также стоит отметить гравюру на дереве из руководства для военных хирургов (*Feldtbuch der Wundtartzney*) Ганса фон Герсдорффа (Страсбург, 1517). Эта картина иллюстрирует ампутацию ноги, пораженной эрготизмом. Пациент сидит в кресле, в бессознательном состоянии скорее от боли, чем от анестезии, которая не применялась регулярно при «*serratura*» (отпиливании) конечностей. Однако, очевидная глубокая сонливость женщины, кажется, указывает, что ей, возможно, все же дали некоторую анестезиологию перед усечением. У человека, стоящего справа, Т-образный крест паломника на шее. Он уже потерял свою левую руку из-за огня св. Антония. Эта пугающая демонстрация кровавой профессии хирурга-цирюльника предстанет более аутентичной, если мы узнаем, что Герсдорфф лично выполнил более 200 ампутаций в больницах антонитов в Страсбурге¹⁰.

Стоит здесь все же заметить, что «Косой Ганс», или «Ганс-глаза-в-кучу», как нарекли хирурга из-за физического уродства, анестезией не пользовался. Герсдорфф упоминает некий снотворный напиток, но заявляет: «Я никогда не использовал и даже не видел его, хотя уже

⁹ Barger, George. *Ergot and Ergotism: A Monograph*. London: Gurney and Jackson, 1931. pp. 47–48.

¹⁰ Nemes, 2002, Part 1, p. 40.

отрезал сотню-другую конечностей в домах св. Антония в Страсбурге и в других местах». В первых изданиях книги иллюстрации сопровождались небольшими рекламными стишками, расхваливающими навыки самого Герсдорффа. Про ампутацию конечностей при огне св. Антония Косой Ганс замечает что-то вроде: «Не всем по силам, я скажу. Меня зовите — покажу». Более поздние издания опускают эти хвалебные стихи.

Большей частью больницы антонитов, примерно 200 из известных 372, были сосредоточены на дороге св. Иакова. В них стекались калеки (и будущие калеки) со всей Европы. Несмотря на большое по средневековым меркам количество больниц на дороге, в них все равно едва хватало мест, чтобы разместить всех страждущих, очень часто больных размещали по трое-четверо на одной кровати¹¹. Пациенты без ног доживали свой — скорее всего, недолгий — век в монастыре, так как многие дальше идти не могли, а часть больных, надо полагать, умирала прямо во время операции от травматического шока (но далеко не все — от эрготизма конечности теряли чувствительность). Ампутированные руки и ноги антониты вывешивали перед больницей на высушку, а затем из части этих мощей готовился лечебный бальзам — средневековая гомеопатия, она же симпатическая магия: подобное лечилось подобным. Развешанные по стенам монастырей антонитов отвалившиеся или отрезанные руки и ноги изображались на средневековых гравюрах вместе с выкидышами, причиной большого числа которых являлось абортивное действие той же спорыньи. Так получил свое дальнейшее развитие культ исцеляющих мощей, существующий и поныне в некоторых христианских конфессиях. Отпавшие члены многочисленных жертв «священного огня» становились следующими целебными мощами. Во времена Босха калеки их будут носить с собой, а не оставлять в монастырях.

Покровителемъ этихъ больныхъ считался по преимуществу св. Антоній, отчего и болѣзнь получила названіе «*ignis st. Antonii*» — антонова огня. Отпавшіе и высохшіе члены даже сберегались какъ святыни (Haeser. Bd. III)¹².

¹¹ Ibid., p. 36.

¹² Виноградов Н. Ф. О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ въ органахъ и тканяхъ у людей при хроническомъ отравленіи спорыньей. (*raphania, ergotismus, болѣзнь „злая корча“*). Казань: Типо-Литографія Императорскаго Университета, 1897. С. 7.

Со временем таких отпавших членов в больницах антонитов скопилось много, еще больше ушло на свободный рынок, и только при жизни Босха были выпущены три папских буллы по регулированию вопроса сомнительных мощей.

Но Путь св. Иакова неспроста считался священным — некоторые пилигримы все же излечивались от эрготизма, поскольку антониты кормили путников хлебом из пшеницы, которую сами и выращивали при монастырях. В течение месяцев паломничества можно было немного поправить здоровье, если эрготик не был при смерти в самом начале путешествия. Для запоздавших путников монахи оставляли вино и пшеничный хлеб за воротами монастыря — так делали, например, в монастыре Кастрохерис (исп. *Castrojeriz*), Бургос.

Считается, что вино приготавливалось раз в год во время праздника Вознесения. В этот день оно настаивалось на мощах св. Антония, хранившихся в больницах в качестве реликвий. Согласно другому мнению, священное вино настаивалось в винных погребах больниц на ранах и язвах больных. Есть предположение о том, что положительный эффект вина был обусловлен сильной концентрацией алкоголя, который мог расширять сосуды жертв гангренозного эрготизма¹³.

Более вероятно, что сосуды жертв расширялись с помощью добавляемой в вино галлюциногенной мандрагоры, а не из-за алкоголя как такового.

Белый хлеб, которым кормили паломников антониты, называли хлебом святого Антония¹⁴, и он был отмечен тау-крестом. По одной из версий сам этот крест в виде греческой буквы тау являлся отображением костыля — привычного спутника тех паломников, которым повезло потерять лишь одну ногу. Вероятно, это версия недалеко от правды, поскольку на некоторых гравюрах святой Антоний как раз и изображался с таким тау-посохом.

Но на постое в Сантьяго-де-Компостеле пилигримы вновь ели хлеб ржаной и на обратном пути начинали чувствовать себя хуже. Это их не удивляло — ведь они удалялись от святых мест. И сегодня Галисия осталась единственным местом в Испании, где традиционно пекут ржаной хлеб. Некоторые паломники сворачивали на юг

¹³ Illana-Esteban, C. El cornezuelo del centeno (I): Biología, historia y ergotismo. Bol. Soc. Micol. Madrid. 32:293–306, 2008. pp. 301–302.

¹⁴ Ibid.

и старались остаться в более сытной Испании. У тех же, кто возвращался домой и продолжал там питаться черным хлебом, спустя несколько лет болезнь снова проявлялась (вне сомнения, в качестве наказания за вновь совершенные грехи). И несчастные вынуждены были, если у них еще оставались деньги, опять пускаться в путешествие по святому Пути, чтобы снова излечиться или сгинуть по дороге. Конвейер смерти по поставке новых паломников работал бесперебойно, обогащая орден антонитов и пополняя казну папства.

Немецким врачам также удалось определить примерный круг растений, использовавшихся антонитами для лечения. Не забыли они и мандрагору, нашли ее на картинах Босха, упоминают, что мандрагора использовалась как анестетик при операциях, отмечают, что ампутированная нога на «Искушении св. Антония» демонстрирует беспомощность св. Антония перед эрготизмом. Параллельно врачи задались вопросом, являются ли апокалиптические картины Босха и Брейгеля отражением эффекта действия алкалоидов спорыньи:

Эта очень привлекательная гипотеза серьезно подтверждается сравнением клинических признаков опьянения спорыньей с массовыми галлюцинациями в древнегреческом Элевсине после потребления психотропной смеси (*aira*) из *Claviceps paspali*, другого типа спорыньи, что позволяло людям проводить инициацию в Великой Мистерии Деметры. Нельзя отрицать, что психотропное воздействие наркотиков могло бы объяснить основу многих сугубо сюрреалистичных картин, таких как «Страшный суд», «Сад земных наслаждений» и «Искушение святого Антония» (Босх, около 1500)¹⁵.

Особое место в отображении заболевания и его симптомов занимает Маттиас Готхардт Нитхардт (1480—1528), известный под именем Грюневальда. Вполне реалистичный живописец, которого обычно считают мистическим, не осознавая естественных и наглядных истоков его творчества. Современник Дюрера и Рафаэля, художник долго жил в Изенхеймской больнице антонитов, которая позже будет уничтожена во время Великой Французской революции.

¹⁵ Nemes C., Goerig M. The medical and surgical treatment of the pilgrims of the Jacobean Roads in medieval times. Part 2 // The history of anesthesia: proceedings of the Fifth International Symposium on the History of Anesthesia, Santiago, Spain, 19–23 September 2001. International Congress Series, Volume 1242, December 2002. Elsevier Health Sciences, 2002, pp. 487–494. p. 491.

Грюневальд, вероятно, часто наблюдал здесь оба проявления эрготизма: с гангреной (более типичный для Франции) или с конвульсиями, бредом, зрительными галлюцинациями и апатией (в основном отмеченный в Германии как Kriebelkrankheit)¹⁶.

В госпитале антонитов Нитхардт создал свое лучшее произведение — знаменитый Изенхеймский алтарь, представляющий нам «священный огонь» глазами современника и очевидца. Христос на этом алтаре — не мистика и не аллегория, а «фотография» жертвы эрготизма. Заломанные пальцы Марии Магдалины — это не просто выражение отчаяния, как думают почти все искусствоведы.

¹⁶ Ibid., p. 489.

Глава 5

Алтарь эрготизма

— А на эту картину я люблю смотреть! — пробормотал, помолчав, Рогожин.

— На эту картину! — вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, — на эту картину! Да от этой картины у иного вера может пропасть!

— Пропадает и то, — неожиданно подтвердил вдруг Рогожин.

Достоевский. Идиот

Картина Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос в гробу», о которой идет речь в романе «Идиот», произвела в свое время на Достоевского подавляющее впечатление. Искусствоведы до сих пор не пришли к окончательному выводу, действительно ли произведение Гольбейна — одна из сохранившихся частей утраченного алтаря. И если это так, то каким был его первоначальный вид? Натуралистический мрачный образ мертвеца давно уже породил легенду, что Христа Гольбейн рисовал с выловленного из Рейна утопленника¹. Вероятно, так оно и было. «В Христе, снятом со креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек изображен он весьма естественно», — отзывался в «Письмах русского путешественника» посмотревший картину Николай Карамзин. — «По преданию рассказывают, что Гольбеин писал его с одного утопшего

¹ Spivey, Nigel Jonathan. Enduring creation: art, pain, and fortitude. University of California Press, 2001. p. 101.

жида»². С XVI века анатомия стала входить в число предметов, преподаваемых живописцам в академиях. Изображение мертвого Христа, лежащего на погребальном столе, стало нередким. Такого рода образы встречались вплоть до XVI века в итальянском искусстве; в Германии эта традиция проявила себя с особой полнотой. От чего скончался Христос на картинах художников? Или, вернее, от чего умерли их «натурщики»? Далеко не всегда это можно определить, но иногда причины смерти изображались вполне целенаправленно.

Сейчас, разглядывая многочисленные картины и гравюры с больными и калекami, мы можем только предполагать с определенной степенью вероятности, симптомы какого именно заболевания изобразил художник. Часто оказывается, что наши предположения бывают ошибочными. Например, исследовав рисунок «Процессия калек» Босха из королевской библиотеки им. Альберта I в Брюсселе, бельгийские врачи пришли к выводу, что одним из наиболее распространенных в то время заболеваний являлось отравление спорыньей, а не проказа, как считалось ранее³. «С медицинской точки зрения, человеческое страдание из-за эрготизма лучше всего и очень реалистично отражено в картинах и рисунках Иеронима Босха, Питера Брейгеля старшего и Матиаса Грюневальда. Эти живописцы часто документировали несчастную жизнь калек», — считают другие врачи, авторы доклада «Следы эрготизма и изображение человеческих страданий в средневековом искусстве»⁴.

Но устанавливать диагноз по рисункам и картинам — дело сложное и недостаточно объективное. Например, некоторые исследователи в картине Конрада Вица на распространенный сюжет «Св. Мартин и нищий» видят больного проказой, но святой Мартин был

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника (1793), по изд. Карамзин Н. М., Избранные сочинения в 2 т., М.-Л., 1964, С. 208.

³ Jan Dequeker, MD, PhD, FRCP Edin, Guy Fabry, MD, PhD and Ludo Vanopdenbosch, MD. Hieronymus Bosch (1450—1516): Paleopathology of the Medieval Disabled. IMAJ 2001; 3: November: 864—871. * В отчете рисунок ошибочно подписан как принадлежащий Венской Альбертине, где находится очень похожая работа.

⁴ C. Nemes, M. Goerig at al. The medical and surgical management of the pilgrims of the Jacobean Roads in medieval times Part 2. Traces of ergotism and pictures of human suffering in the medieval fine arts. International Congress Series, Volume 1242, December, 2002. pp. 487—494, p 487.

основным «заместителем» св. Антония по излечению от эрготизма, а не от проказы⁵. И в картине Дюрера на этот же сюжет американские военные врачи видят рядом со св. Мартином отравленного спорыньей калеку⁶. Так можно ли вообще распознать изображенные средневековыми художниками болезни с достаточной степенью достоверности? Можно, если такие картины писались под заказ ордена, занимающегося определенным заболеванием.

И самым характерным (но не единственным) примером такой работы может послужить знаменитый Изенхеймский алтарь. Этот шедевр религиозного искусства широко известен, но вы никогда не увидите его на рождественских открытках. Если на картинах Босха связь со спорыньей, хоть и прозрачную, надо все-таки искать, то Изенхеймский алтарь показывает действие «священного огня» целенаправленно, здесь он срисован с натуры. Мы можем посмотреть на симптомы болезни непосредственно на Христе и окружающих его персонажах и вспомнить описание эрготизма врачом XIX века:

При этомъ кажется, будто пальцы растягиваются, и это чувство до того мучительно, что больной часто вынужденъ бываетъ кричать. Съ больнымъ дѣлаются всякаго рода судороги: руки загибаются ладонями внутрь, пальцы корчатся и принимаютъ форму когтей, пятки притягиваются къ ляшкамъ, голова — къ груди и плечамъ. Нерѣдко случаются эпилептическіе припадки или совершенный столбнякъ⁷.

Художник вживую видел прообразы персонажей своей работы в монастыре ордена св. Антония в Изенхейме, то есть нарисованы они непосредственно с больных эрготизмом, которых лечили монахи, или, вероятно, уже умерших от него, как в случае «натурщика» самого Христа.

Изенхеймский монастырь в Эльзасе был основан в 1298 году на землях Базельского епископства. Его местоположение было

⁵ Mann, John. Turn on and tune in: psychedelics, narcotics and euphorants. Royal Society of Chemistry, 2009. p. 3.

⁶ Medical Bulletin, Vol. 36, no. 5, Sept.—Oct. 1979, U. S. Army, HQ., 7th Medical Command, N. Y., 1979.

⁷ Герхардтъ, Карл Адольф Христиан Яков. Практическое руководство к гомеопатической медицинѣ доктора медицины Адольфа фон Герхардта: Переведено заново с послѣдняго, значительно дополненнаго и исправленнаго нѣмецкаго изданія. Изданіе 2-ое, А. Форбрикнера. М. Катковъ, 1883. С. 131.

выбрано традиционно удачно в плане развития бизнеса. Как и самый первый монастырь антонитов в Ла-Мот-о-Буа (ныне аббатство Сен-Антуан), основанный тремя столетиями ранее, Изенхеймский монастырь также располагался на одном из тех путей, по которым паломники направлялись в Сантьяго-де-Компостелу и Рим. Он стоял на древней римской дороге, соединявшей земли Майна с Базелем. Среди паломников было множество потенциальных клиентов ордена, болезнь скручивала их еще в начале пути. Монастыри антонитов, и среди них Изенхеймский, богатели год от года. В XIV веке произошел спад, вызванный фискальной политикой папы и уменьшением к концу века эпидемий «огненной болезни». К началу XVI столетия дела у ордена шли, видимо, неплохо, поскольку примерно к 1500 году от эпидемий эрготизма страдали все европейские страны⁸. При этом в связи с меньшим до середины XVI века потреблением ржи⁹ болезнь протекала в хронической форме. Эпидемий острого отравления с большой смертностью, кроме случившейся в Германии в год выхода «Молота ведьм», в хрониках в этот период не отмечено, что видно из таблицы Гирша¹⁰ (но были эпидемии с конвульсивными проявлениями заболевания, которые Гирш часто не опознает). Монахи, как считалось, лечили больных святым вином, настоящим на мощах св. Антония¹¹. В эту эпоху относительного благоденствия Изенхеймской обители ее настоятель итальянец Гвидо Гверси (Guido Guersi) задумал создать в монастырской церкви св. Марии грандиозный алтарь с распятым Христом, страдающим от огня св. Антония. Алтарь был заказан придворному художнику архиепископа Маттиасу Нитхардту (в XVII веке автор первого полуфантастического жизнеописания художника И. Зандарт неверно истолковал инициалы «М. Г.», которые встречаются на рисунках мастера, и нарек живописца Маттиасом

⁸ Nemes, C. N. International Congress Series 1242 (2002) 31–42 // The History of Anesthesia: Proceedings of the 5th International Symposium on the History of Anesthesia, Santiago, Spain 19–23 September 2001. By Jose Carlos Diz, A. Franco, D. R. Bacon, J. Ruprecht, J. Alvarez. Elsevier Health Sciences, 2002. p. 40.

⁹ Ferrières, Madeleine. Sacred Cow, Mad Cow: A History of Food Fears. New York: Columbia University Press, 2005. p. 112.

¹⁰ Hirsch, August, Handbook Of Geographical And Historical Pathology. London, 1883. p. 205.

¹¹ Hayum, Andrée. The Meaning and Function of the Isenheim Altarpiece: The Hospital Context Revisited. Art Bulletin, vol. 59. (Dec. 1977). pp. 501–517.

Грюневальдом). Считается, что Нитхардт, вероятно, был учеником Ганса Гольбейна Старшего, который, кстати, и сам позже умер в том же самом Изенхеймском монастыре в 1524 году.

Художник мастерски справился с заданием, создав потрясающее произведение искусства. Алтарь был закончен до 1516 года и, как оказалось, вовремя — год спустя Эльзас охватила мощная эпидемия эрготизма, отраженная на гравюрах, опубликованных в вышедшем в Страсбурге в 1517 году первом иллюстрированном руководстве полевой хирургии (*Feldbuch der Wundarzney*) Ганса фон Герсдорффа (*Hans von Gersdorff*), который самолично выполнил более ста ампутаций в больницах св. Антония. Возможно, это была глобальная эпидемия: Бэкмен считал «чрезвычайно вероятным», что таинственный «английский пот» или *sudor anglicus*, который появился в Англии, Германии и других странах в 1517–18 гг., был идентичен страсбургской болезни и также являл собой отравление спорыньей¹². Во всяком случае в 1518 году эпидемия стала проявляться конвульсиями с многократно описанными хронистами безумными плясками, когда «сумасшедшие плясуны св. Витта танцевали по всему Эльзасу»¹³. После этого, надо полагать, Ганс Гольбейн Младший, живший тогда в Базеле, то есть непосредственно у границы Эльзаса, километрах в 40 от Изенхеймского монастыря, и создаст наиболее значительную серию своих гравюр «Пляски смерти» (1524–1526). Искусствоведы и историки этого момента, похоже, так и не заметили, пытаясь найти в «Пляске смерти» лишь мистический символизм или аллереорию чумы. Но при чуме не пляшут. А когда вокруг реально идут смертельные пляски, о которых все слышаны, или, скорее, даже видели сами, и люди нередко после этой пляски падают замертво — стоит ли искать здесь сомнительные связи с чумой? «Пляски смерти» — это не аллегория смерти, а почти «фотография» смерти. Аллегорией они станут позже, когда причины забудутся. В самом Базеле эпидемия безумной пляски (в этом случае — детской) начнется в 1536 году, десять лет спустя после того, как Гольбейн закончит серию своих гравюр. А если мы вспомним, что пляска св. Витта часто заканчивались тем, что ее жертвы прыгали в воду, пытаясь облегчить жжение от «невидимого огня» — они «вырывали себе полностью все волосы с воем

¹² Backman, Eugène Louis. Religious dances in the Christian church and in popular medicine. Reprint 1977. p. 318.

¹³ Доддс, Э. Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 393.

и скрежетанием зубов, а нередко... в состоянии безумия они заканчивали жизнь самоубийством, что было типично в то время для этих несчастных существ, прыгая в колодцы»¹⁴, — то и вышеописанный Христос-утопленник Гольбейна, нарисованный в 1521 году, может оказаться вовсе не случайным утопленником — в них тогда нехватка не было.

Но вернемся к произведению Нитхардта. До 1792 года алтарь находился в церкви Изенхейма. Это было время Великой Французской революции, церкви стали громить, поэтому он был разобран на части и перевезен на хранение в бывший иезуитский колледж в соседнем городе Кольмаре, а в 1852 году алтарь переместили в секуляризованный революционерами доминиканский монастырь, где он в настоящее время и хранится в музее Унтерлинден. Картина «Распятие Христа» Изенхеймского алтаря размером примерно три на три метра является самым крупным произведением на этот сюжет в истории европейской живописи. Обычно считается, что это не простая картина страстей Христовых, а яркий образец лечебного искусства. Предполагается, что идентифицируя себя с образами на картине, больной наполнялся духовной силой, помогавшей ему справиться с телесными страданиями. В лечебные процедуры, возможно, входили молитвы больных у алтаря в монастырской церкви: либо святой Антоний совершит чудо и поможет больному, либо алтарь послужит духовным утешением обреченному. Вот как, например, описывается Христос с Изенхеймского алтаря в статье английской «Гардиан», посвященной выставке лечебного искусства:

Первое, что вы видите, проходя через прохладную готическую часовню к Изенхеймскому алтарю Маттиаса Грюневальда, нарисованному между 1512 и 1516 г. — это смерть. Сама неприкрытая смерть, гротескная и ужасающая. Деревянный трехконечный крест, к которому приколот мертвец. Грубые, дешевые, уродливые деревянные части небрежно сколочены, как будто художник попросил плотника сделать ему макет. Тело умирающего человека свисает с этого Т-образного креста. Его зеленые пальцы изогнуты в ужасные скрюченные когти. Этот Христос предстает пугающим, как умирающий человек, хватающийся за вас, отчаянно жаждущий помощи, которая никогда не придет. Христос

¹⁴ Hecker, Justus Friedrich Carl and Caius, John. The epidemics of the Middle Ages. Trübner, 1859. p. 90.

умирает в ужасном, пустынном месте с далекими низкими горными массивами, без света, в угнетающей, тоскливой, пустой темноте. Его желтовато-серая гниющая плоть покрыта красными язвами, а зеленый труп мертвого Христа на нижней панели покрыт язвами с выделяющимися биологическими жидкостями. Это ужасно. Почему средневековый художник изобразил Христа таким отвратительным образом? В современном западном понимании, искусство стало неотделимым от идеи самовыражения — художники занимаются искусством, чтобы сказать нам, о чем они думают и во что верят. Религиозное искусство для церквей и монастырей в средневековье не было подобным сегодняшнему. Оно имело социальную функцию. Искусство служило тому, чтобы преподавать религиозные сюжеты неграмотным беднякам — оно было книгой неграмотного. Изенхеймский алтарь был сделан для монастыря антонитов в Изенхейме, что около Кольмара. Антониты специализировались на лечении огня св. Антония — болезни, которую современная наука теперь знает как эрготизм, вызываемый употреблением в пищу ржаного хлеба, зараженного паразитным грибом. Ужасающий вид плоти Христа на алтаре — вовсе не фантазия, а изображение симптомов, которые монахи пробовали облегчить¹⁵.

В том же XVI веке Рабле в письме кардиналу Шатильонскому рассуждал о влиянии лекаря на состояние больного, «который всматривается в выражение лица своего врача и по нему угадывает, каков будет конец и исход болезни: если радостное, то и конец будет радостный и желанный, если же мрачное, то и конец будет мрачный и устрашающий; или же они зависят от того, какие от врача к больному идут токи». Но если простой врач может вселять оптимизм, то разве не лучший врач сам Христос? Возможно, именно так и полагали монахи, хотя нам сегодня трудно проникнуться оптимизмом при виде этого алтаря. Люди тех веков воспринимали его иначе? Какой исход своей болезни мог бы увидеть на лице Христа описываемый Рабле больной? На мой взгляд, есть одна причина, по которой такая картина вряд ли могла вылечить, скорее, наоборот — Христос умер на своем кресте. Он мог лишь обещать воскрешение уже умершему. Таков известный сценарий, проецирующийся в мозг больного, когда он смотрит на картину и причащается Телу и Крови этого Христа — учтем,

¹⁵ Jones, Jonathan. Hidden horror // The Guardian, 12.12.2007.

что это не просто живопись, а главный алтарь монастыря, имеющий, соответственно, помимо художественной и основную литургическую функцию.¹⁶ Идентифицируя себя с образом на картине, можно было только ускорить развязку.

К тому же среди ученых нет никакого согласия, насколько часто больные вообще могли видеть алтарь. Не исключено, что всего один раз во время прибытия в монастырь, как можно предположить, исходя из устава антонитов 1478 года. Монахи же, в любом случае, видели его ежедневно во время богослужения¹⁷.

С уменьшением частоты эпидемий эрготизма орден св. Антония стал клониться к упадку. Все меньше паломников приходили в Изенхеймский монастырь, а к моменту ликвидации ордена на территории Франции оставалось немногим больше двух сотен каноников. Так обычно об этом сообщается в энциклопедиях. И это в целом выглядело бы верно, если не обращать внимания на то, что как раз с 1770 по 1780 год во Франции и Германии почти каждый год происходят серьезные эпидемии эрготизма. Не самое, казалось бы, оправданное время для полного разорения ордена. Что же случилось?

Во-первых, наступает эпоха Просвещения, время сильного антагонизма между духовной и светской властями. Просвещенный абсолютизм относится отрицательно к традициям католицизма, защищая права светского государства от клерикальной опеки и видя опасного врага в римской курии и клире. Борьба против католицизма закономерно вылилась в борьбу с католическими орденами. Иезуиты изгнаны из Франции уже в 1764 году. В следующем после изгнания иезуитов году по настоянию Людовика XV создается «Монастырская комиссия» (*Commission des Réguliers*) по расследованию деятельности орденов, их реформированию, и по пресечению злоупотреблений духовенства. И хотя, по мнению некоторых исследователей, достижения Комиссии только иллюстрируют невозможность радикальных реформ при *Ancien Régime*, «старом порядке»¹⁸, ордена все же постепенно теряют свое влияние. За время

¹⁶ Hayum, 1977.

¹⁷ Mellinkoff, Ruth. The devil at Isenheim: reflections of popular belief in Grunewald's altarpiece. University of California Press, 1988. p. 3.

¹⁸ McManners, John. Church and Society in Eighteenth-Century France. Vol. 1: The Clerical Establishment and its Social Ramifications, July 1999. pp. 571—615 (45).

деятельности Комиссии до 1784 года были закрыты, по меньшей мере, 426 религиозных обителей¹⁹.

Во-вторых, непосредственно по антонитам бьет другой фактор — все более ширится понимание, что причиной гангрены являются вовсе не «наказание Господне» и «происки бесов», а всего лишь черные рожки спорыньи. Такие слухи ходят и непосредственно в Эльзасе, что мы видим даже из опубликованного «отцом картофеля» Парментье в Физическом журнале (*Journal de physique*) в 1774 году письма мадам Дюпиль: «Мсье, я читала в последнем Меркурии в июне 1774 года извлечение из ваших публикаций касательно спорыньи ржи. Уже несколько лет назад я слышала об опасности такого зерна и об ужасных болезнях, которые оно, как говорили, производило в Эльзасе (если я правильно помню) или его окрестностях»²⁰. То есть понятно, что дальнейшее существование ордена св. Антония уже под большим вопросом. Так оно и происходит. Сам Парментье во вред спорыньи не верит, но в это время аббат Тессье и другие врачи тщательно исследуют причины гангрены и окончательно приходят к выводу об ответственности спорыньи за огонь св. Антония. Члены Королевской Академии Наук после докладов и последующих демонстраций, проведенных Тессье, Поле и Жюсье в 1776 году, уже больше не сомневаются, что болезнь вызывается отравлением, и лишь ждут проверки вины именно спорыньи в опытах на заключенных²¹.

Вот и все, орден св. Антония больше не нужен, «чудо» излечений этой болезни антонитами теперь прозрачно: не надо есть ржаной хлеб. Бизнес можно сворачивать. Лечебные мази и вино из мандрагоры, настоящее на мощах якобы св. Антония, уже никого не привлекут, заболевание окончательно потеряло мистический ареол. В том же 1776 году, 17 декабря, папа Пий VI выпускает буллу *Rerum humanarum conditio*, согласно которой неактуальный более орден антонитов поглощается госпитальерами св. Иоанна (Мальтийским орденом)²². Булла дополняется папой 24 марта 1777 года, а во Франции — с подачи

¹⁹ Ward, W. Reginald. *Christianity under the Ancien Regime, 1648–1789*. Cambridge University Press, 1999. p. 228.

²⁰ Channing, Walter ; Ware, John // *The New-England journal of medicine and surgery: and collateral branches of science*, Vol. 9. Wells and Lilly, 1820. p. 18.

²¹ Ferrières, 2005, p. 138.

²² *Encyclopedia of the Middle Ages*, Vol. 2. By Andre Vauchez, Richard Barrie Dobson, Adrian Walford, Michael Lapidge. Routledge, 2000. p. 76.

«Монастырской комиссии» королевской грамотой (*Lettre patente*) от 25 июля 1777 года. Не подчинились папскому распоряжению три десятка обителей антонитов в Кельне; в 1803 году они были секуляризированы.

Вскоре исходный ужас изображенной на Изенхеймском алтаре болезни позабылся. Некоторые даже стали считать это произведение искусства связанным то ли с сифилисом, то ли с чумой. На этот момент указывали искусствоведы еще в середине прошлого века:

В Германии придерживались мнения, что Изенхеймский Алтарь работы Маттиаса Нитхардта, известного также как Грюневальд, был «алтарем чумы». Тем не менее, эта замечательная работа, несомненно, относится к другой эпидемии, огню св. Антония, бедствию, вызываемому грибок ржи и чреватому очень болезненными поражениями кожи, гангреной конечностей и неврологическими расстройствами²³.

Вообще говоря, если орден св. Антония, занимающийся больными, страдающими от огня св. Антония, заказывает алтарь с несколькими изображениями св. Антония, то странно искать здесь изображения какой-нибудь другой болезни (но при этом подобные попытки не прекращаются и сегодня²⁴).

Одному из изображений св. Антония художником приданы портретные черты настоятеля монастыря Гвидо Гверси (его отдельный портрет Нитхардт тоже писал). Не был забыт и символ ордена св. Антония — свинья. Были также обнаружены в алтаре и необычные моменты. Изенхеймский алтарь по своей форме является створчатым, то есть алтарем-складнем. Когда все закрыто, слева у нас святой Себастьян, справа — святой Антоний, посередине — распятие с Христом, рядом Богородица, Иоанн Богослов, Мария Магдалина и Иоанн Креститель, снизу — положение во гроб. Всего у алтаря 6 створок, 4 из которых расписаны с обеих сторон; их поочередное раскрытие позволяло составлять три варианта алтарного изображения. В настоящее время створки в музее размещены раздельно и не раскрываются — для сохранности. Если же раскрывать панели, то можно увидеть разные интересные вещи.

²³ Timken-Zinkann, Reinhard F. Some aspects of epidemics and German art about 1500 // *Medical History*, 1969, October; 13(4): 355–362.

²⁴ Faure M. Issenheim's altarpiece: does the disease depicted on the altarpiece correspond to ergotism? // *Hist Sci Med*, 2010, Oct-Dec; 44(4): pp. 383-388.

Хотя врачи не могли обнаружить причину эрготизма примерно до 1600 года²⁵, люди жили в страхе перед его узнаваемыми признаками (конвульсиями и гангреной). Болезнь именовалась огнем св. Антония, и она была основным предметом заботы в больнице Изенхейма. Ампутация конечностей являлась частым следствием гангрены, и ученые отметили, что две раздвигаемые подвижные половины пределлы алтаря создают впечатление, как будто ноги Христа ампутированы. То же самое можно отметить и относительно двух главных внешних панелей. Из-за размещения вне центра креста, открытие левой панели «отрывает» одну руку от распятой фигуры²⁶.

Если открыть все створки, то на третьей развертке по краям возникают сцены из жития святого Антония: слева — встреча с пустынником, справа — «бесовские видения». Последнюю картину и Босх мог бы одобрить.

Но только это вовсе не «искушение святого Антония», как называется данная створка алтаря во всех энциклопедиях. Искусствоведы видят в этой картине лишь старую легенду об искушении св. Антония бесами и демонами, но никак не отображенные художником галлюцинации при отравлении спорыньей. Только специализирующаяся по северному ренессансу Андри Хайюм предположила, что яркие краски алтаря свидетельствуют о желании художника передать видения больных, и что эти «галлюцинации, конечно, трактовались в религиозном аспекте житий святых»²⁷. На мой взгляд, более наглядно это стремление художника видно не только в ярких (и, кстати, преимущественно красных) цветах, а более в том, что вовсе не случайно по воле Нитхардта на переднем плане скорчилась фигура человека в красном колпаке (такие колпаки носили содержащиеся в монастырском госпитале больные) в крайней стадии эрготизма, что подразумевает наличие у этого персонажа даже уже не столько галлюцинаций, сколько эрготинного психоза. Этой «лишней» деталью картина Нитхардта и отличается от многочисленных изображений данного сюжета, необыкновенно популярного в средневековом и ренессансном искусстве. Мне не попадались работы, авторы

²⁵ Не могли обнаружить значительно дольше, об этом в последующих главах.

²⁶ Kleiner, Fred S. Gardner's Art Through the Ages The Western Perspective. 2009. p. 506.

²⁷ Hayum, 1977.

которых обратили бы внимание на достаточно очевидный момент: этот страдающий человек в левом нижнем углу никак не входит в легендарные «искушения Антония», он, в отличие от фантазмагии бесов, вполне реален. Сияющий Господь в небесах, к которому, как к последнему и единственному варианту спасения, обращен взор больного, вписан туда Нитхардтом именно в этом контексте. Пациент госпиталя — главное действующее лицо картины. Это именно его «искушения» изображены художником, это умирающий в своем последнем бреду видит сонмы бесов вместе со св. Антонием. Он «рисует» всю остальную часть картины в своем больном воображении. Таким образом Нитхардт не обошел вниманием и психические проявления болезни. Картина представляет нам типичные видения эрготика, рождающиеся при соответствующей установке, о которых художнику рассказывали монахи ордена, и которые описывали ему сами больные в Изенхеймском госпитале. А быть может, он и сам наблюдал нечто подобное.

Антониты — не единственный орден, вызванный к жизни эпидемиями эрготизма. Не случайно и орден тамплиеров, призванный охранять паломников и контролирующий в основном другой путь пилигримов в Иерусалим, был официально признан во Франции именно в 1129 году.

Глава 6

Женевьева и тамплиеры

Погода стояла великолепная — значит, не будут выносить раку святой Женевьевы, как в 1551 году, чтобы добиться прекращения дождя. Дождь уже прошел позавчера — значит, не будут выносить раку святой Женевьевы, как в 1556 году, чтобы молить о дожде. Не надо было и оплакивать губительное сражение, подобное тому, что произошло при Сен-Кантене, — значит, не будут выносить во главе процессии раку святой Женевьевы, как в 1557 году, чтобы обрести заступничество Господне. Тем не менее, было совершенно очевидно, что столь великое множество народа, заполнившее площадь перед старинным аббатством, собирается принять участие в каком-то знаменательном торжестве. Но каков же характер этого торжества?

Александр Дюма. Предсказание

Покровительницей Парижа является святая Женевьева, одна из самых почитаемых святых Франции. Холм святой Женевьевы, возвышающийся на высоте 60 метров над уровнем Сены — это сердце Латинского квартала, бывшего галло-римского города Верхняя Лютеция. Как гласит легенда, еще при нашествии гуннов на Лютецию Женевьева убедила их вождя Аттилу оставить город. С тех времен возникло празднество в честь святой, а поклоняться ей начали с 1129 года при короле Людовике VI Толстом. Ибо именно в этот год Женевьева совершила свое главное чудо — ее святые мощи,

пронесенные по улицам, остановили в уже потерявшем надежду Париже страшную эпидемию хорошо известной французам «огненной болезни». Многочисленные статуи Женеьевы в современном Париже, церкви и улицы ее имени — все это символы избавления парижан от «огненной чумы». В 1928 году статуя св. Женеьевы, вознесенная на 15-метровом пилоне, украсила вновь возведенный мост Турнель в Париже. Скульптор Поль Ландовски, один из авторов знаменитой статуи Христа Исккупителя, символа Рио-де-Жанейро, успел закончить работу вовремя, и на следующий год св. Женеьева уже гордо смотрела на город, празднующий 800-летний юбилей ее основного чуда. Скупно замечает о святой католическая энциклопедия:

В 1129 сильный мор, известный как *mal des ardents*, собрал более 14 000 жертв, но он внезапно прекратился во время процессии в ее [Женеьевы] честь¹.

С тех пор в течение средневековья во время несчастий всегда носили раку с мощами св. Женеьевы, но основное чудо осталось непревзойденным: «ее самым известным излечением было избавление от эпидемии эрготизма в 1129 году»². Случилось это чудо осенью, когда хлеб уже выпекался из зерна нового незараженного урожая. Папа Иннокентий II (сбежавший на тот момент из Рима, где власть захватил другой папа — Анаклет II) постановил праздновать *de miraculo ardentium*, чудо прекращения эпидемии, каждый год 26 ноября. Церковь Сен-Женеьев-ла-Петит (Sainte-Geneviève-la-Petite), где хранились мощи Женеьевы, была позже (не сразу, как часто неверно указывается, а в XVI веке, когда эрготизм опять будет досажать французам не меньше, чем в двенадцатом) переименована в церковь Женеьевы Пылающей или Горячей (Sainte-Geneviève des Ardents, в контексте — св. Женеьевы Эрготической). Это название (там — ошибочно Ardents) можно и сегодня видеть на паперти перед собором Парижской Богоматери — сама церковь была разрушена в XVIII веке.

А 660 лет спустя после той эпидемии разразится Великая Французская революция, тоже не в малой доле спровоцированная отравлением спорыньей. Строящаяся новая церковь св. Женеьевы будет превращена в Пантеон, а еще позже мощи св. Женеьевы будут разрублены на эшафоте, сожжены обезумевшей толпой на Гревской

¹ St. Genevieve // The Catholic Encyclopedia. Vol. 6. New York: Robert Appleton Company, 1909.

² Farmer D. H. The Oxford dictionary of saints. Clarendon Press, 1978. p. 165.

площади и брошены в Сену. Ирония судьбы — спорынья прославила ее реликвии, спорынья и уничтожила их. Но память о Женеьеве и ее чуде осталась в памяти парижан навечно.

Величайшее чудо, приписанное ее заступничеству, произошло в 1129 году во время одной из эпидемий эрготизма («горячки», или «священного огня», как это называли в Средневековье), прокатившихся по всей Франции и Англии в двенадцатом и тринадцатом столетиях. Вызванная пищевым отравлением ржаным хлебом, зараженным темно-фиолетовым грибом, болезнь получила свое популярное название от производимого ею чувства жжения. Она также вызывала судороги и гангрену, ведущую к смерти. Ни врачи, ни молитвы и пост, казалось, не могли победить эпидемию. Но это произошло, когда раку с мощами святой Женеьевы пронесли в торжественной процессии к собору. (Рациональное объяснение может состоять в том, что паника все еще зашкаливала, когда фактически эпидемия уже пошла на убыль — страх всегда разрастается более самой опасности — а процессия остановила панику). Когда папа Иннокентий II посетил Париж в следующем году, он приказал, чтобы ежегодное празднование ознаменовало это чудо, и оно все еще отмечается в церквях Парижа. Эту раку также проносили к собору по случаю крупных национальных кризисов или бедствий. Важность Женеьевы увеличилась, когда Париж стал столицей Франции; владение ее реликвиями дало людям чувство близости к ней, и они обращались к ней, давая иное толкование ее легенде в свете текущих проблем. В ее честь были сформированы братства, обладающие привилегией переноса раки с ее мощами в процессиях, и она вдохновила множество произведений искусства³.

Вместе с Женеьевой за спасение парижан от эрготизма отвечал св. Марцелл. Его мощи, перевезенные в собор Парижской Богоматери где-то между X и XII веками, «может быть, в связи с эпидемией отравления спорыньей, отныне будут играть наиважнейшую роль в благочестии парижан»⁴.

³ Butler A. H., Farmer, D. H. Butler's lives of the saints, Volume I. Continuum International Publishing Group, 1995. p. 28.

⁴ Гофф, Жак Ле. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Перев. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. С. 143.

Если парижан спасали Марцелл и Женевьева, то во множестве других городов Франции и Нидерландов, охваченных бушующими в те годы эпидемиями, защитницей от «огненной чумы» выступала сама Дева Мария.

Заступничество Девы Марии требовалось в связи с частыми вспышками отравления спорыньей, *mal des ardents*, или «священным огнем», вызванным потреблением зараженной грибом ржи. Болезнь поразила множество людей по всей Англии и Франции в первой половине двенадцатого столетия, и Сампшен утверждает, что почти в каждом случае эти вспышки выливались в массовое паломничество в одно из нескольких святых мест Богородицы, в том числе, конечно, и в Шартр. Например, в 1132 году несколько сотен жителей города Бове, страдающие от эрготизма, совершили паломничество в Шартр. Как пишет Сампшен, такие паломничества проистекали вовсе не из-за религиозного рвения, а были истерическими массовыми движениями, предпринятыми под давлением чрезвычайных обстоятельств, из отчаяния. Только за несколько лет до того, в 1128 году, толпы устремились к Суассонскому собору, и тогда они были вознаграждены: яркий свет наполнил собор, сопровождаемый громоподобным перезвоном. Так, по крайней мере, сообщают об этом источники, и никто не сомневался, что это было явление Богородицы. Согласно описаниям чудес начала тринадцатого века, подобное явление было и в Шартрском соборе. Это только две из нескольких важных святынь Девы, связанных с излечением от эрготизма. Летописец Ансельм из Гемблуа под 1129 годом отмечал, что эрготизм вспыхивал в Шартре, Париже, Суассоне, Камбре, Аррасе и во многих других местах, но чудеса, являемые Богородицей, тушили его. Суассон в 1128 году был основным местом паломничества, в 1132 — Шартр, в 1206 — Собор Парижской Богоматери. В Аррасе паломничество, связанное с эрготизмом, вызвало основание братства «des ardents», т. е. братство больных эрготизмом, в честь Богородицы еще в конце одиннадцатого века, и «Великое шествие» в Турне (*La Grande procession*) произошло в 1089 году по тем же причинам⁵.

⁵ Blick S., Tekippe R. Art and architecture of late medieval pilgrimage in Northern Europe and the British Isles, Volume 2 // Volume 104 of Studies in medieval and Reformation traditions. BRILL, 2005. pp. 156–157.

На сегодняшний день в Турне об этом «спорыньевом шествии» еще не забыли и празднуют его каждый год во вторые выходные сентября, но называют «Чумной процессией», поскольку так людям чудо понятнее: о чуме все слышали, а об эрготизме — нет⁶. И никто не будет акцентировать внимание на том, что к осени эпидемии эрготизма идут на убыль сами собой без всяких шествий и переносов мощей, если в собранном в летнюю страду новом урожае меньше спорыньи.

Но не только статуи Женеьевы в Париже остались нам напоминанием о смертельном «священном огне», терзавшем тогда Францию. На самом пике эпидемии в начале 1129 года произошло событие, в некоторой степени повлиявшее на облик современной цивилизации.

Именно тогда был официально признан орден тамплиеров, который со временем развернет достаточно передовую для своего времени финансовую деятельность благодаря сети командорств, покрывших почти всю Европу, решит основную торговую проблему — безопасного перемещения денежных средств, создаст транснациональную финансовую систему, введет аккредитивы, прообраз векселей и чеки.

То, что никто из историков до сих пор не связал возникновение ордена с мором от «священного огня», вовсе не странно — человеческая мысль всегда движется медленно, с трудом пробиваясь через окостеневшие стереотипы восприятия и романтические мифологизированные представления о «благородных рыцарях», спасающих паломников от разбойников. Ментальные шаблоны «бескорыстной благотворительности» мешают увидеть очевидное. К тому же ранее осознанию этого факта препятствовала старая ошибка в датировке собора в Труа, относящая образование ордена тамплиеров ко времени до начала эпидемии. На самом же деле собор состоялся «13 января 1129 года, а не 1128, как считалось ранее»⁷. Вот с этой поправкой все становится яснее и обретает утерянную логичность — тамплиеры появились только тогда, когда они понадобились. Спрос

⁶ Для туризма имеет значение лишь легенда о «чуде», а не ее адекватность действительным событиям: на сайте города Турне (<http://www.tournai.be>) сказано следующее: «Некоторые историки утверждают, что трагическая эпидемия, которая обрушилось на Турне, была вызвана не чумой, а отравлением спорыньей (эрготизмом). Чума или эрготизм, но для нас фактом остается то, что болезнь исчезла после шествия с молитвами к Деве Марии».

⁷ Luscombe D. E., Riley-Smith J. *The new Cambridge medieval history*: c. 1024–1198, Volume 1. Cambridge University Press, 2004. p. 180.

на охрану паломников возник тогда, когда сами пилигримы появились массово — то есть в то время, когда по всей Франции полыхала наводящая дикий ужас на обезумевшее население «огненная чума». Именно спорынья помогла тамплиерам разбогатеть.

Глава 7

Рыцари кладбищ

Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучшие птиц?

Евангелие от Луки, 12:24

Гуго де Пейн основал свой орден «бедных рыцарей Христа и храма Соломона» (по месту проживания рыцарей в прежней арабской мечети аль-Акса на месте храма Соломона) в Иерусалиме примерно в 1120 году. Повод к созданию охранного ордена был прозрачен:

И в то время как все на свете сословия, богатые и бедные, девушки и юноши, старики и дети торопились к Иерусалиму, дабы посетить святы места, разбойники и воры наводнили дороги и захватывали паломников, грабя великое множество и убивая многих из них¹.

Но в отсутствие пугающих стимулов паломники текли неспешным ручейком и развиваться у храмовников возможности не было. Можно было только заработать себе на пропитание, а серьезно разбогатеть — нет. Около девяти лет орден влачил жалкое существование, количество членов как было девять рыцарей, так и оставалось, или же увеличилось ненамного (по разным источникам и даты, и количество рыцарей слегка варьируются, но здесь это не особенно важно). Хронист Фульхерий Шартрский, живший примерно до 1127 года в Иерусалиме, о существовании ордена тамплиеров нигде

¹ Vitry, Jacques de. Historia orientalis. Paris, 1597. Cap. LXV, fol. 115. (цит. по 3).

не упоминает. Орден госпитальеров, основанный в Иерусалиме торговцами из Амальфи, занимался приемом паломников еще задолго до первого крестового похода, и конкуренцию ему было не составить. Большая часть пилигримов к тому же уходила к антонитам на Путь св. Иакова в Компостелу. На Святой земле паломников для раскрутки серьезного бизнеса было недостаточно. Не хватало там и воинов. Короли и князья на Востоке старались восполнять нехватку собственных воинских ресурсов тем, что дополнительно к рыцарям-вассалам вербовали наемников из числа пилигримов. Хотя платить им приходилось дорого, рыцари-пилигримы не намного увеличивали обороноспособность франкских государств, поскольку оставались в Палестине на короткое время. Изменить ситуацию мог только очередной сильный мор в Европе, который повлиял бы на количество паломников. Нужен был страх, который заставит их двинуться в путь. Но спорынья в Европе затаилась, и «священный огонь» только тлел, не вспыхивая десятками тысяч смертей — совсем не так, как привок Гуго, зная не понаслышке эффект постоянных эпидемий перед первым крестовым походом. Вспышка 1125 года была достаточно серьезной, но ее не хватило. Только через восемь лет с момента основания маленького иерусалимского ордена «во Франции случилась необычайно серьезная эпидемия в 1128 и 1129 гг. после нескольких лет голода»². Тут же и был создан собор в Труа:

Итак, ко всеобщей радости и всеобщему братству, молитвами магистра Гуго де Пейна, коим милостью Божией положено начало вышеназванному рыцарству, мы собрались в Труа из разных провинций по ту сторону гор на праздник господина нашего святого Илария в год от Воплощения Христова 1128, в девятую годовщину возникновения вышеупомянутого рыцарства. И об обычае и установлении рыцарского ордена мы услышали на общем капитуле из уст названного магистра, брата Гуго де Пейна³.

Вот в этом приведенном Марион Мельвиль тексте, взятом ею из источника XIX века, и кроется подвох, долго мешавший заметить связь создания ордена с эпидемией. Дело в том, что эта книга Мельвиль, на которую часто ссылаются, была написана шестьдесят лет назад (есть издание 1951 года), когда ошибка с 1128 годом была

² Barger G. Ergot and ergotism, London, 1931. p. 53.

³ Мельвиль М. История ордена тамплиеров. СПб.: Евразия, 2000.

еще не вскрыта (в российском издании 2006 года, несмотря на заявленное научное редактирование, ошибка также не замечена, и примечания редакции по этому поводу отсутствуют). Но в 1988 году Рудольф Хистанд (Rudolf Hiestand) показал, что в то время во Франции год обычно начинался с 25 марта (при этом в Суассоне, например, год начинался 25 декабря), и январь 1128 года по мартовскому стилю является на самом деле январем 1129 года по стилю январскому. Определение правильного года собора сняло и некоторые нестыковки, смущавшие исследователей ранее, как отмечал Барбер⁴. Но среди этих «смущавших исследователей нестыковок» не было утерянной связи с огнем св. Антония — о ней просто никто не задумался. А стоило бы обратить внимание на то, что собор, давший зеленый свет храмовникам, прошел в самый разгар эпидемии эрготизма, идущей с осени 1128 года (датировка эпидемий валидна при любом стиле, даже если месяц не указан, ибо начинаются они после летней страды). Тогда будет нетрудно понять, что собор был созван именно в это время не случайно, а был эпидемией де-факто и вызван. Одобренный на соборе орден ожидал невиданный и быстрый успех, который по день сегодняшней историки, даже зная уже про ошибку с годом, объяснить затрудняются.

В начале 1128 или, согласно последним научным данным, в январе 1129 года в Труа был проведен собор, после которого тамплиеры получили официальное признание папы. Святой Бернар являлся одной из ключевых фигур, оказавших помощь в организации ордена тамплиеров как монахов-воинов — совершенно новой концепции для средневекового христианского мира. Можно только гадать, каким образом такому крошечному ордену из всего девяти членов не только удалось получить официальное папское признание, но и разрастись в геометрической прогрессии в течение последующего десятилетия, или около того, и стать одним из самых богатых и самых эффективных орденов в истории⁵.

Вопреки мнению процитированного историка-медиевиста Карен Роллс, не так уж сложно предположить, чем в действительности было вызвано успешное развитие ордена. К новоиспеченному ордену

⁴ Barber M. The new knighthood: a history of the Order of the Temple. Cambridge University Press, 1995. p. 338, note 42.

⁵ Ralls K. The Templars and the Grail knights of the quest. Quest Books, 2003. p. 49.

присоединялось множество добровольцев, ему делались богатые подношения. Откуда такое расположение церкви и такой успех в наборе рыцарей, о котором любят упоминать все писатели, рассказывающие о тамплиерах? Гуго де Пейн «вернулся в Иерусалим с целой армией, набранной на Западе» — пишет Луи Шарпантье. «Один из летописцев утверждает — по-видимому, несколько преувеличивая, — что в ходе этого европейского визита Гуго сумел набрать больше добровольцев, чем сам папа Урбан II при организации 1-го Крестового похода. Как и тридцать с лишним лет назад, многие франкские дворяне продавали свои поместья или брали деньги взаймы, чтобы присоединиться к магистру и отправиться на Ближний Восток», — вторит ему Пол Рид. Это знает каждый, кто любил читать книги о тамплиерах. Такое быстрое развитие ордена традиционно считается некой загадкой. Но есть ли она? Ничего таинственного здесь как раз не видно. Если в первый крестовый поход сорвались десятки тысяч людей, лишь бы только убежать от нищеты и ужаса «священного огня», то в 1128–29 годах, когда разразилась еще более сильная эпидемия, чем в 1095–96, разве у них не было той же мотивации? Просто в первый раз нашелся хронист Эккехард из Ауры, который пальцем ткнул в этот факт: «франков легко можно было уговорить покинуть свои деревни», потому что эпидемия эрготизма их «до отчаяния в самой жизни напугала»⁶, а в 1129 году такого наблюдательного хрониста не нашлось. Создается впечатление, что пропала бы рукопись Эккехарда, так и первый крестовый поход никто бы с «огненной чумой» до сих пор не связывал. Как будто не самоочевидно желание людей бежать из гиблого места в святое, где, по слухам, излечиваются. И заметим, по слухам частично достоверным, ибо реально были и вылечившиеся вследствие смены питания. На этом все паломничество и держалось. Один из серьезных источников дохода церкви.

Сейчас нам трудно представить тот суеверный дикий ужас, владевший населением Франции во время этих эпидемий. «Вопя и стелая, люди в корчах падали на улицах. Многие, сидящие за столами, вдруг вскакивали и начинали кататься по всей комнате, подобно колесам, другие валились с пеной у рта в эпилептических конвульсиях, третьих рвало, и у них проявлялись признаки внезапного безумия. Многие из них кричали, „Огонь! Я горю!“ Вот как это происходило. Те, кто не выздоравливал сразу, казалось, горели заживо. Это был

⁶ Ekkehardi chronicon universale. MGH, SS. Bd. VI. Hannover. 1844.

„invisibilis ignis, carnem ab ossibus separans et consumens [невидимый огонь, который отделял плоть от костей и поедал ее]“, — писал летописец. „*Cum intolerabili cruciatu*“ с невыносимой, мучительной болью погибали мужчины, женщины и дети. В городе Лиможе каждый дом напоминал костер, в котором день и ночь сжигались жертвы. Повсюду крики, горящие без видимого огня члены людей. Сначала у них чернели пальцы на ногах, затем разрывались пальцы на руках, руки и ноги тряслись в конвульсиях и отваливались. „*Tamen desiderantibus mortem tantum remedium denegabatur* [однако, последнего утешения не получали те, кто жаждал смерти], „*donec celer ignis invadat membra vitalia* [пока дух самой жизни не подвергся нападению огня]“, — писал летописец Гуго Фарсит. — „*Ignis hic tanto frigore glaciali perfundit miserabiles, ut nullis remediis possint caleferi* [примечательно, что этот огонь пронизывал несчастных людей таким холодом, что уже ничто не могло согреть их]“. *Horrendissimus ululatus*, ужасный рев боли был слышен на многие мили, и неописуемый смрад стоял неделями на улицах. Сам порядок природы был опрокинут. Ад, казалось, вырвался из глубин земли, сжигая людей в невидимом огне, природа которого была сходной с природой льда. Заразный мор был известен и ранее. Но этот не был таким. Те, кто сносил тысячи гниющих и скрюченных тел к яме, где их сваливали все вместе, оставались здоровы. С другой стороны, в деревнях, где ранее не было никаких смертельных случаев, все население вдруг умирало за один день», — так попытался описать эпидемию полузабытый ныне писатель Генрих Яков в своей книге об истории хлеба⁷.

«Люди призывали Деву Марию и Христа на помощь; они также молили о спасении Женевьеву парижскую, святую покровительницу хорошего зерна», — пишет дальше Генрих Яков. — «Но и Женевьева была неспособна погасить невидимый огонь». Писатель не точен в одном: рассказывая про эпидемию 943 года в Аквитании, которую также зафиксировали несколько хронистов, он процитировал фразы из хроники Гуго Фарсита (Hugo Farsitus), где описывается более поздняя эпидемия в Суассоне, начавшаяся в том самом 1128 году (Domini MCXXVIII⁸), когда Женевьева, как мы знаем, как раз помогла. А описание смертельного «ледяного огня», действительно, может подойти

⁷ Jacob H. E. Six Thousand Years of Bread Its Holy and Unholy History, 2007. p. 122.

⁸ Barger, 1931, p. 54 или Wissenschaftliche Annalen der gesammten Heilkunde, Volume 286 Enslin, 1834. p. 74. pp. Bouguet XIV. p. 234

к любой эпидемии. И кто знает, не здесь ли нашлись истоки для образа последнего, самого ужасного девятого круга ада Данте — ледяного?

Вот в такой охваченной ужасом Франции через полгода после начала эпидемии организаторам ордена св. Бернару и будущему магистру Гуго де Пейну легко удалось убедить папу Гонория II созвать собор в Труа и утвердить особый орден для защиты паломников.

Последствия эпидемий «невидимого огня» были уже хорошо известны. Перед первым крестовым походом весной 1096 года толпы крестьян и рыцарей внезапно сорвались с насиженных мест и, подобно мифическим леммингам, пошли на погибель. Они шли, куда глаза глядят, не зная даже, где этот самый Иерусалим, и спрашивая у ворот каждого города: «А не Иерусалим ли это?» Но они упорно шли, потому что дома было до жути страшно, а впереди их ждала святая спасительная земля обетованная, «где течет молоко и мед» (Исход 3:8). Вряд ли тогда папа Урбан II обрадовался такому положению дел, поскольку все движение прошло для него и церкви бессмысленно и создавало одни лишь проблемы в Европе и Византии. Созданный накануне этих событий орден святого Антония только начал контролировать дорогу в Сантьяго-де-Компостела, а рыба поплыла мимо сетей.

Второй такой промашки допустить было нельзя. Выгоды ставки на больных или напуганных болезнью паломников уже наглядно несколько десятилетий демонстрировал быстро богатеющий орден св. Антония. И тогда, в 1129 году, это было совершенно очевидно и папе, и святому Бернару, и Гуго де Пейну. Все они почувствовали запах больших денег. Как только «священный огонь» вновь возгорелся с невиданной силой, все проблемы ордена оказались решенными. Гуго тут же вернулся домой в Шампань с рекомендательным письмом Балдуина II к Бернару Клервоскому и вскоре с одобрения папы организовал в Труа, в десяти километрах от своего имения, тот самый церковный собор, утвердивший особый орден для охраны паломников. Как писал кардинал Жак де Витри: «прожив совместно и, согласно своему призванию, в бедности девять лет, они заботами папы Гонория и Стефана, патриарха Иерусалимского, обрели устав»⁹.

Паломников, как всегда во время массовых эпидемий, ожидалось великое множество. Их надо было пасти и охранять от конкурентов. Для этого орден тамплиеров и предназначался. Деньги должны

⁹ Vitry, 1597.

были доставаться церкви и ордену, а не случайным магометанским и христианским придорожным разбойникам. Но главное — в случае смерти паломника не упустить его имущество. Лучше всего сложившуюся ситуацию понимал святой Бернар, тогда еще просто Бернар Клервоский, опытный харизматичный демагог и мистик, бесспорный авторитет церкви своего времени и «прославленный церковный мракобес» (как его характеризует Заборов). Папа Гонорий II с радостью поддержал проект, дела у него в то время шли плохо. Он только что проиграл войну с Рожером II, и его попытка присоединить Южную Италию к своим владениям закончилась безрезультатно: армия папы была разбита. Эпидемия эрготизма давала Гонорию шанс поправить пошатнувшиеся дела. Надо полагать, условия сотрудничества, предложенные Гуго, показались Гонорию привлекательными. Впрочем, трудно сказать, кому именно принадлежала инициатива, существует также версия проекта св. Бернара и клюнийцев — «ордена за спиной ордена».

Собор был представительным, собрались многие заинтересованные лица: два архиепископа — Реймский и Сансский, десять епископов, семь аббатов, ученые клирики. Формально в устав ордена был сразу внесен пункт «О том, чтобы воины Храма имели десятины» (LXVI), но только «Если епископ церкви, которому по справедливости положена десятина, с любовью захочет вам ее дать». Как делились доходы неформально, нам теперь не узнать. После разгрома ордена в 1312 году его архив, хранящийся на Кипре, был передан старым конкурентам храмовников — госпитальерам. Далее следы записей якобы потерялись в 1571 году после захвата Кипра турками¹⁰.

Исходя из поправленной даты собора, следует также признать, что распространенная легенда о португальской королеве Терезе, которая якобы в марте 1128 года отдала тамплиерам владение Сур на реке Мондего вместе с замком, преграждавшим южный путь из ее королевства, имеет мало прав на существование. Ибо до официального признания никто каким-то безвестным еще рыцарям ничего бы не подарил. А вот после собора, когда стала очевидна серьезная поддержка ордена папой, это уже реально, и именно тогда сын Терезы Альфонс пожаловал тамплиерам еще и обширный лес Сера, находившийся в руках сарацин. Тереза же к этому отношения иметь не могла, поскольку к тому времени была уже сослана в монастырь.

¹⁰ Ralls, 2003, p. 49.

После собора патрон ордена св. Бернар пишет апологию рыцарям Храма «Похвала новому рыцарству» (*Liber ad Milites Templi de Laude Novae Militiae*), используя привычную для него демагогию и игру слов: тамплиеры — это истинные солдаты, реальные выразители рыцарских идеалов, милиция (*militiae*), а остальные, светские, рыцари — плуты и мошенники (*malitiae*). «Милиционеры» лучше других рыцарей даже тем, что лишены грехов тщеславия и роскоши: «Редко моются и никогда не сооружают причесок, довольствуясь видом растрепанным и запыленным, несущим отметины солнца и их доспехов» (гл. 4).

Теперь очередная церковно-рыцарская «турфирма» могла заработать в полную силу. Считается, что тамплиеры сразу же занялись ростовщичеством, ссужая деньги на паломничество в Иерусалим. Дабы избежать обвинения в ростовщичестве, залоговый заем обычно маскировался двумя взаимными дарами, сделанными «из милосердия». Но основные деньги делались не на этом. Узуфрукт (т. е. право пользования чужим имуществом) подписывался хитро: «с гарантией залога недвижимого имущества, каковое должно стать полной собственностью, если должник в путешествии умрет». Мельвиль приводит несколько образцов таких грамот. Сколько больных должников не вернулось из тяжелого и долгого путешествия в этот период первоначального накопления капитала орденом и сколько из них осталось похороненными на чужбине, расставшись со своим имуществом, никто теперь не узнает. На это и был расчет. Поэтому орден быстро начал по образцу антонитов создавать самое необходимое для своей деятельности — кладбища. Вскоре орден уже был также богат, как и госпитальеры.

Уже в XII в. на Западе храмовников открыто обвиняли в алчности — за деньги они готовы были и на предательство «христианского дела». Вюрцбургский хронист считает, что во время осады Дамаска в 1148 г. рыцарями Второго Крестового похода осажденные подкупили храмовников, которые втайне оказали им поддержку, что и послужило одной из причин провала предприятия. И тамплиеры, и госпитальеры всячески злоупотребляли своими привилегиями в целях обогащения и наживы. Путешествовавший по Иерусалимскому королевству церковный деятель Теодерик в «Книге о святых местах» (1172 г.) не без удивления писал о богатствах обоих орденов, о принадлежащих им жилых и хозяйственных постройках, о церквях

в Иерусалиме, об их крепостях и замках: «Сколько богатств у тамплиеров — никому не дано знать»¹¹.

«Христианское дело», о котором говорит Заборов, однако, одинаково предавали все, или, наоборот, никто — в зависимости от того, что мы будем подразумевать под этим абстрактным понятием. Здесь надо учесть, что постоянные обвинения храмовников со стороны духовенства — это отражение обычной конкуренции за кусок сладкого пирога между орденом (сиречь — папой) и местными церковниками. Папы старались иметь дело с орденом напрямую, отгоняя своими буллами епископов от кормушки.

Целью буллы Иннокентия II 1139 г. было учредить институт братьев-капелланов для обслуживания Дома. Истинное же ее назначение заключается в том, чтобы освободить тамплиеров от всякой церковной власти, кроме власти Папы, и передать магистру и капитулу ответственность за управление орденом. Этим и объясняется досада архиепископа Тирского, когда он пишет, что тамплиеры стали на добрый путь, но потом в гордыне отвергли власть епископов и патриарха¹².

«Преданные ордену люди считались свободными от повинностей, — от них были избавлены тамплиеры, — каким бы ни было мнение сборщиков налогов. Папская булла запрещала приходским священникам налагать (даже под видом покаяния) на них денежные штрафы». Особенно нервничали епископы, несмотря на то, что в похоронных делах они принимали прямое участие в виде получения трети прибыли. Но это казалось им недостаточным. Архиепископ Тирский негодовал: «Отрицая права духовных лиц и похищая у них десятины и первые плоды, они постыдно стеснили их в пользовании своим добром». Третья привилегия буллы окончательно отстраняла епископов от всякого контроля над делами ордена Храма, оговаривая епископские права в том, что касается десятин, даров и погребений. Не брезговал орден и другими доходами: булла *Milites Templi* от 1144 года давала тамплиерам право собирать пожертвования раз в год в каждом храме, чем те с удовольствием пользовались, собирая деньги с тех, кого церковь предавала анафеме, ибо «тамплиеры в полной мере сознавали возможную выгоду». Папа тем временем продолжал давить на епископов¹³.

¹¹ Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М.: «Наука», 1980. С. 147.

¹² Мельвиль, 2000.

¹³ Ibid.

За буллой *Omne Datum Optimum* в 1145 г. последовала другая — *Militia Dei*, оповещавшая епископов о том, что тамплиеры отныне имеют право возводить часовни. Сотня переизданий показывает, сколь трудно было навязать свою волю белому духовенству и воспользоваться привилегиями, дарованными Папой. Споры начались вокруг вопроса о деньгах. В 1160 г. тамплиеры жаловались на то, что епископы отбирают у них треть от имущества, завещанного ордену теми, кто желал быть похороненным на их кладбищах. Булла *Dilecti filii* имела целью обязать белое духовенство удовлетвориться четвертью завещательного дара. Несмотря на предоставленную им часть завещанного имущества, епископы всегда противились погребению на кладбищах ордена. Они требовали также и уплаты десятины, от которой Дом был освобожден¹⁴.

Вообще, церковные кладбища сами по себе и принцип захоронений *ad sanctos* (лат. «при святых», т. е. поблизости от гробницы святого) — это уже гениальное финансовое изобретение христианства. Хочешь воскреснуть для жизни вечной — надо быть похороненным у церкви, на освященной земле. Так, в представлении обывателей, их шансы на попадание в рай значительно увеличивались. Тамплиеры же извлекали из этого ритуала максимум прибыли. Быть похороненным на Святой земле, недалеко от Гроба Господня — чего большего мог желать верующий? Разве что вернуться живым и здоровым домой и получить назад свое завещанное тамплиерам имущество. Это удавалось немногим. Путь дальний и тяжелый. Те же паломники, кому повезло выжить и избавиться от болезни, если она у них была, или от страха перед ней, если они не были больны изначально, могли также решить не возвращаться в Европу, а примкнуть к богатому ордену. У кого уже не было сил идти — тех тамплиеры стали обеспечивать кладбищами, устроенными при каждой местной церкви или часовни храмовников. Своего рода представительство Святой земли. Хоронили там тех, кто мог внести значительную сумму за свое погребение. Или, опять же, завещать свое имущество. В итоге, несмотря на жадность местных церковников, дела у ордена шли хорошо. Госпитальеры, впрочем, тоже не отставали и быстро богатели. К концу XII века военно-монашеские ордена превратились во влиятельную военно-политическую силу и на Востоке, и на Западе.

¹⁴ Ibid.

Тамплиеры, надо отдать им должное, показали себя предприимчивыми и изобретательными бизнесменами. Они не только занимались торговлей, изготовлением вина и перевозкой купцов и паломников на собственных и зафрахтованных кораблях, но и значительно расширили свою финансовую деятельность. Наличие чеков освобождало людей от необходимости перемещений игравших роль денег драгоценных металлов, и теперь можно было отправляться в паломничество с небольшим кусочком кожи. Денежная собственность владельца чека стала недоступной для разбойников. Если сумма вклада исчерпывалась, то ее можно было увеличить с последующим восполнением родственниками. Дважды в год чеки посылали в комтуруию выпуска для окончательных подсчетов. Храмовники ссужали деньгами самых знатных пилигримов. Рыцарям Храма были знакомы бухгалтерский учет, принцип двойной записи и сложные проценты. При этом охрана вкладов непосредственно рыцарями была, естественно, более надежной, чем наемная. Постепенно храмовники станут крупнейшими кредиторами Европы. В числе их должников все — от крестьян до королей и пап. В XIII веке парижский Дом тамплиеров стал центром финансовых операций ордена. При Филиппе II Августе главный казначей ордена назначен главным казначеем Франции и сосредоточил в своих руках финансовое управление страной. При Людовике IX Святом королевская казна находилась в Тампле. При преемнике Людовика она продолжала там оставаться и почти слилась с кассой ордена. Как утверждал — надо заметить, преувеличивая — Десмонд Сьюард: «Ни одно средневековое учреждение не сделало большего для развития капитализма».

Храмовники и госпитальеры оставались в Палестине до самого краха государств крестоносцев на Востоке. После падения Акры в 1291 году оба ордена перенесли свои резиденции на Кипр, лишившись своего основного направления в бизнесе. Вскоре госпитальеры св. Иоанна выиграют в обострившейся конкурентной борьбе — орден тамплиеров будет уничтожен, а его владения перейдут госпитальерам.

Глава 8

Да сожжет тебя огонь святого Антония!

Услышавший эти слова Жан отошел чуть в сторону. Он так сильно побледнел, что Хакон приблизился к нему и дотронулся до его плеча.

— В чем дело? — спросил скандинав.

— Огни святого Антония, — ответил Жан.

— Не принимай всерьез слова сумасшедшего. Он одержим злым духом, бесом. Вот и все.

Жан посмотрел на своего товарища:

— Нет, это далеко не все. Он — один из множества. Когда огни святого Антония захватывают город, то одержимыми становятся все. Когда я был маленький, такое произошло в соседней деревне. Она исчезла с лица земли. Половина жителей умерла. Прочие сошли с ума. Изгнать дьявола удалось только из немногих.

— Погоди! — К ним подошел Фуггер. — Я тоже слышал о таком. Целые деревни сходят с ума. Они прокляты видениями ада и гибнут в огне, который виден только им самим. А на тех, кто пришел со стороны, проклятье не распространяется. Чужаки могут только наблюдать за происходящим, не разделяя этого ужаса.

Крис Хамфрис. Французский палач

«Антонов огонь ему в зад, этому ювелиру, который их сделал, заодно и придворной даме, которая их носила!» — такое проклятие вложил Франсуа Рабле в уста Гаргантюа в XVI веке. Не каждый

современный читатель, даже если знает, о чем речь, сможет прочувствовать эту фразу. А весельчак и шутник Рабле, будучи врачом, выражает очень уж недоброжелательное отношение к упомянутым персонажам. Нарочитой народной грубостью Рабле рушил образы и нормы литературности. Того же антонова огня он в предисловии желает и читателям, не верящим в правдивость его хроники. Это не просто пожелание «да что б вы сдохли» — дикий суеверный ужас антонова огня уже многие столетия постоянно витал над Европой.

«В то время пламя болезни выжигало лимузенцев» — так перо Адемара де Шабанна отобразило в 997 году один из обоснованных страхов рубежа тысячелетия. Эпидемия была известна под сорока различными названиями на шести разных языках, но чаще всего ее называли огнем святого Антония или священным огнем, в пламени которого люди сгорали изнутри, «огонь» жег так, что их конечности раздувались и отпадали. «Да сожжет тебя огонь святого Антония!» — это было самое худшее проклятие, которое только можно было послать врагу, ибо боль эта была ужасна, а затем она убивала¹.

Иногда священный огонь горел, не переставая, десятилетиями, иногда надолго затаивался, но всегда неожиданно возвращался.

Два бенедиктинца посетили монастырь в 1639 году: «Монахи вновь милосердно открыли свои больницы, долго стоявшие закрытыми, для несчастных, пораженных болезнью. С большим состраданием мы рассматривали пару десятков из этих страдальцев: одни без ног, другие без рук, некоторые без ног и рук, ибо эта болезнь может быть вылечена только отсечением членов, на которые она сначала нападает. Там был очень квалифицированный брат, который не упустил ничего. Он показал нам ноги и руки, отсеченные сто лет назад, которые были точно такими же как те, что он отсекает каждый день — то есть черные и полностью сухие». Любой посетитель мог видеть мумифицированные члены, напоминающие сухой лес, выставленные *ex-voto* в двери церкви аббатства².

Откуда взялась «огненная чума» никто не понимал: об опасности ржаного хлеба Европа не догадывалась более тысячи лет с момента его распространения. Или, точнее, почти не догадывалась — все же гангренозную форму эрготизма в Париже в 945 году Флодоард

¹ Ferrières, M. Sacred cow, mad cow. Columbia University Press, 2005. pp. 134–135.

² Ibid., p. 135.

объяснял плохим питанием: «Flodoart описываетъ эпидемію гангренознаго эрготизма, бывшую въ Парижѣ въ 945 году, причиною ея считаетъ употребленіе испорченной пищи»³. Автор всемирной хроники бенедиктинский монах Сигеберт из Жамблу сообщал, что в 1089 году во время сильной эпидемии хлеб был красным, а в 1125 году аббат Мон-Сен-Мишель хронист Робер Дюмон высказывал мнение, что болезнь вызывается употреблением в пищу плохого хлеба пурпурного цвета⁴.

С X по XII в. во Франции наблюдались самые тяжелые токсидемии этой болезни. В это же, приблизительно, время, как говорит Колотинский, начали подозревать, что причиной болезни является мука из испортившихся во время прорастания хлеба зерен. Более определенно об этом высказался Dumont в 1125 г., выразив мнение, что болезнь вызывается употреблением в пищу спорыньи⁵.

Но рациональные мысли быстро уступили место мистическим. Гнев Божий и происки бесов казались более достоверными объяснениями, да и тем, кто зарабатывал на болезни, никакие объяснения нужны не были.

Появившийся в Средневековье «огонь» походил на чуму: внезапный и агрессивный. Походил он также и на проказу: полиморфный (под названием скрывалось два или три вида гангрены). Но он не был заразен, как чума, и не был столь же смертелен как чума. Однако болезнь досаждала достаточно, чтобы общество получило большую долю инвалидов, искалеченных, безруких и безногих калек, и широко распространилась повсюду на континенте и в каждой социальной страте, вызывая мольбы к святому Антонию об излечении. Появился религиозный орден по уходу за больными, антониты⁶.

³ Виноградов Н. Ф. О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ въ органахъ и тканяхъ у людей при хроническомъ отравленіи спорыньей. (garbania, ergotismus, болѣзнь „злая корча“). Казань: Типо-Литографія Императорскаго Университета, 1897. С. 6.

⁴ Подробнее о мифологии «красного хлеба» см. «Злая корча», книга 2, приложение «Миф о кровавой плоти».

⁵ Выясновский А. Ю. Эрготизм. Классификация форм, клиника и патологическая анатомия хронического эрготизма. Пермь: Издание Психоневрологического института, 1937. С. 5.

⁶ Ferrières, 2005. p. 135.

Массовые отравления спорыньей почти во всех статьях и монографиях называют эпидемиями эрготизма или даже пандемиями. Тут есть определенный нюанс: в энциклопедиях эпидемия обычно определяется как «распространение какой-либо инфекционной болезни человека, значительно превышающее уровень обычной (спорадической) заболеваемости на данной территории» (БСЭ). Ключевое слово здесь — «инфекционной». Поэтому эрготизм называть эпидемией вроде бы не совсем верно. Но как еще назвать неинфекционное пищевое отравление, часто охватывающее огромное количество населения на больших площадях? Сложно представить себе какую-нибудь «пандемию отравления мухоморами». Ибо мухоморы просто так на обед не ели даже чукчи или берсерки. Нет эпидемий отравления беленой или белладонной. Да и вообще слов, конкретизирующих источник отравления, подобно специальному названию «эрготизм», не так уж много. Существует, например, термин «меркуризм» (отравление ртутью), но нет эпидемий меркуризма, хотя гибли от ртути не так уж редко — от золотильщиков купола Исаакиевского собора и «золотых ворот» церквей до «сумасшедших шляпников», нашедших отражение даже в «Приключениях Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Нет «свинцовых эпидемий», хотя такое название и использовали газетчики в 30-е годы в Берлине, когда там отравились свинцом 850 человек. Все это несравнимо со спорыньей, которая приходила с хлебом, ежедневной пищей, калеча людей, принося с собой смерть и безумие в течение многих столетий. Аналогов у нее просто нет. Поэтому вспышки эрготизма называют эпидемиями — давнее спонтанное исключение из правила, иногда применяемое еще к авитаминозам — пеллагре, цинге и пр.

Врач Максудов, исследующий в 1927 году уральскую эпидемию, назвал свою работу «Токсидемия...», исходя именно из таких оснований: «Для обозначения массовых случаев отравления спорыньей в литературе до сих пор употребляется термин „эпидемия“. Так как термин этот, в виду отсутствия в данном случае инфекционного начала, не вполне здесь подходит, то мы и сочли более правильным употребить слово „токсидемия“, желая этим обозначить массовый характер заболевания и токсическое его происхождение»⁷. Проф.

⁷ Максудов Г. А. Токсидемия рафании (эрготизма) в Уральской области в 1926—27 г. // Казанский медицинский журнал № 11, ноябрь. Казань, 1927, 1151—1165, прим. 1.

Выясновский, изучающий последствия этой эпидемии восемь лет спустя, также использует обозначение «токсидемия». Но не прижилось, так в литературе отравления спорыньей эпидемиями по-старому и называют.

Большинство же так называемых «психических эпидемий», столь хорошо известных нам по средневековью — бесоудержимость монашеских, ликантропия, страх уменьшения члена, боязнь узелков, пляски Витта, тарантизм, ужас перед вампирами, оборотнями и пр. — результат воздействия все той же спорыньи. Надо заметить, что этот момент еще плохо осознается многими историками. Как отмечает ботаник Торбьорн Альм, показавший связь эрготизма и процессов над ведьмами в Норвегии, до сих пор такие аргументы звучат более убедительно «для ученых, специализирующихся в естественных, а не в социальных науках, с заметным исключением только в виде работы Матосян»⁸. То есть по отдельным моментам связь событий с отравлением спорыньей некоторые авторы прослеживают, но общую картину обозначают редко. Поэтому, например, нижеследующую цитату, действительно, пока легче увидеть не в исторической работе, а в справочнике по промышленной микологии:

Современные механизированные процессы могут значительно уменьшить загрязнение зерна спорыньей, но в течение Средневековья эрготизм был так широко распространен, что главные исторические события, как предполагают, связаны с загрязненной хлебной мукой. К ним относятся частые охоты на ведьм в Европе и в американской колонии Массачусетс, «великий страх» перед Французской революцией и первый крестовый поход. Исторические отчеты предполагают частые драматические эпизоды массового отравления спорыньей в средневековой Европе⁹.

Тем не менее, хотя книга Матосян до сих пор является единственной объемной работой по этому вопросу, некоторые специалисты по культурной антропологии стоят на сходных позициях. Характерен,

⁸ The Witch Trials of Finnmark, Northern Norway, during the 17th Century: Evidence for Ergotism as a Contributing Factor. / Torbjorn Alm Department of botany, Tromso museum, University of Tromso, N-9037 Volume 57, Issue 3 (September 2003) // *Economic Botany*, Article: pp. 403–416.

⁹ An Z. Handbook of industrial mycology. Volume 22 of Mycology series, Lemke, Paul A. CRC Press, 2005. p. 437.

например, взгляд профессора Хомаюна Сидки из университета Майами, который в своем исследовании о колдовстве и ликантропии склоняется к тому, что литература по охоте на ведьм точна, а увлечение последних десятилетий ментализмом чрезмерно. Он ищет физические феномены (наркотики, болезни и т. д.), которые могут объяснить верования в колдовство и приходит к выводу, что физические причины «реальны» и «научны», а психологические и культурные — нет¹⁰.

Крупные эпидемии эрготизма были обычным делом в Европе в средние века. Смертность бывала меньшей, чем при эпидемиях чумы, но размах поражения ареалов соответствовал. «Иногда смертельная гангренозная болезнь, известная как эрготизм и возникающая в результате пищевого отравления хлебом, испеченным из зерна со спорыньей, охватывала большие районы континента, подобно посещению чумы»¹¹. В некоторых из известных эпидемий смертность от эрготизма, тем не менее, была столь же глобальной: «В прошлом отравления спорыньей по причине загрязненности муки наблюдались довольно часто и носили характер эпидемий. Во время сильных вспышек число жертв приближалось к количеству жертв во время чумы и холеры»¹². То есть в этих случаях потребление спорыньи превышало смертельную дозу для данного урожая (количество алкалоидов в спорынье непостоянно, меняется от почти полного отсутствия до 2%; приблизительная минимальная смертельная доза 5–10 грамм рожков при высоком количестве алкалоидов). Среднюю смертность можно условно принять около 20%, Баргер описывает ряд эпидемий со смертностью до 60%¹³.

Еще с XIX века появлялись различные теории о синергизме болезней. Например, была высказана мысль, что бациллы чумы легче поражали ослабленное эрготизмом население. Последнее время и трактовка Броделя о вине именно черных крыс в распространении «черной смерти» представляется все более сомнительной, поскольку

¹⁰ Sidky H. Witchcraft, Lycanthropy, Drugs and Disease: An Anthropological Study of the European Witch-Hunts. 1997.

¹¹ Grieve M. A Modern Herbal. London, 1931.

¹² Спорынья (маточные рожки) — Аналитический обзор. Р. В. Куцук, Б. М. Зузук. Ивано-Франковская государственная медицинская академия. // Провизор, 2002, № 12.

¹³ Barger, George. Ergot and Ergotism: A Monograph. London: Gurney and Jackson, 1931. p. 39.

путь чумы плохо совпадает с их передвижением, а серые крысы, как выясняется, подвержены ей не меньше. Чем же в действительности была эта «черная смерть»? Не наложились ли действие чумной бактерии на ослабленную постоянными эпидемиями эрготизма иммунную систему, как давно уже полагали некоторые ученые? Но мы сейчас не будем углубляться в достаточно спорную этиологию этого черного мора, а посмотрим на общепризнанные эпидемии эрготизма. С 837 по 1347 годы в центральной Европе зафиксировано примерно 50 эпидемий. То есть раз в восемь лет. «Подсчитано, что приблизительно 132 вспышки эрготизма произошли в Европе до 1789 года (Dotz, 1980; Haller, 1981)»¹⁴. Профессор Клайд Кристенсен утверждал: «с 900 года, когда ведение хроник стало обычным во многих областях Франции и Германии, до приблизительно 1300 года, серьезные эпидемии эрготизма, охватывающие большие области, фиксировались каждые пять — десять лет, а меньшие эпидемии, вероятно, возникали в различных местах каждый год»¹⁵.

Нет сомнений, что в реальности эпидемии происходили значительно чаще, чем мы можем судить по хроникам. Ибо мы не знаем, сколько еще свидетельств до нас просто не дошло. Сколько хроник сгорело в пожарах и пропало в нескончаемых войнах. К тому же значительная часть «моров» или «чумы» вообще не идентифицирована, как в Европе, так и в России. Так же ясно, что «зафиксированные эпидемии» — это те, от которых массово гибло население, а симптомы соответствовали «огню св. Антония» или «злой корче». Например, тарантелла не общепризнана однозначно как эпидемия эрготизма, несмотря на смертность. Даже о плясках Витта идут споры. И если люди в основном просто бредили и галлюцинировали, а умирали мало (доза алкалоидов спорыньи была меньше смертельной, а их состав располагал к психозам и галлюцинациям), то это вообще никто не записывал в эпидемии. Ведь наблюдались лишь божественные видения и дьявольские наваждения. Никто не считал «искушение бесами» следствием заболевания. Антонов огонь, как физическая болезнь — это одно, а воспетая в христианских преданиях борьба св. Антония с чужающимися ему демонами — совсем другое.

¹⁴ Finger, Stanley. *Origins of Neuroscience: A History of Explorations Into Brain Function* Oxford University Press US, 2001, p. 220.

¹⁵ Christensen C. M. *Molds, mushrooms, and mycotoxins*. University of Minnesota Press, 1975. p. 44.

Хотя связь священного огня с «одержимостью» и видениями бесов прозрачна — мало сомнений в том, что именно поэтому огнем св. Антония заболевание и назвали, памятуя знаменитые видения святого, — но скорее в том смысле, что болезнь — это одно из средств искушения, ее бесы с помощью ведьм и насылают. А сами видения демонов для средневекового человека — ожидаемая и подогреваемая проповедями реальность. Бесы приходили к святому Антонию, бесы могли прийти и к ним.

Сомнительны и столетние перерывы между эпидемиями в Европе. Это значит только, что данные не сохранились или мор, упоминаемый в летописях, описан так невнятно, что его трудно классифицировать. Хотя иногда между эпидемиями длительные перерывы, похоже, случались. Например, во Франции, согласно описанию М. Феррьер, эрготизм возобновился в 1638 году «после долгого затишья», на время которого монахи ордена св. Антония даже закрывали свои больницы. Впрочем, затишье было не таким уж и долгим, ибо, когда эпидемии возобновились, «коллективная память о болезни оставалась достаточно яркой, чтобы сразу распознать неконвульсивную форму огня святого Антония»¹⁶.

Заражение полей спорыньей в средние века нередко становилось глобальным. Профессор Джордж Худлер, специалист по патологии растений, пишет: «фактически, средневековые хроники показывают, что в годы, когда погодные условия для спорыньи были особенно благоприятными, 30 процентов собранного зерна были, скорее, вообще не зерном, а склероциями спорыньи»¹⁷. Кристенсен замечает, что «в течение некоторых из европейских вспышек эрготизма люди потребляли в 20—150 раз больше спорыньи, чем это допускается для корма скота в Канаде»¹⁸. В эпидемию 1754 во Франции «спорынья была настолько в изобилии, что составляла треть всей ржи»¹⁹. Баргер указывает: «часто три четверти зерна состояли из спорыньи и других примесей»²⁰.

¹⁶ Ferrières, 2005, p. 135.

¹⁷ Hudler G. W. *Magical Mushrooms, Mischievous Molds*. Princeton University Press, 2000. p. 71.

¹⁸ Christensen, 1975, p. 44.

¹⁹ Report of the Secretary of Agriculture // United States. Dept. of Agriculture. Govt. Print. Off., 1884. p. 246, pp. An. Pl. I, n. 384.

²⁰ Barger, 1931, p. 28.

Данные по XVI — XIX векам можно увидеть в обычном словаре Брокгауза: «По Гиршу, в Европе с 1581 по 1879 гг. были 62 эпидемии»²¹ (см. табл. Гирша²²). Бове упоминает 65 эпидемий конвульсивного эрготизма между 1581 и 1889 гг.²³ То есть примерно раз в 5 лет. XVI и XVII века озаменовались особо массовыми эпидемиями эрготизма по всей Европе. «Гангрена свирепствовала в течение двух столетий и была особенно страшна в течение „тех бурь голода“, по выражению епископа Эспри Флешье, которые разорили Францию Людовика XIV. За пределами Франции признаки эпидемии наблюдались по всей империи: ею был затронут Эльзас, и Англия в 1661 году, и Швеция»²⁴. Поэтому массовые психозы, сожжения ведьм, появление вампиров и оборотней в это время удивления не вызывают.

Ситуация сильно усугублялась тем, что крестьяне и в Европе, и в России никак не хотели верить во вред спорыньи. Ученые обращали на это внимание еще с XVIII века, но изменить ситуацию не могли. О том же пишет в XX веке и Выясновский:

Условия возникновения эрготизма в средние века, а также в Царской России постоянно были связаны с двумя факторами: обилием маточных рожков во ржи при слабых возможностях их отделения (мелкое зерно) и бедностью населения, не имеющего запасов чистого хлеба. В большинстве случаев оба эти сами по себе уже весьма значительных фактора отягощались невежественностью и темнотой населения, весьма скептически относившегося к указаниям о вредности засоренного спорыньей хлеба. В силу этого, при всех массовых токсидемиях, несмотря на проявления болезни, население всегда более или менее длительный промежуток времени фактически продолжало употреблять хлеб с примесью спорыньи²⁵.

²¹ Блауберг, Магнус. Спорынья / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, том XXXI. С.-Петербург, 1900.

²² Hirsch A. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie, 3 Vols., 1881–1886, pp. 204–211.

²³ Bové, Frank James. The story of ergot: For physicians, pharmacists, nurses, biochemists, biologists and others interested in the life sciences. S. Karger, 1970. p. 156.

²⁴ Ferrières, 2005, pp. 135–136.

²⁵ Выясновский, 1937, С. 17.

В России эпидемии широко распространились позже, чем в Европе (рожь стали широко возделывать не ранее XI—XII вв.), но когда именно они начались, никто не знает (можно без особых натяжек предположить, что сразу и начались). С исследованием описаний эпидемий в русских летописях дела обстояли хуже, чем в Европе, живое подтверждение чему — статья энциклопедического словаря Брокгауза, согласно которой первая эпидемия в России случилась только в 1710 году. Можем мы в это поверить? Конечно, нет. И будем правы. Первые попытки идентифицировать описания эпидемий в русских летописях были предприняты в конце XIX века, но составители словаря их не заметили. Еще Эккерман в своей диссертации от 1884 года настаивал на связи странной эпидемии, разразившейся сперва в Полоцке в 1092 году, а затем в Киеве, с огнем св. Антония, бушевавшим тогда в Европе.

Въ различныхъ странахъ Западной Европы сильныя засухи смѣнялись наводненіями, жары — холодами, появлялись тучи, неизвѣстныхъ до сихъ поръ, насѣкомыхъ, птицы и даже домашнія куры, утки и гуси улетали изъ населѣнныхъ мѣстъ и въ 1087 г. особая болѣзнь — *sua quadam peste* — распространилась и между людьми. Болѣзнь эта, называемая современниками „святымъ огнемъ“ — *ignis sacer* — характеризовалась двумя исходами: или больные страдали отъ сильныхъ судорогъ, соединенныхъ иногда съ соннамбулизмомъ или же различныя мѣста на тѣлѣ воспалялись, причемъ больные или умирали или оставались живыми съ потерей различныхъ членовъ. Эта болѣзнь распространялась по Италіи, Франціи, Испаніи и Германіи, гдѣ наибольшаго напряженія она достигла около 1094 года. Въ одномъ Регенсбургѣ въ это время, въ продолженіи 3 мѣсяцевъ умерло 8500 человекъ²⁶.

Эккерман пишет: «Сильная смертность въ Кіевѣ, очевидно находилась въ тѣсной связи съ эпидеміей въ Полоцкой области, а послѣдней едва ли мы можемъ приписать самостоятельное происхожденіе и отдѣлить отъ господствовавшихъ одновременно повальныхъ болѣзней въ западной Европѣ. Здѣсь является только вопросъ: какого рода были эти болѣзни? Современники называютъ болѣзнь „*ignis sacer*“, „*das heilige Feuer*“, *le feu sacré*, ou *le feu*

²⁶ Эккерманъ В. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи (Исторія эпидемій X—XVIII вв.). Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1884. С. 3.

de St. Antoine — антоновъ огонь или гангрена нашего времени»²⁷. Согласно же Лаврентьевской летописи, в Полоцке в 1092 году произошло «предивно» — всю область наводнили страшные невидимые ночные бесы, и умирал, поражаемый болезнью («отъ бѣсовъ язвою»), всякий любопытный, кто выходил из дома посмотреть на них. Потом бесы стали появляться и днем, и хотя их все равно никто не видел, «но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область»²⁸. Затем в небе появилось знамение — «яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ»²⁹ (галлюцинация или октябрьское затмение — неясно). В Европе же тем временем готовились к безумным крестовым походам, наблюдая в небе еще более дивные картины. Сейчас об этом «совпадении» совершенно забыли даже историки медицины.

При этом, что характерно, сам Эккерман в вине именно спорыньи в «священном огне» несколько сомневался, что и указал в примечаниях: «Предположеніѣ, что „*ignis sacer*“ вызывалось отравленіемъ *secale cornutum* едвали вполнѣ неоспоримо. Если бы это было дѣйствительно такъ, то повсемѣстное появленія спорыньи объяснило бы тогда распространеніѣ эпидѣміи»³⁰. А такое универсальное объяснение ему, похоже, казалось слишком смелым.

Более того, он даже хорошо известную на сегодня эпидемию эрготизма 1408 года, описанную в Троицкой летописи, считал чумой, несмотря на то, что «лѣтописецъ и не упоминаетъ о характеристическомъ ея признакѣ, въ это время, бубонахъ» и зная ее название «коркота»³¹.

«Что понимаетъ лѣтописецъ под „моромъ коркотою“, сказать трудно», — считал Эккерман³². Однако, как будет видно из следующей главы, здесь Эккерман недоглядел — вовсе не так трудно выяснить, что летописцы понимали под «коркотой» или «коркотной болезнью», хотя данные по эпидемиям эрготизма в России не систематизированы и сегодня.

²⁷ Ibid., 4.

²⁸ Ibid., 3—4.

²⁹ Лѣтопись преподобнаго Нестора по Лаврентьевскому списку с приложеніемъ словаря древнихъ русскихъ словъ. Тип. Л. И. Степановой, 1864. С. 121.

³⁰ Ibid., 4.

³¹ Ibid., 28.

³² Ibid., 28.

Глава 9

Крокодилы и воз палок

Рожь, попорченная спорыньей, — больная рожь. Деревня, питающаяся такой рожью, заболевает поголовно — почти поголовно.

Борис Леонидович Пастернак, 1916

«Въ Россіи первая эпидемія „злой корчи“ была въ Прибалтійскомъ краѣ въ 1710 г. Слѣдующая въ 1722 г. въ Москвѣ и Нижегородской губ.: она преимущественно свирѣпствовала между крестьянами и возвратившимися изъ Персіи войсками. Изучалъ болѣзнь врачъ Gottlieb Schober, по повелѣнію Петра Вел.»¹, — вот все, что сообщает нам энциклопедия Брокгауза (1900 г.) о российских эпидемиях эрготизма до XIX века. Разумно ли считать, что в XVIII веке эпидемий произошло всего три, а за предыдущие столетия, когда о вреде спорыньи даже не знали, эпидемий вообще не было? Нет, даже в середине XIX века «Энциклопедический словарь» уже предполагал: «Въ числѣ многочисленныхъ эпидемій, господствовавшихъ въ древней Россіи, преимущественно въ голодные годы, и описываемыхъ лѣтописями подъ общими названіями мора, чумы и т. д. вѣроятно были и эпидеміи эрготизма»².

Известный знаток истории медицины, земский врач Нежинского уезда С. Г. Ковнер еще в конце XIX века указывал на более ранние

¹ Блаубергъ, М. Спорынья (Токсикологія С.) / Энциклопедическій словарь, том XXXI, ч. 1. С. Петербургъ: Ф. А. Брокгаузъ, И. А. Ефронъ, 1900. С. 302.

² Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами, Т. 4. Санктпетербургъ: в типографіи И. И. Глазунова и Комп., 1862. С. 574.

упоминания эпидемий эрготизма в летописях. Но на это не сразу обратили внимание. «В России с 1710 г. до 1909 г. зарегистрировано 24 крупных эпидемии эрготизма»³ — утверждала Большая медицинская энциклопедия в 1936 году, молчаливо соглашаясь таким образом с 1710 годом (к слову, десятью годами раньше психиатр Осипов оценивал число эпидемий свыше 50⁴). Только в следующем 1937 году проф. Выясновский наконец напишет: «Первые сведения об эрготизме в России относятся к 1408 году, что отмечено, по свидетельству Ковнера, в Троицкой летописи»⁵. Действительно, описание мора в Троицкой летописи сомнений в эрготизме не вызывает, как и в его распространенности:

Того же лѣта (1408) бысть моръ на люди по многимъ странамъ, а болѣсть такова: первое разболится человѣкъ, и руцѣ и нозѣ прикорчить, и шею скривить, и зубы скрегчить, и кости хрястять, и съставы въ немъ трескотаху; кричить, вопить; у иныхъ же и мысль измѣнится, и умъ отыметъ; иные одинъ день поболѣвше умираху, а иные полтора дни, а иные два дни; а иныхъ Богъ миловаше: поболѣвше 3 дни или 4, и паки здрави бываху. Сею же болѣстью умирали во волостехъ во Ржевскихъ, Волотѣвскихъ, Можамскихъ, Дмитревскихъ, Звенигородскихъ, Перяславскихъ, Володимерскихъ, Рязанскихъ, Торускихъ, Юрьевскихъ, есть же индѣ и по Московскимъ волостемъ⁶.

Но эпидемии были и раньше, и позже. Кроме многочисленных невятно описанных «морových язв», которые трудно или просто невозможно идентифицировать, в летописях регулярно упоминаются эпидемии «злой корчи» под старыми, ныне практически позабытыми названиями. Хотя в XIX веке о них еще помнили. В 1842 году Шимкевич отмечал в своем «Корнеслове русского языка», что «Встарину вмѣсто корчъ писали коркота (Арханг. Лѣт 100) и коркотная болѣзнь

³ Большая медицинская энциклопедия. Том 35. М.: ОГИЗ РСФСР, 1936. С. 299–300.

⁴ Осипов В. П. Частное учение о душевных болезнях. — М.—Л.: ГИЗ, 1926. С. 61–74.

⁵ Выясновский А. Ю. Эрготизм. Классификация форм, клиника и патологическая анатомия хронического эрготизма. Пермь: Издание Психоневрологического института, 1937. С. 6.

⁶ Карамзинъ Н. М. Примѣчанія къ исторіи государства российскаго. Т. 4—6 / Изд. А. Смирдина. С. Петербургъ, 1852. С. 144.

(ИГР V, пр. 222)»⁷. Это же можно прочесть и просто в словаре у Даля: «корчи — мн. корчъ ж. болезнь судороги, спазмы, корча, встарь коркота». «Коркоты» и «коркотная болезнь» (у чувашей — «коркотка»), которыми полны летописи и жития — это те самые «злые корчи» от спорыньи. Но ясно стало это лишь позже, хотя все симптомы эрготизма были уже давно известны. Только в середине прошлого века эпидемиолог и историк медицины профессор Богоявленский укажет, что под коркотной болезнью «теперь следует видеть не что иное, как судорожную форму эрготизма, появлявшегося после длительного употребления хлеба, зараженного спорыньей»⁸.

Более ранние отождествления, если такие и были, широко известны не стали. Хотя, казалось бы, и так понятно, о чем речь, когда мы читаем в Устюжской или других летописях: «И бысть на нихъ гнѣвъ Божій и Пречистые Его Матери, и бысть на нихъ на пути коркота, начало имъ корчити руки и ноги, хребты имъ ломати, и мало ихъ придоша въ Новгородъ, и тамъ на нихъ слѣпота бысть»⁹.

Часто встречающееся в житиях и летописях название «корчета», или «корчетная немощь» — это опять те же самые «злые корчи», что видно из описаний пандемии эрготизма в 1408—1409 годах. В Троицкой летописи под 1408 годом слов «коркота» и «корчета» не упоминается, но они есть в других описаниях этих событий. Об этой же эпидемии (уже со словом «корчета») можно прочесть, например, в сборнике житий вологодских святых: «В Ж. нашли отражение многие события русской истории XIV—XVII вв.: победа Дмитрия Донского на Куликовом поле, болезнь „корчета“, распространившаяся на огромном пространстве от Москвы до Вологды (1409 г.)»¹⁰. «Русский времянник» сообщает об этой эпидемии более подробно: «Въ лето 6917 поущшу Богу за грѣхи наша приде на люди люто умертвѣе корчета во властѣхъ Владимерскихъ и Юрьевскихъ и Дмитровскихъ и Можайскихъ и Ржевскихъ и Рязанскихъ

⁷ Шимкевичъ Ѳ. С. Корнесловъ русскаго языка. Т. 1—2. С. Петербургъ: В типографіи Императорской академіи наук, 1842. С. 113.

⁸ Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в 11—17 вв. М.: Медгиз, 1960. С. 178.

⁹ Соловьевъ С. М. Исторія Россіи с древнѣйшихъ временъ. Т. 4. М.: В Унив. тип. В. Грачева, 1871. С. 391.

¹⁰ Лихачев Д. С. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1: А—К. Институт русской литературы (Пушкинский дом), Л.: Наука, 1987. С. 261.

и Торусскихъ мало же и въ Московскихъ даже и до Вологды»¹¹. А в других источниках та же эпидемия называется коркотой: «интересно отметить еще слово коркоты, употреблявшееся как название болезни: Того же лета моръ бысть на люди по многим сторонам коркотами в волостех Ржевских, Можанских... было же инде и в Московских волостех (237 под 1408 г.)»¹². Еще одно название «злых корчей» — «корчѹга»¹³. Употреблялись иногда и другие названия: «коркуша», «корчая», «скорчая»¹⁴. Михаил Чулков в «Сельском лечебнике» 1789 года называет болезнь «дергота» или «хлѣбренная Цирерина». Чулков приводит подробное описание симптомов отравления и склоняется к тому, что виновны рожки и незрелая рожь, хотя достоверно этого еще не знает. Судороги — это «хлѣбренное коверканіе», от которого в эпидемию в Киеве «иные жизни, иные цѣльныя частей тѣла лишились». Сумасшествие Чулков тоже упоминает¹⁵.

В целом в России все же преобладала конвульсивная форма заболевания. Характерное описание «воза палок», в отличие от «хвороста конечностей» в Европе, приведено в житиях преподобного Дмитрия Прилуцкого, одним из древнейших памятников вологодской агиографии:

В 1409 году в Вологодских пределах появилась повальная болезнь, «корчета», очевидно, так названная потому, что она сопровождалась сильными корчами: в руки больных, чтобы они не поранили ладони ногтями, принуждены были даже вкладывать палки. Многих, страдавших этим мучительным и ужасным недугом, приводили ко гробу преподобного Дмитрия. Здесь они, валяясь в муках корчей и каясь во грехах, просили угодника Божия об исцелении, и, по молитвам преподобного, болезнь оставляла тех из них, которые с сильной верою и крепкою надеждою прикасались к его гробу. Такие исцеленные, с радостью повергнуши палки у гроба чудотворца, возвращались

¹¹ Рускій времянникъ, Т. 1. М., 1820. С. 269.

¹² Ларин Б. А. Начальный этап формирования русского национального языка. Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, 1961. С. 61.

¹³ Словарь русскаго языка. Томъ 10. Санктпетербургъ: Типографія императорской Академіи Наукъ, 1913. С. 2277.

¹⁴ Афанасьев А. Поэтическія возрѣнія славянъ на природу. Т. 3. 1869. С. 87

¹⁵ Чулковъ М. Д. Сельскій лечебникъ, или Словарь врачеванія болѣзней. М.: Тип. Пономарева, 1789. С. 629—632.

домой, славя Бога и преподобного Димитрия. Когда, по прекращении болезни, братия вынесли из храма оставленные в нем больными палки, то последних оказалось более воза¹⁶.

Это «исцеление» считается основным посмертным чудом святого и носит название «Чудо о болезни корчете». Жития святого переиздаются почти каждый год Спасо-Прилуцким монастырем и различными другими издательствами, но в примечаниях этиология болезни никогда правильно не указывается. Много упоминаний о коркоте-корчете и в последующие годы, например: «В лето 6928 месяца сентября 8 почала быти болезнь коркотная и мор велик, а начася на Успение св. богородицы на Костроме...»¹⁷. На следующий 6929 (1421) год в нескольких летописях — то же самое: «быти болезнь коркотная и на зиму гладь бысть» (Ростов. Лет), «поча быти болезнь коркотная» (Софий. II Лет). В сентябре 6930 (1422) «началась быти болезнь коркотная в людехъ» (Рус. Лет по Никонову списку). При этом, впрочем, возможно, что иногда события соседних лет в разных летописях идентичны, но имеют разные даты из-за применения мартовского, ультрамартовского или сентябрьского стиля в различных областях.

Устюжский же летописец отсылает нас в более ранние годы: «В лето 6906-го (1398)... И нача емих коробити их и руки и ноги корчитися и в хрептах ломота великая, и мало здравых во град внидоша, и паки многи слепотою мучащася» (На полях к строке приписано другим почерком и другими чернилами: «на пути коркота корчит»). И только позже «по совершении молитвы абие преста язва коркотная и ломотость хребетная»¹⁸.

Вымирили целыми поселениями и раньше: «Открытый в ходе исследований древнейший слой принадлежал древнерусскому поселению, возникшему в XII в. и запустевшему в XIV в. Очевидно, причиной его гибели явилась «корчетная» болезнь, упоминаемая в жалованной грамоте 1551 г.»¹⁹. В этой жалованной грамоте 1551 года «находим прямое указание на то, что некогда располагавшийся

¹⁶ Карпов А. Избранные жития русских святых X–XV вв. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 277.

¹⁷ Записки отдела рукописей, том 25. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1962. С. 243.

¹⁸ Непогодьева А. Н. Летописец города Устюга Великого Петра Юринского // Быть на Устюзе: историко-краеведческий сборник. Центр краеведческих исследований ПАВА. Вологда: «ЛиС», 1993. С. 60–75.

¹⁹ Приглашение к истории: сборник статей / Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. М.: 2003. С. 105, 114.

на Великом погосте Троицкий монастырь-пустынь пребывал в запустении „от мору от корчеты“»²⁰, то есть болезнь не обходила стороной и монашеские обитатели.

«Никитинская беда» известна из «Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря»: «И попусти Бог князю Никите: прииде на его землю болезнь коркотная и изомроша вси, и погибе град Хлынов». Хотя «Летописец», возможно, ошибается, помещая это событие под 6880 (1372) годом, что зависит от того, был ли Хлынов тогда Вяткой (ныне Киров), или было две различных эпидемии (но это уже за рамками данного поверхностного обзора).

В свидетельствах чудодейственной силы иконы Троицы, записываемых с 1638 года, упоминается все та же коркота: «В основной своей массе «чудеса» рассказывают о случаях исцеления от различных болезней (глаз, горла, «коркоты», «расслабления», бесноватости и др.»²¹. И это обычное дело, как отмечал проф. Богоявленский: «Описаниями этой болезни [коркотной] буквально пестрят все страницы „житий“ из Вологды, Углича, Белозерска, Ярославля, Костромы и „Соловецкого патерика“. Из этих описаний видно, что болезнью поражались почти исключительно низшие классы населения, крестьяне, ремесленники, казаки»²².

Заболевание наглядно отразилось в названиях многих сел и деревень. По всей России и Украине были, а некоторые дожили и до наших дней, села и деревни Большие Корчеты, Коркоты, Корчуганы, Малые Корчи, Коркодины и т. д. И нет, к «корчеванию», как иногда думают, такие названия обычно отношения не имеют, это лишь поздний эвфемизм. Вот, для примера, описание деревни Большая Корча (Корчинская) на юго-востоке Кировской области (ранее — в Вятской губернии; деревня Малая Корча там тоже есть неподалеку):

Деревня располагалась среди дремучих лесов в красивом уютном местечке у ключа, окруженного липами. И называлась первоначально Талый Ключ, как рассказывают старожилы. Название деревни связано с какой-то эпидемией, в результате которой умерло много жителей. Люди говорили: «Пришла злая корча»²³.

²⁰ Русский дипломатарий / Ред. А. В. Антонов. М.: Археографический центр, 1997. Т. 6. С. 149.

²¹ Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII веков: историко-литературный аспект. Сыктывкарский университет, 1995. С. 108.

²² Богоявленский, 1960, 178.

²³ Унинский районный архив ф. 21, оп. 1, д. 356, л. 62.

Иногда такие названия деревень, сел и рек вторичны и образовались не по факту эпидемии непосредственно, а от фамилий владельцев этих мест. Далее же эти фамилии преобразовывались в народном языке совсем своеобразно. Например, известный картограф Борзов, занимающийся геоморфологической съемкой территории СССР, упоминал «возвышенность, на которой раскинулось село Спас Коркодин (на картах ошибочно именуемое Спас Крокодильный)»²⁴. Действительно, было такое село в Клинском уезде. В XIX веке московский губернский агроном Бажаев писал о любимом крестьянами плуге и сетовал, что «Спасо-крокодильный кузнецъ на продажу этихъ плуговъ не производить»²⁵. И это село Спасъ-Крокодильный есть даже на Военно-топографической карте Московской губернии Ф. Ф. Шуберта от 1860 года. Откуда взялось такое название?

Старинное село Спас-Коркодино, расположенное на правом берегу реки Лутосни (недалеко от города Клин в Московской области), называлось изначально Спасское. А в конце XVII века село перешло в приданое к сестре владельца, вышедшей замуж за князя Федора Михайловича Коркодинова. При нем село стало называться Спас-Коркодино. Далее уже название постепенно преобразовалось в Спас-Крокодим, Спас-Кородил (Крокодильное), Спас-Крокодильный. Сейчас это снова деревня Спас-Коркодино.

И не случайно в примечаниях к Московскому летописцу фамилия Каркадилов переадресуется на «см. Коркодинов»²⁶. Такая замена в языке не редкость. Происхождение же фамилии Коркодинов поясняет классик российской и советской ономастики Александра Суперанская:

«Фамилия Каркадинов/Коркодинов известна на Руси с XV века. В основе ее лежит слово коркота — корчи, судороги, спазмы. Второе значение этого слова — бранное: карга. В фамилии два суффикса: -ин и -ов, то есть словообразование шло так: прозвище Коркота — Коркотин/Коркодин — Коркотинов/Коркодинов и с заменой о на а — Каркадинов. Первым исторически

²⁴ Борзов А. А. Географические работы. Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1951. С. 144.

²⁵ Бажаев В. Г. Очерки крестьянского сельского хозяйства и сельскохозяйственных земских мѣропріятій в Московской губерніи. М.: Тип. Разсвѣт, 1892. С. 87

²⁶ Указатель имен / Полное собрание русских летописей, т. 34. М., 1978. С. 281.

засвидетельствованным носителем этого прозвища (или «языческого» имени) был князь Юрий Иванович Жижемский. От него пошли князья Коркодиновы»²⁷.

Суперанская не уточняет причину изначального прозвища князя «Коркота» — вполне, впрочем, прозрачную в свете массовых эпидемий этой «коркоты». Но зато выстроенный ею ряд выводит нас и к вопросу происхождения других «крокодилов» — к разгадке старой «тайны» Псковской летописи, столь возбудившей в 80-х годах прошлого века академика Б. А. Рыбакова, что он на полном серьезе рассуждал о «реальном нашествии речных ящеров» и о поклонении древних славян ящерам-крокодилам²⁸. Странная запись Псковской летописи под 1582 годом гласит:

Тогожъ лѣта изыдоша коркодили лютии звѣри изъ рѣки, и путь затвориша, людей много поядоша; и ужасошася людѣ, и молиши Бога по всей земли, и паки спряташася, а нини избиша²⁹.

Эту загадку с крокодилами разгадывают давно. В рациональном XIX веке обычно приходили к тому, что летописец просто наслушался сказок. Историк искусства Д. А. Ровинский ошибочно решил, исходя из летописи, что «крокодилами назывались въ старину вообще дикіе звѣри»³⁰. Но сейчас, в более мистические времена, последователи Рыбакова о вышеописанном Спас-Крокодильном тоже вспомнили, и это убедило их окончательно. Все бросились искать крокодилов по псковским и новгородским лесам и болотам. К поискам таинственных ящеров подключились и международные организации криптозоологов. Объект их поисков — таинственный *Pskov Crocodile* — давно присутствует в книгах по криптозоологии, причем с подробным описанием: «поведение: агрессивное; распространение: река Великая...»³¹.

Увы, в летописи описан не «Бог-коркодел» и даже не зверь, а всего лишь та же коркота. Люди, скорее всего, пострадали от «лютой коркотины-коркодины», но не от мифических крокодилов. «Поядоша» — это совсем не обязательно «съели»: к примеру, фраза в богослужебном псалтыре «Посла на ня песия мухи и поядоша я...» значит «Послал на них песьих мух, и жалили их...». Вероятно, переписчик (упоминание

²⁷ Суперанская А. В. Происхождение фамилий // Наука и жизнь, 2000, №10. С. 67.

²⁸ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1987. С. 281.

²⁹ Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ. М.: Въ Унив. Тип., 1837. С. 212.

³⁰ Ровинский Д. Народныя картинки. Книга IV. С. Петербургъ, 1881. С. 158.

³¹ Eberhart G. M. Mysterious Creatures: A Guide to Cryptozoology, v. 1, 2002. p. 443.

о «коркодилах» содержится в Архивском 2-м списке, писанном разными почерками середины XVII века), не понимая уже значения слова «коркоты» (коркота, коркота, коркодия), вписал свое пояснение: «звѣрии изъ рѣки» и создал впечатление, что путь был перекрыт несметными стаями крокодилов, а не разливом самой реки, например (если таковая вообще существовала). По крайней мере, «коркодили» могли быть ему знакомы — переписчик мог знать, например, описания подвигов святого Иеремии, мощи которого после смерти пророка уничтожали крокодилов: «и погибѣ отъ земли тоя родъ змиевъ и аспидескъ, а отъ рѣкъ коркодили»³², или что-то подобное. В любом случае, получилась схожая этимология преобразования непонятного значения, как от села Спас-Коркодино до Спас-Крокодильного.

В целом же опять повторилась ситуация с «невидимыми бесами» в Полоцке — идущая в Европе эпидемия распространяется на восток. Не случайно «крокодили» нападают именно в 1582 году: эпидемия эрготизма в 1581 году началась в Германии³³. И не зря сообщение о «крокодилах» относят к августу³⁴. Так, похоже, спорынья вызвала к жизни «русских крокодилов» и нашла чем занять криптозоологов столетия спустя после вызванной ей эпидемии «коркоты».

Возможно, отголоски перехода «коркоты» в образ «коркодила» отражены на известном лубке середины XVIII века «Драка Бабы Яги с крокодилом» (коркодилом, каркаладилом). Сюжет отсутствует в записях сказок, не известен он и фольклористам, что дало повод для множества домыслов. Ровинский увидел в лубке карикатуру на Петра I и Екатерину, чья драка происходит из-за скляницы вина. Но в ярмарочных картинках метафор значительно меньше, чем казалось представителям образованных классов, проецировавшим свое восприятие на достаточно бесхитростное народное творчество. Кто такая Баба Яга и почему «коркодил» с бородой (sic!) и человеческим лицом больше похож на «демона» с изенхейского алтаря, чем на крокодила? Согласно этимологическому словарю Черных слово «яга» (язя, яза, ѣза) — это «болезнь», «немошь», «страдание», а сам фольклорный персонаж восходит вероятно, к тем «бабам-чародеицам»,

³² Полное собрание русских летописей. Том 22, ч. 2. Хронографъ. 1914. С. 14

³³ Hirsch, August, Handbook Of Geographical And Historical Pathology. London, 1883. p. 206

³⁴ Российская летопись: справочное издание / А. Л. Мясников. СПб.: Александр-принт, 2001. С. 125.

«бабам-ворожеям», с которыми вела ожесточенную борьбу церковь и которые, возможно, «были безобидными старыми женщинами, занимавшимися гл. обр. знахарством»³⁵. «Костяная нога» Бабы Яги может намекать на последствия «коркоты», с которой знахарка и борется (скляница — с «живой водой»?).

Характерно упоминание коркоты в найденной Преображенским народной молитве с заклинанием «об отогнании 12 сестер, дочерей Иродовых», несущих болезни и беды. Это «12 женъ простовласыи, окоянны и видѣнїемъ зело страшныи», и их описание идет по нарастающей: тресея, ледея, ломея, жолтея... Десятая говорит: «мнѣ имя коркота, и та ручны и ножны жилы вмѣсто сорываетъ». Хуже нее только голодея и невея, «болѣе всѣхъ страшная, окоянная и проклятая, сильная и крѣпкая» (обычно в заговорах «корчи» — «коркуша») ³⁶.

Профессор Богоявленский также выявил еще один симптом болезни: «„гаггрена удов“ как результат питания бедного населения зараженным спорыньей хлебом»³⁷. Что может намекнуть нам на возможный физический фактор, давший повод для возникновения сект скопцов. Ибо такая «гаггрена» вполне могла трактоваться духовно согласно святоотеческому наследию: «Посему надобно, чтобы отрѣшеніе себя было забвеніемъ прежняго образа мыслей и отрѣченіемъ отъ навыка, а послушаніе — омертвеніемъ и истлѣнїемъ удовъ, какъ написано, яже на земли (Кол. 3, 5)»³⁸. Уд — член тела, срамной (тайный) уд — половой член, удовольствие — воля уда, то есть телесное наслаждение, страсти, которые надо умертвить, за что и выступает апостол Павел: «умертвите земные члены ваши». Скопцы это трактовали буквально, а если их члены отваливались от сухой гангрены сами собой, то это могло быть воспринято знаком от самого Господа. Скопцы, не имевшие счастья заболеть эрготизмом, кастрировали себя сами. Впрочем, пока это чисто спекулятивное

³⁵ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд, том II. М.: Рус. яз., 1999. С. 465.

³⁶ Пр-ский Н. С. Народныя суевѣрія // Олонецкія губернскія вѣдомости. 1873. № 78. С. 891—892.

³⁷ Мирский М. Медицина России X—XX веков: очерки истории. М.: РОССПЭН, 2005. С. 29. (сам Богоявленский ошибочно приписывал гангрену голове)

³⁸ Творенія святаго Исидора Пелусіота. Часть первая: Письма (1—710). (Творенія святыхъ отцевъ въ рускомъ переводѣ, издаваемыя при Московской Духовной Академіи, Томъ 34.). М.: Въ типографіи В. Готье, 1859. С. 1.

рассуждение — нам лишь известно, что во второй половине XIX века скопцов насчитывалось уже более 6 тысяч. Для них даже был специально изменен чин присоединения к церкви. В отличие от других раскольников, им следовало задавать вопрос: «вѣруеши-ли, яко не тѣлеснымъ отсѣченіемъ удовъ плоти достигается царствіе небесное, но вѣрою во Исуса Христа и духовнымъ умерщвленіемъ тѣхъ удовъ на земле»³⁹.

На возможный интересный исторический аспект эпидемий обратил внимание профессор Юлай Шамильоглу:

Многие ли историки Золотой Орды рассматривали современный Татарстан в качестве одного из регионов мира, наиболее подверженного отравлению спорыньей? Такое отравление возникает из-за грибковых ядов, известных как микотоксины (mycotoxins), ассоциируемых с заплесневевшим зерном (особенно рожью), которое созрело поздно при холодной и влажной погоде. Симптомы различных типов отравлений грибковыми ядами колеблются: от потери пальцев и конечностей; кишечных нарушений; дрожи, спазмов и других проблем, затрагивающих нервную систему; психозов; подавления плодовитости и до широкого круга других устрашающих симптомов... Хотя этот важный для общественного здоровья феномен в России впервые попал в поле зрения только в конце XVIII в., на севере Европы, как явление, он существовал с древнейших времен в связи с холодным климатом и более коротким периодом выращивания. Плесень появляется на зерне в поле, или на траве в степи потому, что более холодное, чем обычно, лето отодвигает уборку на более поздний срок, когда температура становится холоднее, а погодные условия более влажными. Это — результат сезонного или более длительного колебания климатических условий. Однако многие ли ученые принимали во внимание то влияние, которое могли оказывать плохие для роста растений сезоны или климатические спады на территории Золотой Орды?⁴⁰

³⁹ Варадиновъ Н. В. Исторія Министерства внутренних дѣл, кн 8. В Тип. Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1863. С. 243.

⁴⁰ Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. Пер. с англ. Д. М. Исхакова. Казанский государственный университет. Казань, 2002. С. 23–24.

Несмотря на вышеизложенное, ни в России, ни в СССР, никто списков эпидемий эрготизма по русским летописям и агнографической литературе, насколько мне известно, не составлял. Но в последние десятилетия хотя бы понимание этиологии болезни (и этимологии самих названий «корчета» и «коркота») иногда встречается: «Другой вид патологии вызывался употреблением зерна, зараженного спорыньей. В летописях она носит название «коркота», «корча», «корчета», так как при отравлении наблюдались судороги»⁴¹.

Бороться со «злыми корчами» в прошлые века было практически бесполезно. Даже если бы люди знали о вреде спорыньи, то нередко зерна ржи просто невозможно было одним веянием отделить от рожков. Веяние — это бросание против ветра или бросание о стену, рассчитанное на отскок зерна и опадание мякины. При веянии на улице зерно бросали хлебной лопаткой против ветра или высыпали равномерно из ведра. Мякину (шелуху) и более легкую спорынью отнесило ветром в сторону. Лучше всего получалось при хорошем ветре. Это если он есть и не идет дождь.

А. Х. Болотов отмечает громадную трату времени на веяние зерна. Мало того, что надо было выжидать погоду, на четверть зерна (8 пудов) иногда требовалось 4—5 часов работы. При плохом ветре приходилось перевевать 3—4 раза. И. Комов подчеркивал огромную трудоемкость сушки в овинах и молотбы. Однако даже большие затраты труда часто были бессильны сделать зерно более или менее чистым. В тех случаях, когда ветра вовсе не было, лопаты очень плохо помогали делу. Зерно, а потом и мука были полны примесей (спорынья, от которой мука становится «темна и синевата», головня, которая остается в пшенице, костер во ржи и т. д.)⁴².

Но о вреде спорыньи не догадывались очень долго. А потом еще долго в это не верили, ибо спорынья коварна — она практически всегда присутствовала в урожае, но сильно ядовита была не всегда, что заставляло крестьян как в Европе, так и в России сомневаться в ее ответственности за огонь св. Антония и «злые корчи».

⁴¹ Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия // Н. А. Макаров, А. В. Суворов и др. Институт археологии РАН. Вологда, 2001. С. 35.

⁴² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОСПЭН, 1998. С. 148.

Глава 10

Неосознаваемая опасность

Таковы уж крестьяне, они обычно рассуждают не вслух, а про себя. Их пугает все необычное, далекое и непонятное. Например, город. Они боятся таинств природы, но хорошо представляют себе, что происходит в их собственном небольшом мирке. По их мнению, спорынья, которая заводится во ржи, — это вовсе не спорынья, а маленький черный чертик.

Вейо Мери. Кончина матери

История «злых корчей» в России — это история борьбы с крестьянскими предрассудками и верой во благо и «спорость» хлеба от спорыньи. Борьбы, надо заметить, почти бесполезной. Полтора столетия просветительской деятельности врачей прошли практически впустую. Население России до самого последнего времени не верило во вред «матери ржи», она по-прежнему считалась удачей и прибылью к урожаю. Спорынья перестала представлять перманентную проблему лишь с разрушением традиционного деревенского уклада жизни. Схожая картина наблюдалась и в Европе. Основное отличие российских эпидемий от европейских — это отсутствие бизнеса на них: никакой серьезной коммерческой инфраструктуры вокруг заболевания не возникло. За отсутствием демонологических трактатов ведьм также жгли относительно мало — счет шел на сотни, а не на десятки или сотни тысяч. Зато отыгрались на раскольниках. Полуязыческое «двоеверие» оказалось для христианства непреодолимым, народ мог осерчать на колдуний только за гибель урожая

или мор, но не за «дьявольщину», несмотря на стремление церковников к подавлению конкуренции:

Христианские пастыри не ограничились только поучениями и запретами; они требовали предания обличаемых строгому суду и казням... Как сжигались музыкальные инструменты и волшебные книги, так подобную же участь испытывали и колдуны, и ведьмы¹.

Впрочем, один из самых известных случаев сожжения двенадцати «женок вещей» в Пскове (6919 год²) произошел из-за самой спорыньи непосредственно — вскоре после прокатившегося по множеству волостей ужасного мора, в чем «ведьм», скорее всего, и обвинили, как считал А. Н. Афанасьев: «заметим, что около этого времени действовала на Руси страшная моровая язва, которая и могла послужить поводом к их обвинению»³. Единственное, что не знал знаменитый исследователь фольклора — упомянутая им «страшная моровая язва» была как раз эрготизмом, отмеченным во множестве летописей (приде на люди люто умертвие корчета).

Императорское Вольное экономическое общество, учрежденное в Санкт-Петербурге в 1765 году, старейшее из ученых обществ России, посвятило много сил описанию проблем эрготизма. Ситуация со спорыньей в России, согласно материалам Императорского общества, была ужасающей и позже в советской литературе вполне справедливо характеризовалась как «поистине национальное бедствие»:

В материалах общества можно встретить много работ по эрготизму, заболеваемость которым среди крестьянских масс дореволюционной России нередко принимала широкий размах и наносила большой ущерб народному хозяйству страны. Причиной такого положения являлась засоренность ржи спорыньей

¹ Афанасьев А. Н. Древо жизни: избранные статьи. М.: Современник, 1982. С. 413.

² Во второй псковской летописи более точных указаний нет, там всего одна фраза: «Того же лѣта псковичи сожгоша 12 жонке вѣщих» но, скорее всего, это 1410 год, а не 1411, как считает Афанасьев: для псковского летописания XV в. характерен сентябрьский стиль времяисчисления, а мор от эрготизма, вызвавший, вероятно, сожжение «ведьм», начинался в России обычно осенью, т. е. рассматривать надо год раньше. Именно 1410 год для этого события указывался в словаре Брокгауза.

³ Афанасьев, 1982, 413.

(«изгаром»). В многочисленной печатной продукции общества, посвященной этому поистине национальному бедствию, болезнь освещалась не только в клиническом, но и в медико-статистическом и даже евгеническом аспектах. О вреде рожков спорыньи известны труды Х. Пекена (1767), А. Т. Болотова (1788), Фрибе (1810), Нелюбина (1853)⁴.

Стоит заметить только, что непосредственно под «изгаром» имели в виду, скорее, головню, которую со спорыньей путали и вплоть до середины XX века считали ядовитой. Осознавать проблему спорыньи начали только в конце XVIII века. Впервые в России конкретную эпидемию связал с рогатой рожью в 1786 году штаб-лекарь Остерского уезда Киевского наместничества Яков Стефанович-Донцов. Ранее лейб-медик Готлиб Шобер, расследовавший по повелению Петра I эпидемию в 1722 году, уже предполагал роль хлеба в отравлении, но винил головню⁵. Правильно определив этиологию заболевания, Стефанович-Донцов подробно описал клинику, способы лечения, меры профилактики и в результате написал первую в России диссертацию по этому вопросу: «Описание о черных рожках, причиняющих корчи и помертвение членов» (1797). В 1794 году при массовых отравлениях гарнизона в Одессе (тогда Гаджибей) полковые лекари (за исключением лекарей Богоявленского госпиталя) также видели проблему в хлебе с рожками. В 1803 году члены Полтавской врачебной управы уже разработали систему профилактических мероприятий при наличии спорыньи в хлебе. Они рекомендовали: выбирать спорынью из колосьев, зерна перед помолом тщательно промыть водой, хлеб, выпекаемый из зерен, пораженных спорыньей, тщательно пропекать, не делать из него галушек и пресного хлеба, не гнать из него вина⁶.

Особенно сильная эпидемия была зафиксирована в России в 1832 году. Она охватила 30 различных районов. Смертность от болезни в разных местах колебалась от 11 до 66 процентов. В связи с широким распространением болезни медицинский департамент в Петербурге создал специальную комиссию по изучению эрготизма,

⁴ Советское здравоохранение. Министерство здравоохранения СССР. М.: Гос. Изд-во медицинской литературы, вып. 1, 1965. С. 150.

⁵ Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 159

⁶ Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М., 1959. С. 138–140.

а МВД выпустило инструкции, а затем распоряжение для Медицинской Полиции с описанием вреда спорыньи и симптомов отравления⁷. Со временем, просвещение, казалось, давало свои плоды. Спорынья уже иногда описывалась даже в художественной литературе как бедствие. Например, Гоголь, наслышанный о ее вреде, пытаясь найти некое сравнение, записывает в черновике «Мертвых душ»: «...и родились, посыпались грозные следствия бесчисленно, как черви в дожди, как рождаются в ненастное время черные наросты, зовомые спорыньем, которыми вся покрывается нива, страшные предвестники глада» (VI, 834). Гоголь здесь не совсем прав (может, сомневаясь, он и не включил фразу в окончательный вариант?) — отравление спорыньей часто происходит на фоне голода, провоцирует «волчий аппетит», но нередко голод — например, вследствие нескольких лет засухи — наоборот, этому предшествует. Когда же после засухи выдается влажный год с хорошим урожаем — появляется и много спорыньи. Вероятно, именно поэтому она и стала в народном сознании с урожаем ассоциироваться. Подобные наблюдения присутствуют в дореволюционных источниках:

Спорынья, по наблюдениямъ русскихъ крестьянъ, преимущественно развивается на хлѣбахъ въ годы урожайные, когда и рожь растетъ хорошо⁸.

Министерство Внутренних Дел продолжало бороться с невежеством — выпускало циркуляры, запрещало использовать неочищенную от рожков рожь не только в пищу, но и для выкуривания вина и приготовления кваса⁹. Основанный еще Пушкиным журнал «Современник», обращаясь к помещикам, писал о наставлении Медицинского Совета Царства Польского по предупреждению вредных последствий ржаного хлеба со спорыньей:

Благоразумные помѣщики должны стараться о распространѣніи въ простомъ народѣ свѣдѣній, здѣсь изложенныхъ. Еще не искоренился у простолюдиновъ предрасудокъ, будто спорынья во ржи не только не вредна, но и служить признакомъ хорошаго урожая.

⁷ Распоряженія относящіяся до Медицинской Полиціи // Сборникъ циркуляровъ и инструкцій МВД. Томъ 7. 1858, 139—142, 168—180.

⁸ Ермоловъ, Алексѣй Сергѣевич. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ: Всенародная агрономія, томъ 2. 1905. С. 291.

⁹ Сборникъ циркуляровъ и инструкцій МВД. Томъ 7. 1858. С. 140.

Самое названіе, данное ей въ Россіи, указываетъ на счастливую прибыль, какой ожидаютъ земледѣльцы отъ спорыньи.¹⁰

Несмотря на все предпринимаемые усилія, в народном сознаніи ничего существенно не изменилось, и два десятилетія спустя в Записках Императорскаго русскаго географическаго общества сообщалось, что крестьяне по-прежнему «спорынью (*secale cornutum*), раждающуюся въ колосѣ ржи, ѣдятъ какъ конфекту»¹¹ (конфета — устар. лакомство, конфета — Д. А.).

Для писателя Василя Преображенскаго в серединѣ XIX вѣка спорынья — это «пьяный хлебъ» с одуряющими свойствами, хоть и вредный, но не всегда опасный. При этом «спорынья ежегодно почти встрѣчается въ ржи, бываетъ иногда в пшеницѣ и житѣ». ¹² Крестьяне же, как он пишет, по-прежнему радуются наличію спорыньи и с удовольствіем ее едят, да и сам писатель не брезговал полакомиться:

Пьяный хлебъ получающій одуряющее свойство отъ обилія въ немъ рожковъ и костеря, очень рѣдко замѣчается, можетъ быть потому, что крестьяне скоро привыкаютъ къ этому хлѣбу, или въ немъ не бываетъ столько вредной примеси, чтобы она могла производить опьяненіе. Замѣчательно заблужденіе крестьянъ на счетъ этого вреднаго выродка хлѣба; если замѣчаютъ большое количество спорыньи, то говорятъ: *слава Богу! Богъ спорость хлебъ далъ*. Я часто видалъ, какъ крестьянскія дѣти и даже взрослые, проходя мимо полось, обильныхъ рожками, собирали ихъ въ руку и ѣли, какъ лакомство, и дурныхъ послѣдствій я не замѣчалъ. Нечего грѣха таить! я и самъ не разъ ѣдалъ рожки, но вкусъ ихъ мнѣ не нравился¹³.

Спорынья этим и отличается от другихъ ядов и наркотиков. Например, отравившійся белой приходитъ в «сильное возбужденіе с галлюцинаціями и бредом»¹⁴. О дурманящем и ядовитомъ дѣйствіи

¹⁰ Современникъ, Томъ 37—39. САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1845. С. 312—313.

¹¹ Записки Императорскаго русскаго географическаго общества по Отдѣленію статистики. Томъ 1, 1866. С. 431.

¹² Преображенскій В. А. Описаніе Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Издано Ученымъ комитетомъ М. Г. И., 1854. С. 283.

¹³ Ibid., 283 (курсив Преображенскаго).

¹⁴ Семенов С. Р., Телятьев В. В. Лекарственные растения Восточной Сибири, Иркутск, 1966. С. 198.

этого растения знали представители многих народов. Быстрые последствия отравления — симптомы проявляются уже минут через двадцать — замечались легко, породив в народе устойчивые выражения: «взбеленился» или «белены объелся», то есть «внезапно перестал соображать, одурел», «бес вселился», «ведет себя как умалишенный». Как у Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке»: «Что ты, баба, белены объелась?» Но выражения «объелся спорыньи» не существует, ибо острое отравление происходит значительно реже, эффект хронического отравления проявляется через слишком долгое время и не осознается, а сама спорынья стала понятием сакральным. Ее вред и одуряющее действие упорно не замечали, хотя травились ей на много порядков чаще, чем той же беленой. Никакое безумие, отупение, да и физические проблемы со спорыньей крестьяне не связывали. Это же не яд, а мать ржи, удача, дающая урожай и хлеб: «Упек в тесте бывает, а в муке спорынья, припек, упека не бывает» (Даль). «Якъ есть в хлібі ріжки, будуть и пиріжки (Малор.)»¹⁵.

Нехватка спорыньи в хлебе приписывалась ведьмам. В этих грехах ведьмы и каялись в духовных песнях:

Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали,
Мы изъ хлѣба спорынью вынимывали;
Не ходили ни къ обедне, ни къ заутрени;
Мы не слушали звона колокольнаго.
Мы не слушали пѣнья божьяго, церковнаго...¹⁶

Молоко пропадало у коров из-за той же спорыньи, алкалоиды которой тормозят секрецию пролактина, что нарушает лактацию, но об этом крестьяне не догадывались. Зато «вынимывать спорынью» — это великий грех ведьмы, лишение «спорости», урожая, успеха. «„Спорынья в квашню, а тесто в шляпу“ — пожелание прибыли, удачи хозяевам при входе в дом. Слово спорынья, «обилие», древнее в лексическом составе русского языка, в современном языке сохранилось только в говорах»¹⁷. Мы знаем, что поговорка «спорынья в труде» означает «пожелание успеха при уборке урожая», и нам кажется, что толкование «спорынья в тесте — приветствие,

¹⁵ Ермоловъ, 1905. С. 291.

¹⁶ Порфирьевъ И. Исторія русской словесности, Часть 1. 1876. С. 315.

¹⁷ Ларин Б. А. Из истории слов и словарей: очерки по лексикологии и лексикографии. Изд-во Ленинградского университета, 1963. С. 172.

пожелание тем, кто приготовляет тесто или валяет хлебы»¹⁸ тоже относится к пожеланиям абстрактного успеха. Но в народе это понималось совершенно буквально. Профессор Милов в своей монографии «Великорусский пахарь» нашел такой «ответ» — просто некогда, мол, было спорынью из зерна отвеивать: «на Руси, видимо, из-за острой нехватки времени, спорынью оставляли в муке, то есть ее „из ржаных зерен не выкидывают, мелют вместе“»¹⁹. Но дело обстояло куда как серьезней — если спорыньи в муке не хватало, то крестьяне запекали ее в хлеб специально ...для спорыньи:

Спорынья, ржаные маточные рожки (*secale cornit*). Наши крестьяне, пользуясь названіемъ, встрѣчаютъ на колосьяхъ ржи появляющіяся обыкновенно во время сыраго лѣта черные наросты въ видѣ рожковъ. Эти зернышки крестьяне вообще для спорыньи, въ припекѣ запекаютъ въ хлебъ, между тѣмъ какъ это самый сильный ядъ, от котораго можно умереть или, наконецъ, приобрѣсти самые сильные припадки, сопровождаемые корчами, нервнымъ разстройствомъ, криками, стонами, тоскою, и даже онѣмѣніемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла. Эта болѣзнь называется рафанія, или *злая корча*. Поэтому въ такихъ случаяхъ нужнѣе всего остерегаться рожковъ и тщательно отдѣляя ихъ, зарывать въ землю, чтобы кому нибудь не попало по вѣтру въ ротъ²⁰.

Не ведали об опасности не только крестьяне. Если Лев Толстой писал в начале 1890-х: «лучше совсем не есть хлеба, чем есть хлеб с спорыньей, от которой наверное умрешь», то многие другие писатели были еще очень далеки от такого осознания. Русский прозаик Владимир Пименович Крымов (1878—1968), любивший хвастаться как раз тем, что его выгнал из своего дома сам Толстой, в автобиографической книге «Сидорово учение» (Берлин, 1933) пишет о своем детстве и рожках спорыньи: «никто у нас не знал, что это ядовитая спорынья; я собирал их и ел, а потом у меня на ногах появились какие-то мокрые пятна, долго не заживали, и доктор не знал,

¹⁸ Словарь русских народных говоров, том 40. Институт русского языка АН СССР. Наука, 1965. С. 236.

¹⁹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РосПЭН, 1998. С. 358.

²⁰ Забылинъ М. Русскій народъ, его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія. 1880. С. 433—434; (или см. репринт М.: ТЕРРА, 1996, том 2. С. 36).

что это такое, и только теперь я узнал, что это было от спорыньи». Уже в эмиграции у писателя стало ухудшаться зрение, а к концу жизни он полностью ослеп. Сам он считал, что был «пожирателем книг» и слишком много читал. Было ли это отдаленным последствием отравления? Сложно сказать. Возможно, эти «мокрые пятна» появились и по какой-то другой причине, хотя симптомы в виде «волдырей или язвенок» от эрготизма в источниках встречаются нередко (вспомним и «демона» на Изенхеймском алтаре), да и слепота писателя в контексте отравления выглядит логично. Но сам этот рассказ — лишнее подтверждение того, что дети спорыньи ели, и характерно, что писатель, издатель и бизнесмен Крымов узнал о ее вреде только к концу жизни.

Даже в XX веке ничего не меняется, несмотря на все разъяснительные меры. В массовом крестьянском сознании вредность спорыньи по-прежнему не укладывается, и в 1906 году мы также можем прочитать:

Такъ какъ крестьяне не признають спорынью за вредную примѣсь и потребляютъ ее съ хлѣбомъ в значительныхъ количествахъ, то въ результатѣ среди населенія наблюдаются такія болѣзненные явленія, какъ злая корча, выкидыши и проч.»²¹.

При этом агрономический журнал сообщает, что в отдельных случаях спорынья на тот момент составляла до 2% урожая. Ровно ту же картину описывает в 1927 году изучающий текущую эпидемию врач Максудов:

Население в начале токсидемии совершенно не верило, что заболевание вызвано примесью спорыньи к хлебу. Одни считали это божьим наказанием, другие смотрели на рафанию, как на «поветрие», заразную болезнь, третьи видели в ней результат простуды. Некоторые крестьяне указывали мне, что в голодный год им приходилось есть и лебеду, и древесную кору, и мякину, — однако корчи не было. Приходилось слышать и такие рассуждения: «Спорынья родится в самом хлебе, чтобы хлеб был спорый, а не для отравы»²².

²¹ Журналъ опытной агрономіи. Томъ 7, кн. 3—6. Министерство земледѣлія. Ученый комитетъ, 1906. С. 600.

²² Максудов Г. А. Токсидемия рафании (эрготизма) в Уральской области в 1926—27 г. // Казанский медицинский журнал № 11, ноябрь. Казань, 1927, С. 1158.

Уполномоченный деревни Суюрки признавался Максудову, что не верит в отравление спорыньей — ведь он «сам ест с осени спорыньевый хлеб — а вот его не корчит». Так же рассуждали и остальные, поэтому среди крестьян «большая часть до самого конца оставалась при убеждении, что заболевание происходит не от спорыньевого хлеба, а от простуды»²³.

Крестьяне спорыньи не боялись, просто не веря в ее вред. Саму мысль о том, что хлеб — основа жизни — может быть опасен, их сознание отвергало. Если крестьяне ели спорынью год-другой и не замечали никаких вредных последствий, а на третий год вдруг ни с того ни с сего пальцы, руки и ноги начинали отваливаться — то это, понятно, не от нее. Кроме тех случаев, когда спорынья бывает почти не ядовита, хотя и присутствует в урожае, роль играл и тот фактор, что при отсутствии явно выраженной «злой корчи» многие отравления просто не замечали или списывали недомогание на другие причины. Максудов приводит результаты обследования им деревни, где почти все считали, что никакой «корчи» у них нет. При исследовании же оказалось, что почти у половины населения наблюдались объективные признаки отравления спорыньей, а у большинства оставшихся и объективные, и субъективные. Было выяснено, что в реальности поражены отравлением 78% жителей²⁴.

Максудов также упоминает характерный случай, вполне достойный присуждения известной «премии Дарвина»:

В Сарапульском Окргдравотделе мне сообщили, что в Рябовском районе один крестьянин, желая доказать безвредность спорыньи, съел около стакана чистой спорыньи и — на другой день умер²⁵.

В Марийской Автономной Области в 1929—1931 гг. «явления отравления спорыньей были, как известно, настолько выражены, что потребовали специальных мер Облздрави (посылка санитарно-просветительных отрядов). Эрготизм особенно отмечался в Горно-Марийском районе»²⁶. Но спорынья все еще оставалась в народном

²³ Ibid., 1158—1159.

²⁴ Ibid., 1157—1158.

²⁵ Ibid., 1158.

²⁶ Смирнов Б. Л. Нервный профиль Марийской Автономной Области по данным амбулатории областной больницы за 1929—1931 гг. М. А. О (Йошкар-Ола), № 5—6. 1933. С. 81—102 (3—24).

представлении предвестницей не «глада», как у Гоголя, а урожая: «Если появилась спорынья, то урожай будет, так как хлеб спорится. Шуйск. Влад. 1931»²⁷.

В местах, где сильная эпидемия прошла недавно, и ее последствия были видны наглядно — вот только там о вреде спорыньи знали и помнили. Например, уроженец уральской деревни Горка Куединского района (1918 года рождения) рассказывал, что у них в компании деревенских детей были и такие, у которых вместо рук или пальцев «торчали кости». Потом все эти дети умерли. И в этой деревне крестьяне старались избегать употребления спорыньи. Зерно с рожками отбирали и уничтожали, несмотря на голод, а на местах, где злаки поражались спорыньей, старались зерновые культуры не сажать. Дети ходили по полям и убирали колоски с рожками. Но такой наглядный гангренозный вариант проявления болезни встречался в России относительно редко.

Те же, кто еще не сталкивался с последствиями отравления вживую, продолжали быть в неведении. Я разговаривал с людьми, которые ели спорынью в 1946—1947 гг. в Ярославской области во время известного массового голода. Деревенские дети переплывали на лодках Волгу, чтобы собрать рожки, «столбики» и сгнившую картошку, из которой пекли «тошнотики». Спорынью ели пригоршнями, и никто никаких симптомов отравления не замечал, а о ее вреде даже не догадывались. Женщина, чье детство прошло в тех краях, будущий психиатр-нарколог, став студенткой, была поражена, как это спорынья может быть ядовита — ведь она ела ее несколько лет без всякого вреда!

Зато в Сибири в те годы спорынья уродилась совсем другая. Например, в селе Инченково Кемеровской области в 1946 году отравились спорыньей 160 работников колхоза «Огонек», восемнадцать из которых умерло²⁸. Сколько в то время было подобных вспышек — неизвестно, информация не распространялась. Подобные случаи априорно предполагались диверсиями, расследовались органами госбезопасности, а масштабы отравлений и смертность от них (чаще виновна была даже не спорынья, а фузариоз зерновых)

²⁷ Словарь русских народных говоров, том 40, 1965. С. 226.

²⁸ Лавриненко П. Г. Мои года — мое богатство // Вестник краеведения: Прокопьевский район. Вып. 3. Школьный. 2006. * (Год токсидемии восстановлен по запросу в библиотеку Прокопьевского района).

и непосредственно от голода власти пытались скрыть. Вероятно, за время голода 1946—48 гг. в России, Украине и Молдавии погибло не менее миллиона человек²⁹.

Последствия эпидемий в те годы, когда спорынья урождалась с большим количеством алкалоидов или с «удачным» их составом, могли быть очень серьезными, особенно с учетом того, что полностью излечится от отравления обычно уже не возможно. Как отмечал Максудов: «Jahrmärker, осматривая больных рафанией, пришел к выводу, что в результате отравления спорыньей образуется особая конституция (*Ergotismuskonstitution*), которая остается на всю жизнь, а д-р Колотинский утверждает, что эпидемия эрготизма в значительной степени способствует вырождению населения»³⁰. Те же, кто оставался живым после отравления, все равно обычно умирали в течение нескольких лет или доживали свой век с нарушенной психикой. Тучек (*Tuzek*), обследуя переболевших шесть лет спустя после эпидемии, в 1886 году, отметил, что значительное количество из них уже умерло, а большой процент являл картину слабоумия. В той же деревне Суюрки (*Суюрка*), где, как сообщал процитированный выше Максудов, никто в спорынью не верил, побывал и проф. Выясновский: «Отмечу между прочим, что из группы больных, болевших до 12 месяцев и больше, в этой деревне в живых осталось на лето 1935 г. лишь 2 человека; остальные же все умерли»³¹.

²⁹ Filtzer, Donald. Late Stalinist Russia: society between reconstruction and reinvention // Juliane Fürst. Vol. 29 of BASEES. Routledge series on Russian and East European Studies. Taylor & Francis, 2006. p. 82.

³⁰ Максудов, 1927. С. 1159.

³¹ Выясновский А. Ю. Эрготизм. Классификация форм, клиника и патологическая анатомия хронического эрготизма. Пермь: Изд. Психоневр. ин-та, 1937. С. 11.

Глава 11

Русская рулетка

Дай, Господи, спорыньи и легкости и доброго здоровья

Словарь русских народных говоров, 1965

Надо все же заметить, что у крестьян, кроме народного отождествления счастья-успеха-урожая и спорыньи, были и некоторые объективные основания не верить в ее вред. Эти основания считать «мать ржи» не ядом, а прибавкой к урожаю, были вполне эмпирические — спорынья действительно смертельна не всегда, но в этом-то и есть ее главная опасность. Неядовитая или мало ядовитая спорынья усыпляет бдительность. Ее вред неявен. Если бы спорыньей травились всегда, без исключений и быстро — либо вымерли бы все, кто питался хлебом из «рогатой ржи», либо окончательно убедились в ее вреде и приняли меры. Но спорынья непостоянна. Каждый новый урожай — своеобразная «русская рулетка»: сколько именно будет спорыньи в урожае, и насколько будет она в этот раз ядовита или галлюциногенна. При этом «игроки» не только сомневались в том, что «барабан лет» заряжен боевыми патронами, но и, наоборот, считали наличие спорыньи в урожае особой удачей. А ведьмами, магически отбирающими урожай («урожай ушел на пережин», «прожин»), полагали знахарок, собирающих на полях спорынью для абортов или повивальных дел.

Тот факт, что спорынья далеко не всегда оказывалась ядовитой, отмечался в конце XIX века в работах Киевского общества естествоиспытателей: «Интересно то, что не во всѣ года спорынья оказывается одинаково вредною, иногда ея бывало не мало въ хлѣбѣ, а болѣзнь

не появлялась»¹. На «плавающую» опасность зараженного хлеба указывалось в 1927 году в выпускаемом профессором Ячевским журнале по микологии и фитопатологии:

Не во всех случаях употребления в пищу такого хлеба получается отравление: не везде и не всегда спорынья обладает ядовитыми свойствами. Нам известно, что более темный цвет спорыньи связан с повышенной ее ядовитостью, но подробнее нам не известно о причинах, вызывающих в иные годы и в иных местах особенно сильную ядовитость грибка².

Не так редко случается, что количество алкалоидов в спорынье вообще минимально, что позже заметили советские ученые, изучая собранные для медицинских целей рожки:

Негативным аспектом использования спорыньи естественного происхождения для производства алкалоидов является резкое колебание ее продуктивности из года в год в соответствии с условиями в конкретном году и неопределенности количественного и качественного состава алкалоидов в ней. Часто случалось, что крупные партии подготовленной спорыньи вообще не содержали алкалоидов³.

Также «количество алкалоидов в склероциях спорыньи находится в зависимости от растения-хозяина»⁴. При этом «состав смеси алкалоидов, произведенных в склероциях того же самого штамма от различных хозяев, подтвердил, что растение-хозяин не влияет на тип произведенных алкалоидов, только на их соотношение»⁵. На любой цикл развития спорыньи сильно влияет окружающая температура. Если самому заражению хорошо способствует влажная и холодная погода, особенно до 12°C, то во время прорастания склероциев повышение температуры всего на три градуса может уменьшить процент алкалоидов в рожках спорыньи почти вдвое: «Согласно экспериментам

¹ Записки Кіевского Общества Естествениспытателей. Том 13. Кіев, 1894. С. XXXIV.

² Материалы по микологии и фитопатологии /ред. Ячевский А. А. Том 6, часть I. Всесоюзный институт защиты растений, 1927. С. 152.

³ Ostrovskii N. I., Kryukova M. A. The field culture of ergot in the USSR, 1963.

⁴ Биология // Вестник Ленинградского университета. Изд-во Ленинградского университета, 1974. С. 60.

⁵ PAŽOUTOVÁ, S; CAGAŠ, B et. al. Host Specialization of Different Populations of Ergot // Czech J. Genet. Plant Breed., 38, 2002 (2): 75–81.

Kiniczky (1992) в контролируемых условиях уровень алкалоидов в склероциях при 22°C был 5.1%, в то время как повышение температуры до 25°C снизило содержание алкалоидов до 2.7%»⁶.

Данные по уменьшению ядовитости спорыньи в зависимости от времени хранения тоже совершенно неоднозначны:

По данным Моллера (1895) достаточно 4 граммов свежей спорыньи для того чтобы вызвать отравление кур; сохраненная некоторое время спорынья давала признаки отравления только при увеличении порции до 10 грамм, а спорынья, хранившаяся в течение пяти месяцев уже не оказывала никакого действия на кур⁷.

Таким образом, обычно стало считаться, что «уже через 2—3 месяца хранения токсичность спорыньи снижается, а через 1—2 года полностью теряется»⁸. Но и здесь поведение спорыньи непредсказуемо, на что указывал профессор Рейслер:

Эрготизм наблюдается обычно в первые месяцы после сбора урожая. Это послужило основанием к предположению, что спорынья при хранении теряет токсичность. Однако, по данным исследования М. М. Римской и И. Г. Акимова, спорынья 10—25-летней давности оказалась почти такой же токсичной, как и только что собранная⁹.

И это, предположим, не ошибки опытов, а разное поведение конкретных образцов спорыньи, взятых для исследований. Такие же плавающие данные существуют и по смертельной дозе спорыньи, и по опасному проценту спорыньи в урожае, и по попаданию алкалоидов в грудное молоко, и по уменьшению количества алкалоидов при нагревании, включая выпечку хлеба.

«Эпидемия начинается нередко при содержании спорыньи в зерне в количестве 0,5%»¹⁰. «Тяжелые формы заболевания наблюдаются при 1—2% спорыньи в суточном рационе хлеба, а заметные симптомы

⁶ Kren, Vladimir; Cvaka, Ladislav. Ergot: the genus *Claviceps*. Volume 6 of Medicinal and aromatic plants. CRC Press, 1999. p. 305.

⁷ Ячевский А. А. Основы микологии: посмертное издание. Государственное Издательство Колхозной и Совхозной Литературы, 1933. С. 353.

⁸ Вильнер А. М. Кормовые отравления сельскохозяйственных животных. Л.: Колос, 1966. С. 323.

⁹ Рейслер А. В. Гигиена питания. М.: Медгиз, 1952. С. 401.

¹⁰ Материалы по микологии и фитопатологии, 1927. С. 152.

эрготизма возникают от присутствия в хлебе 0,15% спорыньи»¹¹. Опасными стали считать также и меньшие дозы: «Однако основная опасность рожков спорыньи заключается в том, что употребление в пищу хлеба, содержащего даже очень небольшую примесь склероциев (до 0.05%), вызывает тяжелое заболевание — эрготизм»¹². Именно такой процент (0.05) был введен в ГОСТ в 1940 году (на сегодняшний день в элитных семенах допускается 0,03% согласно ГОСТ 52325-2005 от 1 января 2006 года).

Все цифры достаточно условны, поскольку действие грибка плохо предсказуемо. Даже один грамм спорыньи может привести к смерти¹³, при этом смерть может наступить за 24 часа или за несколько дней¹⁴. В справочниках обычно смертельная доза рожков спорыньи указывается 5–10 грамм¹⁵. В то же время надо понимать, что «смертельная доза спорыньи и ее препаратов не может утверждаться точно»¹⁶. «Иногда, наоборот, при наличии явно вредоносных доз отравления не наступало, что объясняется, по-видимому неодинаковой степенью токсичности спорыньи»¹⁷.

Обычно считалось, что алкалоиды спорыньи термоустойчивы и не разрушаются при выпечке хлеба.

По Кюнклею нагревание спорыньи в течение 3-х дней до 60° Цельсия совершенно ее обезвреживает; выпечка же хлеба, т. е. кратковременное нагревание сохраняет ее ядовитость в полной силе»¹⁸.

¹¹ Мишустин Е. Н. Трисвятский Л. А. Микробы и зерно. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 200–201.

¹² Советская ботаника, том 48, часть 1. Л.: Наука, 1963. С. 219.

¹³ Dreisbach, Robert Hastings; True, Bev-Lorraine. Dreisbach's handbook of poisoning: prevention, diagnosis, and treatment, vol. 2001, Informa Health Care, 2001–2002. p. 437.

¹⁴ Vij, Jagdish Krishan. Textbook of Forensic Medicine and Toxicology: Principles and Practice. Elsevier India, 4-th edition, 2008. 617.

¹⁵ Karmakar R. N. Forensic Medicine and Toxicology. Academic Publishers, 2006. p. 368.

¹⁶ McNally, William Duncan. Toxicology. Harvard medicine preservation microfilm project (vol. 5253). Industrial medicine, 1937. p. 522.

¹⁷ Горленко М. В. и др. Грибы — друзья и враги человека. М.: Сов. наука, 1956. С. 86.

¹⁸ Выясновский А. Ю. Эрготизм. Классификация форм, клиника и патологическая анатомия хронического эрготизма. Пермь: Издание Психоневрологического института, 1937. С. 8.

Потом появились противоречивые данные, хотя в сохранении ядовитости спорыньи, собственно, сложно усомниться, зная о постоянных эпидемиях. Раз были массовые моры, значит, алкалоиды спорыньи из хлеба никуда не пропадают. Могли, впрочем, вносить свою лепту в отравления и напитки из злаков — пиво, квас, хлебное вино. Но также были получены данные о частичном распаде алкалоидов, преимущественно в пшеничном хлебе. «Разрушаются от 50 до 100% в зависимости от типа алкалоидов и условий нагревания (Schoch and Schlatter, 1985)»¹⁹. В 1982 году это проверялось испеканием хлеба и блинов из зараженной муки²⁰. Справедливы эти наблюдения, впрочем, оказались не для всех алкалоидов. Изомерные формы намного более устойчивы и переживают обработку. Согласно последним данным Бюро химической безопасности министерства здравоохранения Канады ядовитость спорыньи от нагрева значительно не уменьшается: «исследования подтверждают, что алкалоиды выживают при выпечке, а также сохраняются в некоторой степени после варки пива»²¹.

По возрастному и гендерному признаку обычно считается, что относительно больше подвержены заболеванию дети и женщины.

Все источники по конвульсивному эрготизму сходятся в том, что дети более склонны к конвульсивному эрготизму, чем взрослые²².

Август Гирш отмечал, что эрготизм затрагивает «главным образом небогатое крестьянство и особенно детей»²³. Но здесь надо учесть, что к детям спорынья могла попадать не только в хлебе: в Европе дети ели рожки как «хлеб св. Иоанна», в России могли лакомиться как рожками, так и «медовой росой» (подробнее рассмотрено в соответствующих главах). Максудов указывает на меньшее количество стариков и грудных детей среди заболевших:

¹⁹ Deshpande S. S. Handbook of food toxicology // Food science and technology, Vol. 119, 2002. p. 440.

²⁰ Peter M. Scott, Lawrence Guillaume A. Losses of ergot alkaloids during making of bread and pancakes. J. Agric. Food Chem., 1982, 30 (3), pp 445–450.

²¹ P. M. Scott. Ergot alkaloids: extent of human and animal exposure // World Mycotoxin Journal. Wageningen Academic Publishers, Volume 2, Number 2, May 2009. pp. 141–149.

²² Barger, George. Ergot and Ergotism: A Monograph. London: Gurney and Jackson, 1931. p. 39.

²³ Hirsh, August. Geographical and historical pathology. London, 1885. p. 215

Токсидемия поражала, затем, большей частью негрудных детей и взрослое население (женщин, может быть, несколько чаще, чем мужчин), грудные же дети и старики обычно щадились²⁴.

Далеко не всегда все члены семьи оказывались одинаково подвержены отравлению — фактор, который часто смущал врачей, затрудняя диагностику.

При этом в одной и той же семье, несмотря на одинаковое питание, одни члены захварывали, другие нет (факт этот выставлялся крестьянами, как доказательство против зависимости болезни от примеси спорыньи к хлебу)²⁵.

Были и такие наблюдения: «мелкие склерозии, как правило, более ядовиты, чем крупные», «спорынья с диких злаков более токсична, чем с хлебных»²⁶.

Как мы видим, спорынья ведет себя очень непостоянно, данные о ней противоречивы, и этот фактор не мог не сыграть важную роль в отношении к ней. Именно эта «плавающая» опасность спорыньи представляется наиболее существенной причиной массовой недооценки ее вреда. Если же говорить в терминах «русской рулетки», то в эту игру играют, даже зная о том, что в барабане действительно есть пули, или хотя бы одна. Но какой «выигрыш» могли получать те, кто возможный вред спорыньи осознавал? В чем находили они свой экстремальный азарт? «Русская рулетка» была вовсе не исключительно русской. Во Франции точно так же опасность спорыньи продолжали игнорировать, несмотря на официальные предупреждения, даже когда вред ее уже стал достаточно ясен. Пусть кто-то по-прежнему об опасности не знал, кого-то заставлял голод, но не было ли изначально еще какой-то причины в «неведении» крестьян о вреде спорыньи? Возможно, и была. Ведь спорынья, кроме своей ядовитости, еще и наркотик. Вероятно, речь здесь может идти как о достаточно спорной психологической зависимости, так и о вполне физической: спорынья — не ЛСД, и представляет собой набор десятков алкалоидов, так что вполне возможно предположить, что галлюцинировать можно было от одних, а физическую зависимость получить от других. Этот

²⁴ Максудов Г. А. Токсидемия рафании (эрготизма) в Уральской области в 1926—27 г. // Казанский медицинский журнал № 11, ноябрь. Казань, 1927. С. 1159.

²⁵ Ibid.

²⁶ Горленко, 1956. С. 86.

вопрос никто не исследовал, но хорошо описаны случаи привыкания и синдрома отмены при приеме эрготамина. В противопоказаниях современных препаратов с эрготамином обычно указывается: «возникает риск развития к нему привыкания и физической зависимости». Так что теоретически допустимо, что на спорынью можно было просто «подсесть».

Изучая странное поведение французских крестьян, которые продолжали травиться, уже, казалось бы, зная о вреде спорыньи, профессор Феррьер задается вопросом: не стоят ли за этим ее галлюциногенные свойства? Ведь, как и в России, европейским крестьянам было никак не объяснить, что спорынья вредна, хотя в Европе и не было настолько выраженной ее сакрализации, как в России. Наглядным примером странного для стороннего наблюдателя отношения крестьян к спорынье могут послужить эпидемии в Солони.

Глава 12

Гангрена де Солонь

К XVII веку эрготизм стал бичом бедных, «сельской болезнью» — *morbus ruralis*. От «священного огня» сгорали в основном крестьяне — в Саксонии, Силезии, Солони. С 1630—1650 гг. центром постоянных эпидемий считалась Солонь. Поклонение св. Антонию здесь никогда не угасало. Попытка в 1682 году вынести «смешную и позорную» статую «Антоний со свиньей» вызвала резкое сопротивление верующих¹. Согласно аббату Тессье, Солонь была «областью, которая, к сожалению, произвела больше спорыньи, чем вся Франция». Жители Солони были большими любителями ржаного хлеба. Случаи гангрены появлялись здесь с середины августа, после нескольких недель потребления ржаной муки свежего урожая, и ослабевали в течение осени, когда ржаная диета разбавлялась гречневой крупой. Но отказываться от потребления ржи жители вовсе не спешили, даже узнав о вреде спорыньи, чем серьезно озадачили врачей XVIII века².

И так здесь было уже сотни лет. Собственно, название Солонь (*Sologne*), ранее *Secalaunia*, и происходит от латинского *secale* — рожь. Со временем само название местности стало обозначать болезнь:

Эпидемии отравления спорыньей периодически охватывали Солонь с одиннадцатого и двенадцатого веков до самой революции. Эрготизм настолько отождествлялся с регионом, что в восемнадцатом веке болезнь называли «*gangrene des*

¹ Ferrières, Madeleine. *Sacred Cow, Mad Cow: A History of Food Fears*. New York: Columbia University Press, 2005. p. 136.

² Ibid., p. 137.

Solognots» и «convulsio Solonienses». Задолго до этого крестьяне Солони придумали слово «спорынья» для рогатой ржи³.

Эпидемии шли постоянно, а научные круги тем временем спорили о причинах болезни. Солонь была для них хорошим местом наблюдения сельских патологий — удобно, недалеко от Парижа. Врач Людовика XIV Фагон (Fagon) упрямо считал виновными атмосферу и некий туман, нападающий на поля и избирательно поражающий колосья. Другие винили скудную диету и нечистоплотность крестьян, кто-то обращал внимание на холод. Некоторые, вслед за немецкими врачами, мыслили более разумно и винили пищу. Те, кто не присоединился к какому-либо направлению, ратовали за множественность причин гангрены⁴.

Об ответственности пищи за гангрену сообщалось Королевской Академии Наук врачами Марбургской школы, почти догадавшихся о спорынье еще в 1597 году после эпидемии 1596—97 гг. в Гессене, но эту информацию не посчитали достоверной. Наконец, в 1672 году Академия решила послать собственного представителя исследовать «странную болезнь, которая нападает почти исключительно на людей бедных и в голодные годы»⁵. Этим представителем стал архитектор и анатом Клод Перро, брат известного сказочника Шарля Перро. Академик отнесся к заданию ответственно и, оставив еще не законченную им колоннаду Лувра, отправился на расследование. По возвращении в столицу он описал в своем отчете то, что узнал от местных врачей и хирургов. По словам Перро, рожь иногда действительно становилась плохой, да настолько, что «те, кто потребляет хлеб, сделанный из этого плохого зерна, теряют части тела от гангрены, кто-то одну часть, кто-то другую; у одного отваливается палец, у другого рука, у третьего нос»⁶. Хирург из Монтаржи рассказал Перро, что спорынья поражает рожь почти каждый год и было только несколько лет, когда этого не происходило. Но если спорыньи нет в больших количествах, то болезнь не проявляется.

Академия, как повелось, к докладу отнеслась довольно недобро. Рассказы Перро на позицию академиков не повлияли.

³ Kupfer, Marcia Ann. The art of healing: painting for the sick and the sinner in a medieval town. Penn State Press, 2003. p. 53.

⁴ Ferrières, 2005, 136.

⁵ Read, 1774. p. 63.

⁶ Ferrières, 2005. p. 136.

А уж сподвигли ли они брата Шарля на написание недобрых сказок, и случайно ли тот надел героине сказки про волка именно красную шапочку — того истории не известно. Но все же не без влияния сообщения Клода Перро, а также усилий Н. Белле, Поля Дюбе, хирурга Чаттона и других врачей, периодически посылавших в Академию письма и образцы ржи со спорыньей, два года спустя Академия решила направить в Солонь еще одного своего представителя — Дениса Додарта (члена Академии с 1673 года).

Додарт в поездке пообщался с Тулье, врачом в Анжу, по наблюдениям которого во время эпидемии 1670 года в гангрене явно была виновата спорынья. Более того, Тулье поведал, что его отец, тоже врач, определил вред спорыньи еще в 1630 году, наблюдая эффекты эрготизма на домашней птице. Додарт обнаружил спорынью «почти повсюду», но особенно в Солони, Берри, окрестностях Блуа и в Гатине⁷. Хотя вина ржи в гангрене все еще вызывала большое сомнение, Додарт полагал, что присутствие этой болезни у людей, которые ели только ржаной хлеб, и корреляцию между появлением спорыньи и распространением болезни следует рассматривать в пользу того, что именно спорынья была тому причиной. Спустя два года Додарт убедился в связи между эрготизированной рожью и отравлениями, о чем и сообщил в письме к Королевской Академии Наук в 1676 году. Для проверки этой гипотезы Академия приказала скормить хлеб из ржи со спорыньей животным⁸. После письма Додарта, как принято считать, академики наконец поверили в вину рогатой ржи. Исходя из этих событий, конец XVII века упоминается в исторических работах, как время осознания вреда спорыньи. Баргер тоже писал, что среди образованных людей во Франции с тех пор сомнения в причинах болезни уже не было, тогда как в Германии к определенному мнению прийти не могли до 1800 года⁹. И хотя далее Баргер указывает, что только «после огромной эпидемии 1770–71 гг. вред спорыньи стал общепризнанным»¹⁰ (и даже это не совсем верно, правильнее считать «точкой признания» 1776–1777 гг., см. ниже) в литературе почему-то прижился XVII век. Хофманн так и писал: «С развитием сельского хозяйства и с приходом в семнадцатом веке понимания,

⁷ Dodart, Denis. *Mémoires pour servir à l'histoire des plantes*. 1676. pp. 562–564.

⁸ Ibid., pp. 564–565.

⁹ Barger, George. *Ergot and Ergotism*, 1931. p. 59.

¹⁰ Ibid., p. 76.

что содержащий спорынью хлеб и являлся их причиной, частота и масштабы эпидемий эрготизма значительно уменьшились»¹¹.

Но насчет понимания вреда все далеко не так однозначно. Если, например, во время эпидемии 1721–1722 гг. в Силезии король выпустил указ о запрещении использования ржи, испорченной спорыньей, потому что серьезно страдали даже лошади и свиньи¹², то это, скорее, было исключением. Эпидемии шли своим ходом, иногда достигая угрожающих размеров.

В 1754 году обширнейшая эпидемия эрготизма разразилась во Франции, почти приблизившись по своим опустошительным последствиям к эпидемиям средневековья. Началась она в Солони, традиционном своем месте рождения, и распространилась в Ландах, Фландрии и Артуа. Спорыньи было так много, что она составляла треть ржи. Животные получали от корма ту же гангрену, от которой страдал и человеческий род¹³.

Но вина спорыньи по-прежнему представлялась сомнительной. Достаточно вспомнить, что знаменитый шведский натуралист Карл Линней утверждал в своей диссертации (*De raphania dissertatio medica*), изданной в Уппсале в 1763 году, что виновницей эрготизма является вовсе не спорынья, а дикая редька *Rhaphanus raphanistrum*. Научной методологии экспериментов в те времена еще не было и Линней пришел к своему ответу методом тыка — накормил редькой утку, та почему-то захромала, и натуралист решил, что это и есть искомая болезнь. С тех пор в научных работах в ближайшие 150 лет эрготизм будет называться рафанией. Французская Академия в вине спорыньи тоже была далеко не уверена и опять погрузилась в сомнения. Ибо и сто лет спустя после доклада Додарта мы сталкиваемся с практически аналогичной ситуацией. Очень сильные эпидемии эрготизма в 1770–71 гг. охватили почти всю Германию. Во Франции эрготизм бушует в герцогстве Мэн, Туре, Анжу¹⁴. Охвачены также

¹¹ Хофманн, Альберт. ЛСД — мой трудный ребенок. 1980.

¹² Fleming, George. Animal plagues: their history, nature and prevention: Vol. 1, 1871. p. 234.

¹³ Report of the commissioner of agriculture for the year of 1884 // Executive documents of the House of Representatives. Washington. Government printing office. 1884. p. 246.

¹⁴ Hirsch, August, Handbook Of Geographical And Historical Pathology. London, 1883. p. 208.

Овернь, Лимож и, конечно, Солонь¹⁵ (отметим, что большие эпидемии чумы — или «чумы»? — идут в тех же 1770—71 гг. в Риге, Киеве, Москве; что это было на самом деле?). Ближайшие лет десять эпидемии эрготизма будут вспыхивать во Франции практически каждый год: «Большие эпидемии бушевали во Франции и Германии, особенно с 1770 до 1780 года»¹⁶. Врач Рибер Ветиллар (Vetillart) издал в 1770 году актуальную для тех лет работу по лечению гангренозного эрготизма, где приводит следующий характерный пример ядовитости зараженного спорыньей хлеба:

Бедняк из Нуана в герцогстве Мэн попросил разрешения забрать отходы от제ивания ржи, чтобы испечь из них хлеб. Он понимал, что такой хлеб может иметь для него пагубные последствия, но необходимость взяла верх над страхом. Последствия выпечки хлеба из такой муки со спорыньей ржи не замедлили сказаться. В течение лишь одного месяца этот несчастный человек, его жена и двое детей погибли в мучениях. Третий ребенок, грудной младенец, который ел *panado* (хлебная кашка — Д. А.) из этой муки, избежал смерти, но стал глухим, немым, и лишился обеих ног¹⁷.

В Страсбурге в 1771 году выходит «Трактат о спорыньей ржи» Рида, военного врача из Монпелье, в котором приводятся наблюдения о связи заболевания со спорыньей. Трактат переиздается в 1774 году в Меце. В обзоре 1772 года о нем пишут: «Мсье Рид отмечает и доказывает, что эта ужасная болезнь по-прежнему опасна, появляется каждый год в некоторых областях все с той же степенью ярости, и постоянно вызывает непереносимо жестокие страдания»¹⁸. Академики же тем временем все продолжают спорить, виновата спорынья в эпидемиях или нет.

Тот факт, что вся Солонь потребляла одинаково плохой хлеб, но не все становились жертвами гангрены, сильно увеличивал их сомнения. Наконец, окончательно еще так и не было доказано, что гангрена была результатом отравления. Была ли спорынья именно тем, чего следовало опасаться?¹⁹

¹⁵ Barger, 1931. p. 61.

¹⁶ Purchase I. F. H. Mycotoxins. Elsevier Scientific Pub. Co., 1974. p. 73.

¹⁷ Wright, Samuel. An Experimental Inquiry into the Physiological Action of Ergot of Rye // Edinburgh medical and surgical journal, Vol. 52. A. and C. Black, 1839. p. 313.

¹⁸ Societe de gens-de-lettres. L'Esprit des journaux, françois et etrangers. Valade, 1772. p. 45.

¹⁹ Ferrières, 2005. p. 137.

В попытке эти сомнения рассеять и найти однозначный ответ на поставленный вопрос, аббат Тессье и фармацевт Парментье, известные в Парижских ученых кругах, вновь стали проводить эксперименты на животных. При этом будущему «отцу картофеля» Парментье, казалось бы, выгодно признать рожь опасной и продвигать свой любимый картофель. А аббату Тессье это не с руки, как представителю церкви, которая уже лишила Парментье опытного участка в Доме Инвалидов и работы там же, ибо считала картофель «яблоком дьявола». Однако происходит все наоборот. Собаки, которым скармливают спорынью Парментье, остаются живы, а свинья у Тессье с отвалившимися ушами и хвостом умирает в конвульсиях²⁰. Парментье, таким образом, объявляет спорынью безвредной и заявляет о «нелепости опасений относительно этого так называемого яда»²¹. Тессье же в корректность опыта Парментье с собаками не верит: «Тессье говорит, что собаки скорее умрут от голода, чем будут добровольно глотать спорынью»²². Поэтому аббат в противовес Парментье утверждает, что спорынья ядовита, и стоило бы рожь заменить картошкой. Для нас, знающих о многочисленных памятниках во Франции «отцу картофеля» Парментье, о станции метро, названной его именем, это звучит непривычно. Но, возможно, слава Парментье как главного пропагандиста картофеля лукавой историей несколько преувеличена.

В то время во Франции не только церковь шарахалась от картофеля. Ранее считалось общепризнанным, что от этих «чертовых яблок» можно заболеть сифилисом. Затем точка зрения претерпела изменение только в том, что в 1748 году французский парламент запретил выращивание картофеля на том основании, что он, по общепринятому мнению, вызывает проказу. В Бургундии картофель был запрещен еще с 1619 года по аналогичной причине. И хотя Парижский медицинский факультет в 1772 году объявил, наконец, картофель съедобным, население по привычке все еще боялось «чертового яблока». Поэтому, вероятно, у Парментье и не было шанса для продвижения своего любимца до Великой Французской революции, которая сбросила с пьедестала рожь и открыла дорогу картофелю.

²⁰ Phillips, Charles Douglas Fergusson. *Materia medica and therapeutics*. J. and A. Churchill, 1874. p. 543.

²¹ Ferrières, 2005. p. 138.

²² Phillips, 1874. p. 543.

Только в 1789 году выйдет книга Парментье «Трактат о выращивании и использовании картофеля», а сама картошка станет считаться пищей революционеров. Но во вред спорыньи Парментье, похоже, и в самом деле не верил. Несмотря на вроде бы очевидность того, что свиней легче накормить спорыньей, чем собак.

На скептицизм Парментье Тессье отвечал, что количество спорыньи, которую тот использовал, было не достаточным, и что не разумно опираться на результаты тестов, проведенных с такими маленькими дозами. После последующих демонстраций 1776 года, проведенных Поле, Жюсье и Тессье, большинство членов научного сообщества было вынуждено признать, что гангрена происходит от пищи. Никто не мог отрицать, что рожь со спорыньей есть рискованно, но никто не мог доказать, что в ней и была искомая опасность. Результатом стала единодушная рекомендация правительству: провести дальнейшие проверки на преступниках, осужденных к смерти. Другими словами, тюремный хлеб должен был быть заражен спорыньей. И они добавили: «Так можно наказать преступление способом, непосредственно полезным для человечества»²³.

Пока Академия занимается проверками, к 1777 году в Солони от гангренозного эрготизма умирает 8000 человек²⁴. В том же году эпидемия разыгралась и в Ландах (обе эти эпидемии не попали в список Гирша). Вот эти годы мы уже можем считать тем поворотным моментом, когда вина спорыньи становится общепризнанной. Напомню и об одновременной формальной ликвидации ордена св. Антония, последние остатки которого будут окончательно раздавлены в первые годы Французской революции. Поэтому, упоминая описание Адемаром Шабанским эпидемии 994 года, Феррьер совершенно верно пишет о разных сроках понимания этиологии заболевания и признания ее:

Много потребовалось времени, чтобы поставить достоверный диагноз, отличить гангрену в ее двух формах, «сухой» и «конвульсивной», от других «огней». Адемару де Шабанну пришлось бы ждать семьсот лет до выявления этиологии, которая свяжет болезнь с пищей, или восемьсот лет до того времени, когда научный мир признает связь между гангреной и грибом

²³ Ferrières, 2005. p. 138.

²⁴ Barger, 1931. p. 61.

спорыньи ржи. Только тогда гангрена с такими симптомами может называться эрготизмом. А что касается спорыньи непосредственно, то ботаник Кандолл идентифицирует ее как паразитный гриб, поражающий рожь, в начале девятнадцатого столетия²⁵.

Единственное, что можно уточнить — первым все же грибовую природу спорыньи определил еще в 1764 году ботаник барон Отто фон Мюнхгаузен²⁶, родственник всем нам известного барона-лжеца. Но это осталось незамеченным.

Парментье тем временем открыл пекарню для снабжения тюрем хлебом. Нет данных о том, исполнил ли он пожелание Академии о выпечке хлеба со спорыньей, и умирали ли в результате таких экспериментов подопытные заключенные. Скорее всего, нет, поскольку Парментье в опасность спорыньи так и не поверил. Он даже стал проверять ее действие на себе. И снова вреда от спорыньи фармацевт не обнаружил.

Парментье каждое утро в течение восьми дней принимал на пустой желудок половину драхмы порошка спорыньи, не испытывая никакого дискомфорта. «Мой сон, — говорит он, — все это время был спокоен, и даже ни малейшей головной боли не было». Но опасаясь, что спорынья в таком виде, без процесса брожения, не проявила те вредные качества, в которых ее обвиняли, Парментье смешал порошок спорыньи, в пропорции одной четверти, и даже одной трети с обыкновенной мукой, и выпек хлеб, который съел, а также скормил нескольким животным, но никакого плохого эффекта не проявилось²⁷.

Вероятно, аптекарю просто повезло, и в исследуемых им образцах алкалоидов было мало. Или же за его постоянными «неудачами» могли стоять какие-то неизвестные нам причины. Может быть, стоит учесть, что Парментье познакомил мир с фармакологическим действием спорыньи для облегчения родов еще в 1774 году в Физическом журнале (*Journal de physique*), и объявление этого лекарства ядом ему могло быть просто не выгодно. Как бы там ни было, следом за ним и другие врачи в разных странах начали изучать свойства паразита

²⁵ Ferrières, 2005. p. 135.

²⁶ Münchhausen, Otto von. *Der Hausvater*. Part 1. Hannover: N Försters und Sohns Erben; 1764. p. 322.

²⁷ Neale, Adam. *Researches Respecting the Natural History, Chemical Analysis, and Medicinal Virtues, of the Spur, Or Ergot of Rye* (1923). BiblioLife, 2010. p. 69.

и проверять действие спорыньи в небольших количествах на собаках, на пациентах и на себе. Они ее принимали в сыром виде, ели с ней бутерброды, варили, жарили, пекли с ней хлеб, производили химические опыты. Обнаружено было много интересных свойств. Оказалось, что спорынья придает хлебу кроваво-красный цвет, вид (тесто не поднимается) и запах мяса, что намекает нам на наглядные физические истоки христианского догмата пресуществления, придуманного монахом Пасхазием Радбертом в IX веке. Тогда хлеб кровавого цвета еще был относительной редкостью, и современные Пасхазию богословы так и не поняли, чем были вызваны кровавые видения монаха. После долгих споров натурализм евхаристии косвенно вызвал раскол православия и католичества, затем был закреплен католическими церковными соборами, а Пасхазий объявлен святым.

Сам вопрос исследований спорыньи был актуальным, ибо в первых десятилетиях XIX века ее стали использовать в медицинской практике в Европе и Америке. Что касается ядовитости спорыньи, то большинство врачей пришло к выводам, противоположным взглядам Парментье. Лоринсер с коллегами намазали порошок спорыньи себе на бутерброды с маслом. Каждый по две драхмы. Симптомы у всех оказались одинаковыми: колики, тошнота, рвота, слюнотечение, понос. Сходные симптомы были и у Гросса с коллегами от одной драхмы. Другие врачи, помимо вышеупомянутых эффектов, отметили головную боль и головокружение, сходное с возникающим при опьянении, снижение пульса²⁸. Но поскольку спорынья облегчала роды и останавливала кровотечение, ее все равно стали применять широко, она заполнила прилавки аптек по обе стороны океана, подобно современному аспирину.

Только в 1853 году Луи-Рене Тюлан (Louis René Tulasne) окончательно расставит последние точки в вопросе спорыньи, подтвердит, что она вызывала мучительную смерть людей и животных, свяжет ее с «медвяной росой» и распишет сложный жизненный цикл развития паразита. Применять порошки из спорыньи в медицинских целях от этого не перестанут. Только Россия будет поставлять на мировой рынок до 10 000 пудов спорыньи ежегодно. Но все это — уже XIX и XX века. А мы вернемся к некоторым аспектам эпидемий в Солони.

Проблема была не только в академиках, но и в самом народе. Как и в России, никто во вред спорыньи не верил, или верить не хотел.

²⁸ Stille, Alfred. *Therapeutics and materia medica*. 1864. p. 586.

Баргер писал: «Неспособность многих врачей того времени видеть в спорынье причину болезни не менее примечательна, чем постоянство крестьян в употреблении в пищу хлеба, сделанного из ржи со спорыньей»²⁹. Но врачи — класс привилегированный, они едят хлеб белый. Для них это, по крайней мере, не вопрос жизни и смерти. Упорство крестьян здесь все же более впечатляет.

Причины положительного отношения крестьян к спорынье понять никто не мог. Тессье тщательно изучил эпидемию и даже, возможно, первым отметил выкидыши, вызываемые спорыньей в хлебе: «Стоит также отметить, что Тессье является единственным, насколько нам известно, автором, который отметил аборт в результате потребления хлеба, содержащего рогатую рожь»³⁰. Аббат очень нервничал по поводу равнодушия солонцев к опасности. «Рожь и спорынья, рожь и паразит вместе, и все это перемалывается в муку. Вырастите что-нибудь другое! — восклицал Тессье. — Почему бы не выращивать картофель, который процветал бы в бедной почве и давал бы намного более высокие урожаи?» До криков Тессье никому не было дела. Разозленный на это врач в своем отчете Академии от 12 мая 1778 года так, по словам Феррьер, обрисовал типичного жителя Солони: «бледный и с болезненной фигурой, менее пяти футов ростом, со слабым голосом, вялыми глазами и медленной походкой. Им управляет невежество, упорство, рутина, тупость и имбецильность, и эти последние два термина употреблены строго в медицинском смысле. Недоедание ослабило умственные способности этих людей»³¹.

Мы-то теперь знаем, что умственные способности населения могли ослабеть как раз из-за потребления спорыньи, но этот классический ее эффект был тогда Тессье неизвестен (хотя Таубе уже указывал на «тупоумие» больных во время эпидемии 1770—71 гг.). С точки зрения Тессье жители Солони, казалось, были просто еще более глупы, чем их собственные цыплята. Поскольку эти цыплята, в отличие от солонцев, придерживались хорошего режима: вставали рано, ели, когда хотели, были счастливы, ложились спать рано, и вовсе не желали есть что-либо вредное. Цыплята опасались есть эрготизированное зерно: «Если спорынья подмешивалась в пищу, они предпочитали обходиться три или четыре дня без еды». При этом

²⁹ Barger, 1931. p. 76.

³⁰ Neale, 1923. p. 17.

³¹ Ferrières, 2005. p. 138.

распространение знаний о вредности спорыньи было уже развито. Людей о ее вреде предупреждали. Вешали на стенах объявления. Священникам округа и землевладельцам рассылались директивы. Как пишет Феррьер: «Фактически, информационная кампания была успешна; солонцы, казалось, были очень хорошо осведомлены об опасности. Но, хотя они знали, они не слушали. Если это было не невежество, то что побуждало солонцев продолжать игнорировать опасность ржи со спорыньей? Этот вопрос сбивал с толку большинство наблюдателей»³².

Тессье, хотя и не понимал природу спорыньи, считая ее появление влиянием воздуха, почвы и солнца³³, в ее опасности, тем не менее, не сомневался. И почему эту опасность крестьяне игнорируют, понять никак не мог. Если бы аббат знал, что крестьяне в России не только оставляют спорынью в зерне, но и добавляют ее в хлеб специально, если ее не хватает, он уже стал бы, вероятно, думать о происках дьявола. Но поскольку Тессье об этом не ведал, то по-прежнему задавал себе вопрос: «Какой же неотвратимый рок тяготеет над всеми этими людьми, знающими, что спорынья может сделать их больными, и беззаботно оставляющими ее в зерне, которое они едят? Ведь я не могу сомневаться относительно того, что именно жители Солони думают о спорынье. Все те жители, которых я опросил в этом округе, поведали мне об очень прискорбных последствиях потребления спорыньи на примере членов их собственных семей. Что может быть причиной их безразличия к столь жизненно важной проблеме, кроме их чрезвычайной бедности, которая делает их глухими к нашим крикам об опасности?»³⁴

Все наблюдения в результате сходились, в основном, к следующему — питаться гнилой рожью было просто техникой выживания. Крестьяне попали в лапы голода, и им ничего не оставалось, кроме как есть рожь со спорыньей или помереть. А в более благополучные годы спорынья была не везде, что усыпляло бдительность. Но у Феррьер по поводу такого взгляда возникают свои вопросы: «Давайте взглянем за пределы этих общепринятых наблюдений. Был ли такой риск принят совсем бездумно? Судьба ли заманила бедных и слабоумных в ловушку необходимостью и отсутствием выбора? Не происходило ли

³² Ibid., p. 139.

³³ Wright, 1839. p. 303. * Впрочем, в таком подходе есть определенный смысл.

³⁴ Ferrières, 2005. p. 139.

это более или менее сознательно, не являлось ли это более или менее рациональным выбором?» Далее она показывает, что если некоторые страдали и умирали или теряли конечности, то другие избегали этого, но зато «были награждены яркими галлюцинациями», и приходит к выводу, что «сельские жители имели достаточно опыта с этой болезнью и знали клинические эффекты очень хорошо». Плюс спорынья применялась для абортов, и в «этом специфическом использовании, население разбиралось лучше, чем доктора»³⁵. Речь идет о том, что за неимением дорогих привозных наркотиков крестьяне могли употреблять плевелы, спорынью и т. п. вполне осознанно. И бывали вознаграждены за это видениями. Таким образом, Феррьер оказалась еще одним, кроме Матосян, историком, который не проигнорировал «неприличное» для исторических школ галлюциногенное влияние спорыньи и других «простонародных наркотиков» (так называется у нее соответствующая глава).

Солонцы ели ржаной хлеб летом; менее бедные могли питаться смешанным хлебом из ржи и пшеницы, а затем из ржи и гречневой крупы, когда был урожай гречихи. Таким образом, их хлеб содержал переменные пропорции ржи и переменные пропорции ржи со спорыньей. Основная предосторожность была в том, чтобы не использовать хлеб из 100% зараженной ржи. Так как такой хлеб не был плохим на вкус, то солонцы полагали возможным избежать отравления, если они не будут есть хлеб со спорыньей постоянно. Так они уменьшали возможность гангрены. Эти крестьяне, которых считали ненормальными, имели, в итоге, свою собственную альтернативную стратегию безопасности. Неспособные полностью избежать риска и устранить спорынью из диеты, они стремились ограничить ее вредные эффекты. Отчаянная потребность в достаточных количествах пищи могла приспособить расчетный риск. Между явной опасностью голодной смерти и возможным риском — не всегда доказанным или доказанным не всегда достоверно — гангрены, солонцы выбирали меньшее из двух зол. Эффекты таких методов самоопьянения в терминах психического состояния должны все же быть оценены. Они могли быть огромны, приводя к воображаемой вселенной «где образы монстров и кошмары возникают из небытия, описанные поэмами, балладами, историями

³⁵ Ibid., p. 140.

и легендами в бесчисленных вариациях страха, удивления, экстаза, изумления, лихорадочного возбуждения и иррациональных эмоций». Не так давно большая доля народной культуры обнаружила такую вселенную с помощью местных наркотиков³⁶.

Как я уже отмечал выше, можно, вероятно, сделать еще один шаг и предположить, что на эрготизированную рожь можно было при определенных условиях просто физически «подсесть». Это дополнительная возможность более полно отвечает на вопросы аббата Тессье и на загадку «картофельных бунтов». Также не стоит забывать и о возможных древних языческих корнях ритуального потребления спорыньи, омелы и других веществ. По крайней мере, присутствие этих веществ в желудках некоторых из знаменитых кельтских «болотных мумий» железного века, найденных в торфяных болотах Европы, еще никак не объяснено и может восходить к аграрным культам плодородия и мистериям.

³⁶ Ibid., p. 145.

Глава 13

Хлеб святого Иоанна

— Не токмо впроголодь, — подхватил подрясник, — а по писанию, каждый из нас, могий вместити, обязан питаться акридами... и диким медом...

— Ну, что ж, если все мы, господин паломник, будем питаться акридами, какое значение придадите вы тогда ржи, пшенице, вину и елею?

Н. В. Успенский, 1889

Как обычно считалось толкователями Библии, евангелист Матфей, рассказывая об употреблении Иоанном Крестителем саранчи («пищею его были акриды и дикий мед», Мат. 3:4), показал, что Предтеча питался скромно и неприхотливо, соответствуя подвижническому образу жизни отшельника. Выражение «питаться акридами» давно стало распространенным символом бедности: «сам ты едва концы с концамиводишь и акридами питаешься» (Чехов). Профессор Лопухин, автор широко известной «Толковой Библии», утверждал в начале XX века:

Акридами называлась саранча, которая и теперь употребляется в пищу в Недже и Хеджасе. В лавках с саранчой она продается мерами. Приготовляя ее в пищу, бросают ее живую в кипяток, который хорошо просаливает; через несколько времени саранча вынимается и просушивается на солнце. Англичанин доктор Томсон, проживший в Палестине много лет и написавший очень хорошую о ней книгу, говорит: «саранчу не ест в Сирии никто, кроме бедуинов на крайних границах, и о ней

постоянно говорят, как о низшем сорте пищи, смотрят на нее большею частью с отвращением, так как эта пища выносятся только низшими классами народа. Иоанн Креститель, однако, и принадлежал именно к этому классу, все равно — по необходимости или по выбору. Он также жил в пустыне, где такая пища и теперь употребляется; и потому в Евангелии излагается простая истина. Обыкновенной пищей Крестителя была саранча, вероятно, поджаренная в масле и смешанная с медом, как это и теперь бывает»¹.

Такая точка зрения явно спорна, поскольку основывается лишь на неприятии саранчи в европейской культуре и, возможно, на позднейшем изменении отношения к такой пище в Сирии. Более объективно писал ранее в «Библейской энциклопедии» архимандрит Никифор:

Саранча, по закону Моисееву, считалась чистым животным, как насекомое, имеющее голени выше ног (Лев. XI, 21) и могло быть употребляемо в пищу. Некоторые виды саранчи доселе употребляются в пищу на Востоке и даже считаются лакомым кушаньем, особенно, если хорошо приготовлены. Бедуины сушат ее и толкут с солью большими кусками, которые носят в кожаных мешках, употребляя в пищу по мере надобности; впрочем, в общем вкус ее противен и питательность незначительна. Саранчею питался и Иоанн Креститель в пустыне (Мф. III, 4; Мк. I, 6). Что древние ценили саранчу, как вкусное, лакомое кушанье, это показывают резные изображения на стенах развалин дворца Сеннахерима в Кюнджукке, где между разными служителями, принесшими к царскому столу всякого рода плоды, цветы, и проч., находятся и несущие высушенную саранчу, укрепив ее на жезлах².

Таким образом, Никифор справедливо считает саранчу лакомством для тех времен (что, конечно, вызывает сильные сомнения в традиционно внушаемой аскетичности Иоанна, поэтому такая трактовка и не прижилась), но для себя неприемлемым. Переосмыслению подверглась и сама пища Иоанна. Почти все

¹ Лопухин А. П. Евангелие от Матфея, гл. 3, ч. 4. / А. П. Лопухин. Толковая Библия (1904—1913), репринт М., 2004.

² Бажанов А. М. Саранча / А. М. Бажанов (архимандрит Никифор). Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия (1891). 3-е изд. М., 2005.

официальные словари трактовали слово «акриды» как «саранча», а некоторые переводчики Библии вставляли слово «саранча» прямо в текст. Однако, со временем, отдельные толкователи стали сомневаться в правильности такого перевода. Им было сложно согласиться с тем, что акриды — это саранча, ибо поедание насекомых в глазах обывателя стало представляться неэстетичным. Из св. Иоанна вскоре попытались сделать убежденного вегетарианца. Богословы вплотную занялись решением этого серьезного вопроса — не были ли пищей Иоанна, например, какие-нибудь плоды, а не саранча?

Впрочем, первыми с «саранчой» расправились еще ранние христиане-эбиониты, которые, по-видимому, просто заменили в своем евангелии слово «акриды» на «лепешки», потому что выступали против мясной пищи. Но это забылось со временем. А примерно в XVII веке в роли заменителя саранчи выступила робиния (*Robinia pseudoacacia*). Натуралист Гарриета Килер писала в 1900 году, что другое название псевдоакации (англ. Black Locust, от лат. *locusta*) ошибочно «было дано миссионерами ордена иезуитов, которые воображали, что именно плодами этого дерева питался св. Иоанн в пустыне»³.

Зная методы и пристрастия иезуитов, вполне можно было бы предположить, что под названием робинии изначально имелось ввиду, скорее, не «локуста» (саранча), а Локуста — знаменитая римская отравительница, казненная при Гальбе, от ядов которой, как считается, умерли Клавдий и Британик. Ведь молодые побеги робинии, семена и корни, обладающие сладким вкусом, а также кора, часто ядовиты (токсичный протеид робин). При отравлении наблюдается недомогание, тошнота, рвота, головокружение, боль и жжение в желудке, нарушение сердечной деятельности, галлюцинации. Смерть наступает от резкого падения артериального давления. Поскольку молодые стручки этой «черной саранчи», или белой акации, как ее ботанически неверно называют по-русски, можно относительно безопасно есть только после варки, когда яд разлагается, то явно не они были хлебом св. Иоанна. Ну а если серьезно, то основная беда здесь в другом — робиния вообще родом из Северной Америки, хотя настолько широко распространилась в Европе, что в некоторых областях ее ошибочно считают

³ Keeler, Harriet L. *Our Native Trees and How to Identify Them* (1900), reprint Read books, 2008. p. 102.

аборигенным видом. При этом даже само название робинии было дано Карлом Линнеем в честь ботаника Веспасиана Робена (Vespasien Robin), сына королевского садовода Жана Робена, высадившего в 1636 году первое такое дерево в Европе⁴. Эти деревья все еще растут в Ботаническом саду в 5-м округе Парижа и в сквере Вивиани, считаясь самыми старыми робиниями в Европе.

Несмотря на вышеописанный казус, в книгах разнообразных «духовных учителей» мы можем прочесть следующее: «Акриды означает саранча. Здесь мы обнаруживаем классический пример неправильного перевода. Кто может поверить, что возвышенный Иоанн Креститель, которому Иисус Христос даже доверил крестить себя, ел саранчу? Словом „саранча“ (лат. locusta) называли плоды робинии...»⁵, а уже оттуда ошибка копируется в православные исторические издания⁶.

Возможно, несколько больше оснований у другой трактовки — речь могла идти о стручках цератонии, или рожкового дерева. В доказательство обычно приводят библейскую притчу о блудном сыне, посланном пасти свиней, и он бы «рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (Лука 15:16).

Рожковое дерево, или кароб (*Ceratonia siliqua*), иногда называют «деревом спермы», из-за специфического запаха при цветении. Произрастает и культивируется оно в Средиземноморье и субтропических областях, а также в Индии, Аргентине и Бразилии. Сегодня пищевая промышленность предлагает муку из стручков этого дерева, как альтернативу какао и шоколаду, но в основном рожки идут на корм животным. Это дерево было хорошо известно человеку с давних времен — его стручки служили пищей еще строителям пирамид. В Риме и в Палестине бедные классы населения часто питались плодами рожкового дерева, у Горация встречается выражение *vivunt siliquis, et pane secundo*, т. е. «пищу составляют сладкие стручки и хлеб». Кроме того, это дерево было знакомо каждому ювелиру. До сих пор вес драгоценностей (золота

⁴ Peabody F. J. A 350-Year-Old American Legume in Paris // *Castanea*. Vol. 47, No. 1 (Mar., 1982), pp. 99–104.

⁵ Risi, Armin; Zurrer, Ronald. *Vegetarisch leben*. Govinda-Verlag, 1993. (Рус. перевод: «Жить по-вегетариански»).

⁶ Захаров В. А. Десница Св. Иоанна Крестителя в России. М.: «Русская панорама», 2006.

и бриллиантов) определяют в каратах, а это не что иное, как вес семени рожкового дерева. Поскольку семена имеют приблизительно одинаковый вес около 0,2 грамма, греческие и римские ювелиры употребляли их в качестве единиц веса — каратов. Так мера и прижилась. Средневековые врачи наделяли рожки лечебными свойствами. «Сидение в их отваре укрепляет задний проход» — утверждал Авиценна в своем «Каноне врачебной науки». Со временем о дереве сложилось множество легенд. На Сицилии, например, верили, что Иуда Искарот повесился именно на рожковом дереве.

Цератонию также стали считать Иоанновым деревом, а ее рожки — хлебом св. Иоанна. Мнение о цератонии как исторической пище св. Иоанна не является общепризнанным, но распространено достаточно широко. Многим приятней считать, что легендарный проповедник питался рожками, а не саранчой. О том, что рожковое дерево в Германии называют деревом Иоанна Крестителя, писал журнал «Нива» в 1903 году⁷. Журнал Франклинского института упоминает *siliqua dulcis* как хлеб св. Иоанна на полвека раньше⁸, а в 1831 году этот хлеб св. Иоанна описывался как хорошая пища для скота⁹. Вероятно, существуют и более ранние упоминания. Такое представление о цератонии, как это часто бывает, устоялось, и сейчас ее семена продаются под названием Locust beans, т. е. дословно: «саранчовые бобы». Появились и богословские работы, доказывающие что акриды — это именно стручки рожкового дерева. Так ли это на самом деле? Возможно, хотя, вне теологического поля, вопрос, что именно ел на обед пророк Иоанн, не особо интересен.

Однако, вне зависимости от того, чем питался сам пустынный Иоанн Креститель, саранчой или рожками, и от того, что думали по этому поводу богословы и ученые, простой народ под названием хлеба св. Иоанна подразумевал нечто другое. Что, собственно, и понятно — рожковое дерево растет в северной Африке и Средиземноморском

⁷ Петербург—1903: Переиздание комплекта журналов «НИВА» за 1903 г., посвященное 300-летию Санкт-Петербурга / сост. Манувахов Х. И., Смолякова Н. П.; послесл. Светлова Р. В.; вступ. ст. Сухих И. Н. Издательство Геликон плюс, ИД Санкт-Петербургского ун-та, 2003. С. 214.

⁸ Journal of the Franklin Institute, Volume 57. Pergamon Press, 1854. p. 45

⁹ Haldimand, Jane (Mrs. Marcet). Bertha's visit to her uncle in England. Volume 1. J. Murray, 1831. p. 198.

регионе, а в центральной Европе ели совсем другие рожки — рожки спорыньи, они там и назывались хлебом св. Иоанна. Английский священник и ботаник Майлз Джозеф Беркли (1803—1889), ведущий знаток патологии растений и основатель британской микологии, писал в своем трактате о грибах, что, хотя спорынья может быть опасна, «дети на Континенте время от времени едят ее в больших количествах, называя хлебом св. Иоанна, и никаких плохих эффектов она у них не вызывает»¹⁰. Плохие же эффекты, по мнению Беркли, вызываются только спорыньей в плесневелом хлебе.

Может быть, здесь опять смешались различные значения, и в названии хлеба нашел свое отражение вовсе не Иоанн Предтеча, а Иоанн Богослов? По крайней мере, ужасные мистические образы, подобные описанным евангелистом Иоанном в Апокалипсисе, у потребляющих спорынью могли легко возникнуть под влиянием соответствующей установки.

Яркие видения этого св. Иоанна давно вызвали вопросы у соавтора Хофманна по «Дороге в Элевсин» Гордона Уоссона, первооткрывателя сальвии, также познакомившего мир и с псилоцибиновыми грибами. Этноботаник писал:

Я не хочу сказать, что святой Иоанн ел на Патмосе грибы для того, чтобы написать книгу Откровения. Тем не менее, последовательность образов в его видениях, так ясно видимая, но такая полная фантазмагория, подсказывает мне, что он был в таком же состоянии, как тот, кто находится под действием грибов¹¹.

Позже другие исследователи смогли уточнить, что это, возможно, были за грибы. Авторы статьи «Эрготизм и его влияние на общество и религию» предположили, что столь живые мистические видения св. Иоанна могли быть вызваны тем, что он питался зараженным спорыньей зерном, импортируемым из бассейна Дуная¹². Если это так, то влияние особой пищи на последующее развитие

¹⁰ Berkeley, Miles Joseph. Outlines of British fungology: containing characters of above a thousand species of Fungi, and a complete list of all that have been described as natives of the British Isles. L. Reeve, 1860. p. 76.

¹¹ Wasson, R. Gordon; Ruck, Carl A. P.; Hofmann, Albert. The Road to Eleusis: Unveiling the Secret of the Mysteries. Harcourt Brace Jovanovich. 1978. p. 18.

¹² Sherman, Larry R.; Zimmerman, Michael R. Ergotism and Its Effects on Society and Religion // Journal of Nutritional Immunology, Volume 2, Issue 3, May 1994. pp. 127–136.

цивилизации в очередной раз видно наглядно. Эту версию можно посчитать излишне спекулятивной, но интересно, что имя св. Иоанна со спорыньей связывают в любом случае. Мы же вернемся к мыслям Беркли о хлебе св. Иоанна.

«Похоже, — указывает в примечании автор, — что спорынья вызывает гангрену, только когда потребляется продолжительное время. Ужасные последствия происходят от длительного самостоятельного употребления спорыньи, и я лично могу засвидетельствовать такой случай»¹³.

Как и многие его современники, Беркли недооценивал опасность спорыньи, ядовитость которой плавает в очень больших пределах. Тут уж как повезет — с каким набором алкалоидов она уродится. Также дети любили есть спорынью и в России, но, в отличие от Беркли, русский этнограф С. Максимов связь с эрготизмом здесь видел: «деревенские дети всех чаще подвергаются этой болезни, лакомясь сладковатую спорыньей»¹⁴. Разве что названия «хлеб св. Иоанна» в России не было. Зато Россия была хорошо знакома с Ивановой (Иоанновой) медвяной росой, выпадающей, по народному поверью, в один из праздников все того же св. Иоанна Крестителя, и известной также под именем Ферапонтовой росы.

¹³ Berkeley, 1860. p. 76.

¹⁴ Максимов С. Куль хлеба и его происхождения. Санкт-Петербург (1873). Репринт М.: Терра, 1996. С. 107.

Глава 14

Роса святого Ферапонта

С Иванова дня пошли медвяные росы (вредные)

В. Даль. Пословицы русского народа

Есть еще один момент, связанный со спорыньей, который никто целенаправленно не изучал. Спорынья имеет довольно сложный цикл развития, поэтому разные стадии долго считали совершенно различными типами грибов. При этом, если «рожки» — то, что обычно и подразумевается под спорыньей — носили в России сакральный характер, ассоциируясь с прибылью, удачей и урожаем, то предыдущая стадия развития гриба, так называемая «медвяная роса», со спорыньей не связывалась и считалась вредной. Откуда появляется эта опасная роса, никто не понимал, но народные наблюдения в фольклоре остались.

В традиционном народном календаре 7 июня — это Иванов день. Иначе его называют Иван Предтеча, Иван Постный, Иван Медвяная роса, Ферапонт Рябинник, Ферапонт Худые росы. Само название дня, данное ему народом, говорит, что начинается пора вредных медвяных рос: «Медовая роса ржавыми ведает, сладко стелется да больно выедает».

25 мая / 7 июня — Иоанн Предтеча. Ферапонт. С Иванова дня пошли медвяные росы (вредные, якобы поражающие растения ржавчиной). «От Ферапонтовой росы и трава ржавеет». На Ферапонта первые худые росы. Заболеет ли скотина, говорят: «Верно напала на медвяную росу». Заблекнут ли листья на дереве, считают, что завелась медвяная роса. Заболеет ли

ребенок, думают, наверное он бегал по медвяной росе. Однако за этими росами признается и целебная сила¹.

Как нередко случается, со временем в народном сознании и дни перепутались, и виды медвяной росы, и виды болезней. Ивановых дней теперь несколько. Наиболее известный и старый праздник — день Ивана Купалы, или день Рождества Иоанна Крестителя, а где христианство не слишком привилось, там сохранилось местами древнее его название — Ярилин день. Это был праздник летнего солнца и созревания плодов (путаница с Ярилиными днями — уже за рамками темы). Язычники отмечают его либо 24 июня, в дни летнего солнцестояния (что логичней — календарь «встал на место»), либо 7 июля по новому стилю. Другой Иванов день — на месяц раньше. В христианском понимании это праздник не самого Иоанна Предтечи, а день третьего обретения его отрубленной головы, которая по легенде регулярно терялась и находилась. В народном же календаре этот день связан с медвяной росой. Появиться праздник мог, очевидно, только в более поздние времена, ибо до прихода христианства ни еврейского имени Иван (Иоанн), ни ржи со спорыньей на Руси не было. Скотина, конечно, могла травиться спорыньей на лугах, но вряд ли «дикая» спорынья появлялась столь массово без ржи как инкубатора. Св. Ферапонт, кипрский епископ IV века, к спорынье, понятно, тоже отношения не имеет, но ему случилось попасть в святцы на этот день. Схожесть этих Ивановых дней есть и в упоминании росы, но на Ивана Купалу была простая роса, а не медвяная. Как писал в XIX веке этнограф Максимов, обыкновенную росу использовали как средство от прыщей и клопов. Вместо росы от этих напастей можно было использовать священника:

«Чистоплотным» Иван Купала называется оттого, что на заре этого дня принято купаться, причем такого рода купанью приписывается целебная сила. С той же целью отыскать целебную силу, поутру Иванова дня, вологодские бабы «черпают росу»; для этого берется чистая скатерть и «бурак», с которыми и отправляются на луг. Здесь скатерть таскают по мокрой траве, а потом выжимают в бурак и этой росой умывают лицо и руки, чтобы прогнать всякую «болесть» и чтобы на лице не было ни угрей, ни прыщей...

¹ Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. и авт. ввводн. текстов Г. Д. Рыженков. Вступ. ст. и словарь А. Н. Розова. М.: Современник, 1992.

В Пензенской губернии точно так же «черпают росу», хотя здесь она служит не только для здоровья, но и для чистоты в доме: купальской росой кропят кровати и стены дома, чтобы не водились клопы и тараканы. Впрочем, от клопов существует и другое, более радикальное средство: когда в дом придет священник и, окропивши св. водой, станет уходить, то нужно вслед ему мести пол, приговаривая: «Куда поп, туда и клоп». После этого, уже ни одного клопа не останется, так как все они перейдут в тот дом, куда далее направится священник².

Другая распространенная путаница — это упоминание связи медвяной росы с ржавчиной, как, например, в словаре Даля:

Медовая или медвяная роса, болезнь растений, причем они покрываются сладковатым, липким потом, который обращается в ржавчину; нападает особенно при наливе хлебов на рожь, и колос гибнет; медовая падь, мох, который любят пчелы³.

Собственно, само наблюдение было верное, на пади (но не на медвяной росе) «обычно развиваются особые бурые грибки, которые иногда придают стволам деревьев вид обгорелого или ожогов»⁴. Медвяная же роса (будем здесь придерживаться такой терминологии) — это один из циклов развития спорыньи, и к другой болезни злаковых, ржавчине, отношения не имеет. Медвяная роса помогает спорынье распространяться.

В завязи образуется плотная масса мицелия, покрытая слоем конидиеносцев, продуцирующих огромное количество мелких конидий, погруженных в капли «медвяной росы». Медвяная роса имеет неприятный запах и содержит большое количество сахара. Привлеченные ею насекомые переносят конидии на здоровые растения⁵.

Надо все же отдать в этом случае должное наблюдательности народа — вред медвяной росы, в отличие от сакральных рожков спорыньи, был давно замечен, о чем свидетельствуют народные поговорки: «Выпала медовая роса — моровая на скотину пошла»,

² С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург: Полисет, 1994. С. 388–389.

³ Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 тт. Т. 1: Olma Media Group, 2002. С. 873.

⁴ Холодковский Н. А. Курс энтомологии. Том 2, 1927. С. 137.

⁵ Зуева Г. А. Лекции по систематике низших растений. Елабуга: ЕГПИ, 2001.

«Медвяная роса мор нанесла» и др. Дети же, которым в некоторых губерниях строго-настрого запрещали бегать по росе, могли заболеть не от «бега по росе», а от того, что этой медвяной росой любили лакомиться. Появление медвяной росы воспринималось крестьянами как сущее бедствие: никаких способов и средств защиты от этой напасти, кроме молитв к Иоанну Крестителю или св. Ферапонту о заступничестве, они не знали.

В этот день роса выпадала. На вкус — сладкая, медвяная, а на самом деле — пагубная. По поверью народному, это мертвая роса. Ее только знахари-травники собирали, чтобы лечить сначала мертвой, а потом живой водой. Людям же и животным в этот день ходить по росе нельзя, так что утром в поле-огороде работ не было, а скотину выгоняли на пастбище, когда роса спадет. Ферапонта слезно просили медвяные росы отвести.⁶

Сок растений, выпот которого, как считается, образуется на листьях некоторых лиственных деревьев и на хвое ели, также называют медвяной росой. БСЭ даже настаивала, что именно это является единственным правильным определением медвяной росы. Формально верно, но столетиями во всех пословицах и поговорках медвяной росой называли вовсе не выпот. Не иголками с елок питались коровы, на которых напал загадочный мор.

Тем не менее, по некоторым данным, загадочные росы могли иногда появляться одновременно на злаках и на деревьях. Флеминг приводит странное и редкое свидетельство из Германии, в которой, как он пишет, в 1700 году «эрготизм был очень част». 4 июля 1699 года некое сладкое и липкое вещество было замечено на злаках, листьях деревьев и фруктах. Это медоподобная роса вызывала тошноту и рвоту у тех, кто был «достаточно любопытен, чтобы попробовать ее на вкус». Была она сладкой и приятной, но вскоре на губах у нескольких человек появились маленькие язвы. У некоторых началась лихорадка, а у тех, кто ходил босиком, внезапно образовались пустулы с язвами. Злаки же, и в особенности зерна пшеницы, «на которой росы поселились в наиболее значительной степени», вскоре почернели от «матери зерна» (*mutterkorn*). И хотя редкостью такое никогда не было, но в этот раз обилие «матери зерна», особенно в долинах и низинах по всей Тюрингии, а также в провинциях и вокруг Эрфурта, поразило людей.

⁶ Решетников Н. Русский народный календарь: пословицы, поговорки, обычаи, обряды, имена. М., 2005. С. 153.

Никогда не видели они ранее такого урожая спорыньи. На следующий (1700) год и стар и млад были охвачены эпидемией.⁷

Может, наши сведения о «выпоте растений» (без участия насекомых) не слишком верны? Существует ли он вообще, кроме как на страницах старых энциклопедий?

Также медвяной росой по привычке очень часто называют падь — выделения тли, червецов, листовлошек и других насекомых, питающихся соком растений. В XIX веке еще думали, что даже медвяная роса на ржи происходит от тлей. Падевый мед, собираемый пчелами — это обычно именно взятка от пади, а не от медвяной росы. Для пчел он вреден и не пригоден для зимовки. Впрочем, бывает и такое малоизвестное исключение: не имея другого взятка, пчелы «сосут сладкие ягоды (малину), плоды шиповника, берут сладкие выделения на ржи при поражении ее спорыньей»⁸.

Причиной посещения пчелами ржи и других злаков является ядовитый гриб-паразит — спорынья, растущий на колосьях ржи в виде небольших удлинненно-продолговатых, несколько искривленных, темно-фиолетовых, с беловатым стирающимся налетом твердых рожков. Весной споры этого гриба попадают на ржаной колос, в котором начинает образовываться сладкая жидкость (падь)⁹. Вначале образуются только небольшие капли ее, постепенно увеличивающиеся и стекающие по колосу. В местах, где спорынья выращивается для медицинских целей, гриб образует только сладкую жидкость, с нее пчелы могут собрать взятку чистого спорыньевого меда¹⁰.

«Любопытно отметить, что спорынья является также вредной и для пчел, как об этом сообщает И. А. Каблуков (1920) — пишет миколог Ячевский, но добавляет: — имеет ли этот мед ядовитые свойства для людей, не выяснено»¹¹.

⁷ Fleming, George. Animal Plagues: Their History, Nature, and Prevention, Vol 2. Chapman and Hall, 1871. p. 171.

⁸ Глухов, М. Важнейшие медоносные растения и способы их разведения. Гос. сельскохозяйств. издательство «Новая деревня», 1929. С. 103.

⁹ В цитате, опять же, имеется ввиду не падь, а медвяная роса; возможно, это неточность переводчика.

¹⁰ Крижан В. 1000 вопросов и ответов из пчеловодства / Перевод со словацкого. Алма-Ата: Кайнар, 1976.

¹¹ Ячевский А. А. Основы микологии: посмертное издание. М., 1933. С. 354.

Что касается пчел, то вред подтверждается. «Характеристика вредного значения спорыньи будет неполной, если не упомянуть об отрицательном влиянии ее на пчел. Последние погибали целыми семьями от поедания ее на бескорневищном пырее»¹². Но влияние спорыньевого меда на людей, похоже, никто так и не исследовал. Так что успевали ли сами пчелы набрать его достаточное количество до своей смерти, и был ли этот мед ядовитым и галлюциногенным — вопрос остается открытым. Возможно, что давно известный на Кавказе так называемый пьяный, или бешеный, мед объясняется не только андромедотоксином — нейротоксином в нектаре вересковых, рододендрона или азалии. А местная болезнь «бандала», что означает «пьяная походка», могла быть вызвана не только фузариозом.

¹² Воронкевич И. В., Горленко М. В., Журавлев И. И., Новотельнова Н. С. Грибы — друзья и враги человека. М.: Советская наука, 1956. С. 86.

Глава 15

Психозы и галлюцинации

И тотчас после этого все множество бесов пришло в неистовое движение, потому что у диавола есть много способов борьбы с людьми. Вдруг раздался такой гром, что место это поколебалось в самом основании, и стены распались; и тотчас сюда ворвалось и заполнило жилище Антония множество демонов, явившихся в виде призраков львов, волков, аспидов, рысей и медведей, и каждый из этих призраков обнаруживал свою ярость соответственным его виду способом: лев рычал, готовясь поглотить Антония, буйвол устрашал своим ревом и рогами, с шипением извивалась змея, стремительно бросались волки, рысь по-своему изловчалась к нападению; все эти призраки были крайне страшны по своему внешнему виду, а производимый их ревом шум был прямо ужасен.

из жития св. Антония, IV в.

Хотя легендарные описания страшных видений св. Антония и его постоянной борьбы с мерещащимися ему днем и ночью демонами и подразумевают закономерность выбора именно этого святого для защиты от болезни, до XIX века связь психических расстройств с огнем св. Антония отмечалась достаточно редко. Объяснять неадекватность поведения одержимостью бесами было в те времена более привычно. Но все же не так редко записи современников говорят об изменении состояния психики из-за этой болезни, а иногда именно в связи с потреблением хлеба или непосредственно спорыньи.

Теперь, когда мы проникли в скрытый внутренний мир паразита *claviceps purpurea*, мы знаем, что спорынья содержит алкалоиды, и их состав подобен составу ЛСД. Таким образом, мы можем лучше понять расстройства, вызванные гангреной в ее ранних стадиях. Любой эрготизм начинался с фазы психических расстройств, описанных классическими клиницистами: «сонливость и мечты», «головокружение и шум», даже «лихорадочный бред»; «нет сомнения, что [спорынья] попадая в хлеб, вызывает головокружение и ощущения, подобные опьянению»¹, «как только крестьяне съедали этот вредный хлеб, они чувствовали себя пьяными»². Это было эрготическим опьянением. Вызывало ли оно страх? Для некоторых оно принимало форму «очень тяжелого сна и тревожных сновидений»; для других интоксикация проявлялась легкими и быстрыми галлюцинациями, в отличие от кошмаров, населенных странными и ужасными чудовищами, причиной появления которых являлась ранняя форма гангрены огня святого Антония³.

В 1880-х годах психозы при эрготизме подробно описали доктор Фриц Сименс и Франц Тучек. При этом галлюцинации они отдельно не выделяли, а наблюдаемые случаи неадекватного поведения Тучек пытался объяснить алкоголем, истерией, идеями греховности и пр. Но в той или иной степени психические отклонения у пациентов замечали и раньше, особенно при «злых корчах».

Собственно, изменения психики при отравлении спорыньей являются настолько демонстративными, что задолго до описания Siemens'a и Tuzcek'a все авторы, описывавшие эрготизм, в частности его конвульсивную форму, всегда отмечали те или иные формы психозов, сопутствующие заболеванию⁴.

Врачи Марбургского факультета наблюдали психические расстройства во время эпидемии эрготизма 1596 года (хотя посчитали болезнь инфекционной), в 1598 году Зеннерт (Sennert) описал ряд психозов, отметив ступорозные состояния, бред, «сумасшествия».

¹ Это слова Шампье (Champier), одного из королевских врачей, 1560 год.

² Read, 1774, 8 (ссылка Ferrières).

³ Ferrières M. Sacred cow, mad cow. Columbia University Press, 2005. p. 141.

⁴ Выясновский А. Ю. Эрготизм. Классификация форм, клиника и патологическая анатомия хронического эрготизма. Издание Психоневрологического института. Пермь, 1937. С. 66.

В 1697 году в Гессене были описаны случаи потери умственных способностей после корчи⁵. Хофмейер (Hoffmeier, 1742) отмечал «бредовое безумие» у пациента, причем семь месяцев спустя после урожая⁶. Таубе (Taube) указывал на «тупоумие», манию или «истинное бешенство», аменцию и истерию после эпидемии 1770—71 гг. В это же время Вичманн (Wichmann) описывал психические расстройства: «многие больные впадали в настоящее сумасшествие, тупоумие или какую-то нечувствительность, так, что они, когда их спрашивали, пристально смотрели на собеседника и ничего не отвечали, как бы не понимая вопроса». Во время эпидемии 1831—32 годов в Германии Вагнер (Wagner) отмечал галлюцинации и потерю памяти⁷.

В России изменение сознания больных во время эпидемии было отмечено еще в Троицкой летописи под 1408 годом: «у иных же и мысль измѣнится, и умъ отыметъся». Связь заболевания со спорыньей и влияние отравления на психику показала эпидемия «1785/86 г.г. въ Кіевскомъ намѣстничествѣ, описанная штаб-лѣкаремъ Стефановичемъ-Донцовымъ. Эпидемія сопровождалась корчами рукъ и ногъ и гангреной конечностей, по самые локти и колѣна, падучей и безумствомъ»⁸. Ближе к середине XIX века в России в циркулярах МВД и врачебных работах (и даже в общеобразовательных словарях) регулярно упоминаются симптомы «помрачения сознания», «отупения» и «безумия» при отравлении спорыньей. Например: «Умственные способности также разслабляются, оказывается безуміе, меланхолия, и больной съ вида походить на пьянаго»⁹. «У иныхъ вмѣсто корчей было ненатуральное отправление мозга, близкое къ помѣшательству ума» или «тихий бред»¹⁰. В это время связь «злых корчей» с состоянием безумия и агрессивностью уже хорошо была известна властям. Характерно описание судебного

⁵ Ibid.

⁶ Barger, G. Ergot and Ergotism: A Monograph. London: Gurney and Jackson, 1931. p. 37.

⁷ Вьясновский, 1937. С. 66.

⁸ Виноградов Н. Ф. О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ въ органахъ и тканяхъ у людей при хроническомъ отравленіи спорыньей (garphania, ergotismus, болѣзнь „злая корча“). Казань, 1897. С. 9

⁹ О спорыньѣ / Отечественныя записки, Том 10, тип. Н. Греча, 1840. С. 41.

¹⁰ Распоряженія относящіяся до Медицинской Полиціи (1839) // Сборникъ циркуляровъ и инструкцій МВД, Томъ 7. С. Петербургъ, 1858. С. 169.

процесса «сельского Раскольникова» крестьянина Прохорова, который в 1863 году пытался убить лесного сторожа топором (Достоевский начнет писать свой роман пару лет спустя, и кто знает, не под влиянием ли обсуждений этого случая придет ему мысль именно о топоре?). Как и в более поздних наблюдениях Реформатского, когда близкие люди сами обращали внимание на изменение личности больного, заявляя, что он стал каким-то «диконьким», так и в этом случае родственники видели, что Прохоров был не в себе, но связывали это с его «падением с угла избы». Следствие выяснило, что распространенной в этой местности болезнью страдает не только один Прохоров, но от нее уже умер его пятилетний сын, а также и другие члены семьи:

Кроме сего въ доме Прохорова отъ болѣзни, въ родѣ сумасшествія, умерли сестра его Аграфена, мужъ ея Поліэвктъ и его мать Прасковья, и это случилось такъ, что все они, выбѣжавъ на улицу, упали на землю и начинали кататься съ порывомъ бить. Прохоровъ до времени событія былъ кротокъ въ семействе, помогаль въ работахъ, какъ следуетъ. Изъ сего комиссія заключила, что Прохоровъ, нанесшій топоромъ раны лѣсному сторожу Капустину, былъ въ припадке сумасшествія, послѣдовавшемъ не отъ паденія съ угла избы, а отъ болѣзни «злая корча», существующей въ этой мѣстности¹¹.

Отправленного на обследование в тюремную больницу крестьянина периодически преследовали видения:

Прохоровъ по временамъ находился въ покойномъ положеніи и былъ какъ здравомыслящій, по временамъ же днемъ и ночью приходилъ въ бѣшенство, вскакивалъ съ кровати, бѣгалъ по комнатѣ съ дикимъ крикомъ или иногда съ громкими восклицаніями: «держи, держи его»¹².

При этом Костромская уголовная палата, еще не вполне уверенная в сумасшествии лично Прохорова, насчет потенциальной возможности безумия как следствия рафании (отравления спорыньей) не сомневается:

Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная въ медицинѣ «злая корча» (Raphania) обнаруживается нерѣдко судорогами и неистовымъ бредомъ¹³.

¹¹ Любавскій А. Д. Русскіе уголовные процессы. 1867. Том 3. С. 110—113.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

Как физические, так и психические проявления болезни могут присутствовать очень долго, либо пропадать со временем, но могут и возникать снова, иногда регулярно. Баргер описывал такие рецидивы:

Незначительные дефекты нервной системы, судороги и пониженный интеллект могут сохраняться в течение долгого времени у взрослых, а серьезные рецидивы происходят годы спустя после первого нападения болезни. У одного пациента чувство ползания мурашек возвращалось ежегодно в марте в течение двенадцати лет¹⁴.

Часто изменения психики при отравлении спорыньей имеют необратимый характер. У людей, перенесших эрготизм, расстройства психики сохраняются на протяжении нескольких лет. Обычно в популярных статьях упоминаются случаи, когда даже спустя семь лет у переболевшего эрготизмом не восстановились умственные способности, а также память и зрение¹⁵. Но часто дело могло обстоять значительно хуже. Об этих необратимых последствиях писали в России еще в 1845 году: «Большую частью послѣ этой болѣзни настаетъ неизлечимая падачая болѣзнь, слабоумие, или какое либо увѣье»¹⁶. Описывая последнюю эпидемию конвульсивного эрготизма в Германии (Oberhessen), Сименс отмечал такие психические расстройства как «ослабление умственной деятельности, бред и галлюцинации», причем эти нарушения оказались необратимыми¹⁷.

С необратимым слабоумием и отупением пациентов столкнулся и Реформатский, повторно обследовавший больных чуть менее чем год спустя после большой эпидемии: «У весьма многих лиц пришлось встретиться с такими тяжелыми расстройствами памяти, что получить от них более или менее подробные ответы оказалось невозможным»¹⁸.

¹⁴ Barger G. Ergot and Ergotism: A Monograph. London: Gurney and Jackson, 1931. p. 37.

¹⁵ Яблочкин И. Д. Бандала грядет // Химия и жизнь, 1994, №2. С. 63.

¹⁶ Отечественные записки. Том 38, часть 1. тип. Н. Греча, 1845 г. С. 16–18

¹⁷ Pieter W. J. van Dongen, Akosua N. J. A. de Groot. History of ergot alkaloids from ergotism to ergometrine // European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology 60 (1995) 109–116. pp. Siemens F. Psychosen beim Ergotismus (Psychosis in ergotism), Arch Psychiatr Nervenkrank 1881; 11: 108–16, 336–90.

¹⁸ Реформатский Н. Душевное разстройство при отравлении спорыньей (Болѣзнь «злая корча»). М. 1893.

При серьезных эпидемиях поражался большой процент населения. В 1907 году корреспондент Ассошиэйтед Пресс, оказавшийся в одной из охваченных эпидемией деревень Казанской губернии, обнаружил страдающих от эрготизма «в семидесяти четырех из семидесяти восьми посещенных домов». Он приводит характерный пример: «Семья человека по имени Рахматуллин может послужить наглядным образом многих других. Руки матери, шея и лицо были ужасно изуродованы. Один сын умер, другой стал идиотом, две дочери онемели. Почти в каждом посещенном доме встречались варианты этой болезни»¹⁹. Позже в том же году депутаты Государственной Думы негодовали, как вообще правительство могло закупать в Сибири зерно, в котором «оказывалось 25% примеси каких-то трав, от которых крестьяне в судорогах корчились»²⁰. В предыдущие столетия, когда о вреде спорыньи даже не догадывались, могло быть только хуже. Таким образом, при постоянном хроническом отравлении спорыней в эндемичных районах вполне прогнозируема дегенерация населения. Отдельные области могли оказаться практически заселенными массами отупевших «зомби».

В изучении нарушения интеллектуальной сферы при отравлении спорыней нам думается надлежит руководствоваться такими соображениями: 1) в одних случаях, заболеванию подвергается молодой возраст, тогда носители болезненного процесса задерживаются в своем психическом развитии и 2) заболевание развивается у сформированной личности и тогда оно разрушает интеллект²¹.

Еще ранее врач Колотинский утверждал, что эпидемии эрготизма способствуют вырождению населения, а Максудов резюмировал: «Если принять во внимание то обстоятельство, что больные корчей никогда совершенно не выздоравливают, то можно судить о том, какое большое количество неполноценных людей было результатом токсидемии, особенно, если мы примем во внимание, что рафанией заболевают чаще дети и взрослые, старики же почти не заболевают»²².

¹⁹ Famine decimating mujiks // New York Times, February 21, 1907.

²⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия II. Заседание 37. Т. 2., 1907. с. 464. (Обсуждение результатов работы продовольственной комиссии. Стенографический отчет от 11.05.1907, депутат Измайлов П. Г.)

²¹ Выясновский, 1937. С. 91.

²² Максудов Г. А. Токсидемия рафании (эрготизма) в Уральской области в 1926—27 г. // Казанский медицинский журнал № 11, ноябрь. Казань, 1927. С. 1158.

При более слабом отравлении, или же при другом наборе алкалоидов в спорынье, место психозов и деменции занимали галлюцинации. Или же последние накладывались на психоз — здесь нет четкой грани. По наблюдениям Реформатского (1893) у 30% больных из почти 3000 им обследованных наблюдалось «душевное расстройство». Были отмечены нарушения психики, зрительные и слуховые галлюцинации, видения дьяволов, огня, чудовищ, «галлюцинаторная спутанность»²³. В 1914 году врач Колосов описывал «умственное расстройство» у 27% своих пациентов²⁴.

Профессор Выясновский, изучая в 1935 году случаи «позднего» эрготизма или рецидивов заболевания после эпидемии 1926—27 гг., обратил внимание, что симптомы часто возвращаются при провоцировании определенными физическими условиями — простуда, охлаждение конечностей. Также отмечены и «свежие» психозы на базе старого отравления. Иногда первые «корчи» проходили без психических расстройств, но при первом рецидиве они уже кратковременно присутствовали, а при последующих рецидивах несколько лет спустя звуковые и визуальные галлюцинации ярко выражены²⁵.

Работа Выясновского интересна тем, что он исследует именно возвратные формы эрготизма. Возможно, некоторые случаи могли быть приняты за рецидив, хотя являлись первичным отравлением. Но надо учесть, что 1935 год был засушливым, спорыньи было не так много, и вероятность этого невелика.

Наличие галлюцинирующих зависит, как представляется, от количества и состава алкалоидов в спорынье урожая конкретного года и места. При этом иногда прослеживается обратная корреляция с проявлением физических симптомов. Описаны эпидемии с высокой смертностью, когда галлюцинации не фиксировались (возможно, впрочем, что на них просто не акцентировали внимание на фоне психозов). С другой стороны, галлюцинации и измененное сознание наблюдались в эпидемиях без смертельных исходов, как отмечено, например, в 1909 году в отчете врача Ключарева, наблюдавшего отравление спорыньей в Переславском уезде²⁶. Нижеследующее описание психиатра

²³ Реформатский, 1893.

²⁴ Barger, 1931. p. 37.

²⁵ Выясновский, 1937.

²⁶ Ключарев С. Отравление спорыньей в Кабанском участке, Переславского уезда за период времени с 1-го сентября по 31-е декабря 1909 г. // Врачебно-санитарная хроника Владимирской губернии. 1909. Декабрь. С. 2—6

В. П. Осипова было издано в 1926 году, как раз накануне большой эпидемии эрготизма на Урале.

Развитие аффектов страха и ужаса и зрительных и звуковых галлюцинаций устрашающего содержания представляется частым явлением (Реформатский), хотя, по-видимому, не все эндемии протекают в этом отношении одинаково; по крайней мере, некоторые авторы (Tuczek, Siemens) почти не встречали галлюцинаций, а имевшиеся случаи пытаются объяснить алкоголизмом больных или относят к области сновидений; однако, в наблюдениях Реформатского галлюцинации были несомненно: то больной видел пожар своего помещения и стремился убежать из него, то он ловил унесенную водою шапку; другой видел соседа, приказывающего его душить, на третьего нападала толпа; над ним смеялись, издевались; закапывали в могилу; другому угрожали бесы, требуя отречения от веры; больная слышала угрожающий голос мужа; больные вели беседы с галлюцинаторными образами и голосами, бежали от угроз, нападали и т. д. Отмечен эротический характер галлюцинаций, например, одна больная заявляла, что свекор и деверь насильно с нею «грех делают». Эротизм — вообще свойство отравления спорыньей; это видно и из поведения больных, манипулирующих со своими половыми органами. Нередко больные переживают и сновидения устрашающего содержания. Зрительные иллюзии, — больные не узнают знакомых лиц, например, мать своего ребенка, принимая его за другого.

Приступы психодвигательного возбуждения с агрессивным поведением по отношению к окружающим, достигающие степени неистовства; у иных состояние тяжелой депрессии с предсердечной тоской. В отдельных случаях психодвигательное возбуждение длится неделями. Отрывочные бредовые идеи разнообразного содержания, источником которых являются галлюцинации и настроение больных.

Душевное расстройство не всегда развивается параллельно с физическими признаками болезни и в частности с судорогами и с судорожными приступами; оно может быть выражено и без наличности последних. Приступы возбуждения с помрачением и спутанностью сознания, с обильными галлюцинациями нередко развиваются непосредственно за судорожными приступами, подобно тому, как это бывает при эпилепсии; если

это состояние проходит, то больные или не сохраняют о нем воспоминания, или оно оказывается крайне неполным²⁷.

В 30-е годы в СССР по результатам наблюдений недавних эпидемий появляется ряд работ именно о психических расстройствах при эрготизме²⁸.

Но в то же время врачи, исследовавшие вспышку эрготизма в Мозырском округе (БССР) в 1932 году, отмечали: «Что касается психических изменений при эрготизме, то вопрос о них крайне скудно освещен в литературе»²⁹. Действительно, вопрос был в те годы вполне актуален, но граница между психозом с наблюдаемыми органическими нарушениями мозга и начальными «легкими» галлюцинациями еще не была проведена. Подробную классификацию психических нарушений попытался составить в 1937 году психиатр и крупный специалист по оценке воздействия на психику различных наркотиков и токсических веществ профессор Выясновский.

Из всех тех описаний, которыми изобилует богатая литература, относящаяся к психозам, наблюдаемым при отравлении спорыньей, можно сделать следующие выводы в отношении характера психических расстройств при эрготизме, более или менее общие для всех наблюдений:

1. Наличие разных степеней расстройства сознания
2. Галлюцинаторная спутанность
3. Депрессивный симптокомплекс
4. Разные нарушения в аффективной сфере
5. Ведущие нарушения интеллектуальной сферы разных степеней слабоумия³⁰.

²⁷ Осипов В. П. Частное учение о душевных болезнях. М.—Л.: ГИЗ, 1926. С. 61—74.

²⁸ Кулик Д. О психических изменениях при эрготизме. Сов. невропатол., психиатр и психогиг. № 7, 1935. — Смородинцева Е. Психические расстройства как отдаленные последствия эрготизма. Труды Уральского психоневрологического института. Т. II. Пермь, 1935. — Слонимская В., Бедер В., Хоминский Б. Клиника и патологическая анатомия эрготизма. Труды Киевского психоневрологического института. Т. V., 1936. — Беренштейн Я., Завилянский М. К вопросу об эрготинных психозах. Труды Киевского психоневрологического института. Т. 5., 1936. и др.

²⁹ Журн. невропатологии и психиатрии, том 4, вып. 2. Медгиз., 1935. С. 113

³⁰ Выясновский, 1937. С. 67.

Выясновский и его сотрудники на своем клиническом материале идут дальше и выделяют семь групп психозов. Описываются также и случаи, трудно поддающиеся какой-либо определенной типизации. Например, у взрослых в семье начались типичные судороги, но у двух мальчиков 8 и 10 лет, питавшихся вместе со всей семьей, судорожных приступов не было. Однако проявилось своеобразное изменение психики:

Сидя за обедом, мальчики вскакивают вдруг из-за стола, подбегают к кому-либо из членов семьи, с визгом, криком и шумом хватают его за голову и начинают кричать: «давай нож, вот арбуз поспел, будем его резать». При этом они делают массу лишних движений, лица их несколько гиперемированы. Первый раз родители приняли это за шутку, и не опомнились, как один из мальчиков нанес рану ножом в голову своей сестренке. В другой раз старший мальчик, взяв удочку, привел с реки своего товарища, зацепив его крючком за щеку, со словами «вот я поймал сазана, ложи его на сковородку и жарь», причем последняя фраза была сказана с совершенно серьезным видом³¹.

Родственникам приходилось связывать мальчиков на время приступа, точно так же, как в XIX веке родные связывали вышеописанного крестьянина Прохорова.

В других случаях Выясновский отмечает симптомы искажения перспективы, больным «свои руки кажутся длинными и толстыми», «дома, улицы и заборы, находящиеся в уровень с движущимися предметами, представляются отодвинутыми, несколько вытянутыми». Вообще предметы меняют формы, «скашиваются», «изламываются» и имеют странные «чудные» очертания. Некоторые пациенты как бы находятся в необычной, «какой-то часто фантастической» обстановке, имеют смутное восприятие каких-то людей, их обрывочных действий. Больной ощущает себя и не пассивным зрителем, и не участником, его переживания «как бы обрываются на каких-то непонятных намерениях». Одной пациентке стало казаться, что рядом кто-то ездит на сивых лошадях, кругом идет война. «Этим галлюцинаторным переживаниям способствовало чувство страха, под влиянием которого больная стремилась куда-то убежать из дома». Другая больная все время пыталась куда-то бежать по чудящимся ей «крутым лестничкам». Еще один больной почти непрерывно видит «двух мужиков,

³¹ Выясновский, 1937. С. 70.

собиравшихся его душисть», другой затыкает уши ватой, чтобы не слышать «голоса вредителей», но «предоставленный самому себе вполголоса отвечает им». Больной даже передвигается с опаской: «озирается по сторонам, пристально всматривается в ту или другую сторону». Выясновский подчеркивает: «Что касается характера галлюцинаций, то во всех случаях они неприятны по содержанию, иногда „устрашающие“. Во всех случаях отмечается насыщенная эмотивная реакция больных на их галлюцинаторные переживания. В смысле участия органов чувств, воспроизводящих галлюцинаторные феномены, в наших случаях отмечается зрение и слух»³².

В этих случаях галлюцинации напоминают «бэд трип» при приеме ЛСД, но до открытия Хофманна тогда оставался еще год (или шесть до официального обнародования), и Выясновский никаких параллелей провести не мог. Но он ясно видел необходимость разделения причин возникновения психозов и галлюцинаций: «Не легко определить место психозов эрготизма в психиатрической классификации. Кажущаяся ясность генеза уступает трудности решения основного вопроса: во всех ли случаях механизм возникновения психозов один и тот же?»³³. Выясновский даже высказал гипотезу о влиянии некой внешней инфекции, ибо психозы хорошо объяснялись органическим нарушением, а сумеречное состояние сознания и галлюцинации — нет. То есть речь идет о синергизме эрготизма с каким-то еще неизвестным фактором, и само представление о природе психозов должно тогда измениться: «Здесь мы будем иметь психоз не эрготизма, а психоз у эрготика. В этом случае эрготизм будет лишь тем ложем, на котором развивается психоз, производимый другим фактором»³⁴.

Теперь же представляется (не учитывая внешнюю инфекцию, вполне, впрочем, возможную), что очень грубо психические нарушения можно разделить на два типа — 1) психозы с фиксируемыми органическими нарушениями (вызываемые, напр., эрготамином и др.) и 2) ЛСД-подобные галлюцинации без наблюдаемых органических нарушений мозга (вызываемые, напр., лизергиновой кислотой, эргоновином). Грань между этими типами достаточно расплывчата, и надо заметить, что эпидемии с большим преобладанием второго типа так и остались в истории неопознанными — ведь все видения

³² Ibid., 73–78.

³³ Ibid., 99.

³⁴ Ibid., 101.

были, по мнению современников, от бесов, а вовсе не от спорыньи. Российских кликуш (ближе к первому типу) пока также никто еще не записал в жертвы эрготизма. Никто пока не попытался исследовать с этих позиций, например, эпидемии мерячения и икотниц-покрикух³⁵.

Несмотря на то, что эрготинные психозы с сумеречным состоянием сознания и галлюцинациями давно вошли в энциклопедии, ретроспективно о психическом состоянии людей во время массовых средневековых эпидемий никто всерьез не задумывался до самых последних десятилетий. Даже после открытия ЛСД описанные уже психические изменения при отравлении спорыньей никто еще долго не проецировал на прошлое. Хотя очевидно — если люди не умирали, когда доза была меньше смертельной, то они не могли не галлюцинировать по определению. Если по условиям задачи все поголовно пьют водку и умирают, скажем, с трех бутылок, то остальные — выжившие — все равно будут пьяные. Чудес не бывает. Если все едят черный хлеб, и десятки тысяч людей умирают в эпидемию — то могло ли для остальных отравление проходить бесследно: без психозов, делирия, помрачения сознания и галлюцинаций? Если, например, в Аквитании в 944–45 гг. от эрготизма умерло около половины населения региона³⁶, то каково могло быть во время этой эпидемии психическое состояние людей? По крайней мере, трети из них, если придерживаться данных Реформатского и Колосова при условии сходного состава алкалоидов.

Только после выдвижения в последние десятилетия XX века теорий связи отравлений спорыньей с Великим страхом, с Великим религиозным возрождением, с процессом салеминых ведьм, да и вообще с истерией охоты на ведьм, ликантропией и пр., уже более часто можно встретить упоминания, например, о том, что «галлюциногенные эффекты алкалоидов спорыньи могли быть содействующим фактором необыкновенных явлений колдовства»³⁷. Но это пишет биолог, а не историк.

³⁵ Икотница (икотка) и (э)мерячение (мэнэрик, болезнь судорожных подергиваний) — нераспознанные на сегодня психические заболевания, описанные в России в XIX в. В 20-х годах XX в. эпидемии мерячения изучались Бехтеревым и секретным отделом НКВД Глеба Бокия.

³⁶ Paul L. Schiff, Jr., PhD. Ergot and Its Alkaloids. Am J Pharm Educ. 2006. October 15; 70(5): 98.

³⁷ Dickinson, M. Molecular Plant Pathology. Taylor & Francis, 2003. p. 10.

Эрготамин более токсичен, чем ЛСД, но менее галлюциногенен. Тем не менее, многие из известных видений святых людей можно объяснить эрготизмом, например, видения Жанны д'Арк и св. Иоанна»³⁸.

Опять же, авторы этой цитаты — биолог, специализирующийся в палеопатологии, и химик, а не историки. Ибо последними значительное влияние спорыньи (а также и других наркотиков: белены, белладонны, мандрагоры, алкоголя, дурмана и пр., и особенно их синергизма с алкалоидами спорыньи) на исторические события и повседневную жизнь населения Европы и России в прошедшее тысячелетие пока все еще недооценивается. А то и просто игнорируется, поскольку не встраивается в господствующие парадигмы исторических исследований.

³⁸ Sherman, Larry R.; Zimmerman, Michael R. Ergotism and Its Effects on Society and Religion // *Journal of Nutritional Immunology*, Volume 2, Issue 3, May 1994. pp. 127–136.

Глава 16

Флешбэк

— Галлюцинации? — переспросил Кеог. — Какого рода?
— Когда это было, я не сомневался, — торопливо сказал Гордон. — Это была реальность, более настоящая, более живая, чем все, что я испытывал прежде. Но сейчас... я просто не знаю. — В его глазах, устремленных к доктору Кеогу, появилась боль. — Скажу вам правду. Я не хочу терять этих видений, если это видения. Они мне дороже любой реальности. И если... если я... Боже мой!
Гордон вскочил и сделал несколько шагов, до боли сжав кулаки. Он был как человек, который вот-вот бросится со скалы, и Кеог знал, что так оно и есть. Но молча ждал.
— Мне казалось, что я... Что я жил среди звезд...

Эдмонд Гамильтон. Возвращение к звездам

По аналогии с действием известных психомиметиков в отравлениях спорыньей должен был проявляться еще один существенный аспект, на который пока никто просто не обратил внимания — известный теперь психоделический флешбэк, «обратная вспышка».

Изучавший в 1930-х годах последствия уральской эпидемии эрготизма профессор Выясновский о феномене флешбэка ничего знать еще не мог. Но он заметил, что в некоторых случаях у пациентов возвращаются не только физические симптомы заболевания, а возникают также и рецидивы галлюцинаций, иногда много времени спустя после отравления спорыньей. Объяснить такие симптомы тогда, до открытия ЛСД и изучения эффектов, связанных

с его употреблением, возможным не представлялось. Да и даже сегодня механизм флешбэка все еще не вполне ясен, но хорошо известен, хотя бы, сам феномен. Именно его, надо полагать, и наблюдал Выясновский у своих пациентов: «галлюцинаторные переживания у эрготиков появляются на сравнительно короткое время, протекают без расстройства сознания и оканчиваются выздоровлением»¹. Стало понятно, что, подобно физическим, могут возвращаться и психические симптомы заболевания.

Теперь известно, что у галлюциногенов существует такая особенность — спустя некоторое время после их приема у человека может возникнуть (или возникать периодически) спонтанное психоделическое переживание, подобное тому, которое он испытывал непосредственно под действием галлюциногена — так называемый флешбэк. Многие потребители ЛСД испытывают флешбэки, повторение определенных аспектов личного опыта, но уже без принятия препарата. Флешбэк происходит внезапно, часто без предупреждения, и может случиться в течение нескольких дней или даже более чем через год после употребления ЛСД.

Ориентировочно 20–33% из принимавших ЛСД испытывали периоды внезапного возвращения субъективных симптомов² (от 15 до 77% согласно Кульбергу³). Природа этого явления пока не раскрыта. Но если сегодняшний потребитель ЛСД, по крайней мере, в курсе проблемы, и флешбэк его не слишком пугает, то для человека прошлых веков такое психоделическое переживание от подобного действия спорыньи могло означать только «реальность» происходящего, божественную или дьявольскую — в зависимости от обстановки и установки. Средневековый крестьянин никак не смог бы и предположить, что Христос, призывающий его с небес в крестовый поход — это флешбэк. Для провоцирования массовых психозов в средневековье было достаточно, чтобы флешбэк возник всего-лишь у некоторых индукторов. Таким образом, даже если вдруг

¹ Выясновский А. Ю. Эрготизм. Классификация форм, клиника и патологическая анатомия хронического эрготизма. Пермь: Издание Психоневрологического института, 1937. С. 78.

² Henderson L. A., Glass W. J. LSD: still with us after all these years. 1994. p. 60, см. также NIDA InfoFacts: Hallucinogens — LSD, Peyote, Psilocybin, and PCP.

³ Ciraulo D. A., Kranzler H. R. Clinical manual of addiction psychopharmacology. American Psychiatric Pub, 2005. p. 221.

выдался дивный урожай, и спорыньи в хлебе вообще не оказалось (что в средние века было практически невозможно), то люди галлюцинировать могли все равно.

Поскольку вернуть ощущения трипа иногда можно с помощью флешбэка, т. е. без новой дозы галлюциногена, а только созданием подобной обстановки — музыка, цвет, молитва (и это безопасно к тому же в смысле отравления в случае спорыньи), то вот здесь могли помочь и сказочные дудочки, под которые «ноги сами в пляс идут», и яркие цвета. Не с этим ли связан феномен, отмеченный Ле Гоффом: «хорошо известно пристрастие Средневековья к сверкающим, ярким цветам»? Сам историк считает, что «это был „варварский“ вкус... но за цветовой фантазмагорией стоял страх перед мраком, жажда света, который есть спасение»⁴. Но это, конечно, не объяснение, а лишь попытка рационализировать непонятное. Никто не рассматривал средневековые галлюцинации в этом аспекте цвета по простой причине — сам факт перманентного существования галлюцинаций в привычной исторической картине мира у многих в голове не укладывается. Между тем радужные «психоделические» цвета при приеме ЛСД всем хорошо известны по изображениям на тысячах иллюстраций. И здесь самое время вспомнить знаменитую средневековую легенду — «Радужного Крысолова» или «Пестрого дудочника», уведшего за собой полчище крыс (или галлюцинаций крыс) и детей. Крысы по легенде бросились в реку и утонули, подобно тому, как прыгая в реки и колодцы, находили свою смерть пытающиеся затушить огонь св. Антония жертвы отравлений. Но есть еще и определенная физическая компонента — при эрготизме возникает катаракта. То есть хроническое отравление спорыньей вызывает помутнение хрусталика, определенную «тусклость» зрения и «желтизну» цветов, что тоже может сказаться на желании видеть яркие цвета.

Когда умер св. Эдмонд Кентерберийский, «от него внезапно вышла светящаяся роса и его лицо окрасилось прекрасным розовым цветом». В трактате «Светильник» уточняется, что во время Страшного суда тела воскресших святых будут разного цвета в зависимости от того, были ли они мучениками, исповедниками или девственницами⁵.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: «Прогресс», 1992. С. 312.

⁵ Ibid., 313.

Людьми средневековья владело стремление к разноцветности, даже средневековые шоссы — штаны-чулки, часто составлялись из тканей разных цветов, и одна нога могла быть одета в полосатую штанину, например, желтую и зеленую, а другая — быть целиком красной. Средневековая жизнь пропитана этим — одежда из разноцветных лоскутьев, эстетика менестрелей, неудержимое притяжение радуги, «кабошоны, которые вправляли в переплеты, блеск золота и серебра, многоцветие статуй и живописи на стенах церквей и богатых жилищ, магия витражей... В готических соборах стены стали пробуравливаться, потоки света, расцвеченного витражами, хлынули внутрь»⁶.

На влияние цвета также обратил внимание Олдос Хаксли, придумавший термин «психоделика». Он предполагал, что средневековые витражи появились неспроста. Нет, о спорынье Хаксли, конечно, даже не задумывался, хотя принимал и описывал действие ЛСД, а его эссе на эту тему стали культовыми. Это привычная ситуация, когда не видно того, что, казалось бы, лежит совсем рядом. Хаксли наделял драгоценные камни силой, способной вызывать видения, но та же сила, по его мнению, была и у витражей. В своем эссе «Рай и Ад» (1956) он писал: «Стекло едва ли менее эффективно в качестве средства, вызывающего видения, чем естественные драгоценности. В определенных отношениях оно, на самом деле, даже более эффективно по той простой причине, что его больше. Благодаря стеклу целое здание — церковь Сен-Шапель, например, соборы Шартра и Сена — может быть превращено в нечто волшебное и транспортирующее. Благодаря стеклу Паоло Уччелло мог создать свою драгоценность в форме круга тринадцати футов в диаметре — огромное окно Воскрешения, вероятно, самое необычное произведение, вызывающее видения, из всех, когда-либо созданных. Для людей Средневековья — это очевидно — духовидческий опыт был в высшей степени ценен. Настолько действительно ценен, что они готовы были платить за него трудно заработанными деньгами. В двенадцатом веке в церквях были установлены копилки на создание и поддержание цветных витражей. Сугер, аббат Сен-Дени, сообщает нам, что они всегда были полны».

О флешбэке Хаксли еще не знал. Была ли эта мода на цветные витражи случайностью, или мы можем предположить, что в ней

⁶ Ibid., pp. 312–313.

находило свое отражение подсознательное стремление к ранее пережитым ощущениям, к возвращению того мистического опыта, с которым познакомился и сам Олдос Хаксли во время приема галлюциногенов? Случайно ли, как он пишет, именно «в четырнадцатом веке цвет уступил место гризалию, и окна перестали вызывать видения»? Эти вопросы спекулятивны, но от присущей тем временам магии цвета нам никуда не уйти. И мы знаем, что как раз в XIV веке, после «черной смерти», огонь св. Антония на время немного подзатух. Заметили эту странность давно, еще в XIX веке врач и историк медицины Генрих Гезер писал: «С 1347 года, за год до начала черной смерти в Европе, священный огонь исчезает из сообщений летописцев»⁷. Также начала исчезать и проказа. Гипотезы о связи и возможной синергии этих заболеваний тоже возникли давно. Можно добавить к этому и мысли Хаксли о том, что в это время «окна перестали вызывать видения».

В XVI веке огонь св. Антония разгорелся с новой силой. Вернулись и галлюцинации. Не просто так средневековые гравюры изображали в небе огненные шары, которые видели в некоторых немецких городах (уфологи, конечно, считают это изображениями НЛО). Подобные огненные шары или столбы наблюдали как пациенты Реформатского, так и отравившиеся жители Пон-Сен-Эспри. Не случайно радужные облака плавали перед глазами заболевших и во Франции:

В 1758 г. Джозеф Раулин, врач из Парижа, написал о болезни, которую он назвал «парами», и жертвы которой проявляли все симптомы дистонии эрготизма. «Облака разных цветов», пишет он, «появляются перед глазами как радуга» — то есть жертвы галлюцинировали, — но Раулин тоже не замечает связь с зараженной рожью⁸.

Также нельзя не учитывать синергизм галлюциногенов с такими распространенными в то время веществами, как белена, мандрагора, марихуана, алкоголь и пр. Известная католическая святая Хильдегарда Бингенская еще в XII веке не только описывала мандрагору, но и рекомендовала марихуану как лекарственное средство для «уменьшения количества дурных жидкостей». Возможно,

⁷ Haeser, Heinrich. *Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten*: Bd. *Geschichte der epidemischen Krankheiten*, 1865. p. 97.

⁸ Matossian M. K. *Poisons of the Past: Molds, Epidemics and History*. Yale University Press, 1989. p. 83.

что знаменитые экстатические видения святой были вызваны именно наложением действия рекламируемых ей марихуаны и мандрагоры на хроническое отравление спорыньей.

Во время видений Хильдегарды народ по другую сторону Рейна страдал от вспышек эрготизма, или огня св. Антония из-за испорченной ржи. Эрготизм проявляется отмиранием тканей в конечностях в результате сокращения кровеносных сосудов в ногах и руках. Предполагается, что на той стороне могучей реки, где расположен Бинген, испорченный урожай приводил к увеличению признаков мигрени у пострадавших. У Хильдегарды, наряду с некоторыми из проживающих по соседству, в течение этого времени возникали видения. Некоторые из этих видений могли быть связаны с психическими последствиями отравления спорыньей. Галлюцинации — обычное явление у эрготиков⁹.

В аспекте синергизма мандрагора и алкоголь представляли большую опасность. Мандрагора использовалась непосредственно для лечения эрготизма, а алкоголь в отсутствие безопасной кипяченой воды потреблялся постоянно даже детьми. Для них монахи-иезуиты варили особое «малое пиво» с уменьшенной крепостью (2,5% вместо обычных 5%).¹⁰ Также теперь известно, что синергизм психodelиков с марихуаной многократно повышает возможность возникновения флешбэков, то есть неожиданно возникающих галлюцинаторных состояний даже при отсутствии непосредственно галлюциногена.

Таким образом, есть основания считать, что в средневековые галлюцинации могли возникать спонтанно даже в неурожайные на спорынью годы.

⁹ Seymour D, Franklin M. A. Headache Through the Ages. 2005. p. 45

¹⁰ Unger R. W. Beer in the Middle Ages and the Renaissance. University of Pennsylvania Press, 2007. p. 186.

Глава 17

Крики мандрагоры

Допрос продолжался; вопросы и ответы звучали как сабельные удары.

— Вы отрицали, что растения могут говорить.

— Ничуть. Но для этого нужно, чтобы они росли под виселицей.

— Признаете вы, что мандрагора кричит?

— Нет, но она поет.

Виктор Гюго. Человек, который смеется

Непонятные загадочные плоды на картинах Босха — это мандрагора. Так утверждала три десятилетия назад историк искусства Лауринда Диксон¹. И она была права: многочисленные красные фрукты на картинах Босха — это действительно мандрагора — главное лечебное и колдовское средство средневековья. Можно, конечно, высказаться осторожней — таинственный фрукт на картинах *похож* на мандрагору. Но практически нет сомнений, что это она и есть. И вот почему — связь мандрагоры с видениями святого Антония и с его «огнем» была в то время очень плотной. Мистическая мандрагора, известная как «цветок ведьмы» или «цветок виселицы», — также сильный галлюциноген и одновременно лекарство от «огневицы».

Энциклопедии стандартно сообщают нам, что корни мандрагоры часто напоминают человеческую фигуру, и «видимо, поэтому

¹ Dixon L. S., Bosch's 'St. Anthony Triptych — An Apothecary's Apotheosis // Art Journal, Vol. 44, N2, Summer 1984, pp. 119–131.

мандрагоре в древности приписывали магическую силу» (БЭС). Нет, не только поэтому. «Магическая сила» в мандрагоре присутствует вне зависимости от формы корня. Арабы называли эти плоды «яблоками дьявола» из-за вызываемых ими возбуждающих снов. В Аравии было распространено поверье, что ночью мандрагора светится, в связи с чем ее называли «свечой дьявола». В еврейском символизме мандрагора обладает волшебной силой и применяется при колдовстве. Глубокие корни имеет вера в возбуждающую силу мандрагоры и ее роль в зачатии плода: достаточно вспомнить библейское предание о мандрагоровых яблоках, которыми пользуются для зачатия Лия и Рахиль (Быт. 30:14–23). У Гомера в десятой песне «Одиссеи» мандрагора — это, похоже, данный Гермесом волшебный корень Моли, спасающий Одиссея от превращения в свинью колдуньей Киркой (Цирцеей):

Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;
Моли его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли,
Но богам все возможно.

Европа средних веков была просто одержима мандрагорой. Считалось, что мандрагора растет только на могилах и местах казни. Корень мандрагоры даже в книгах XV века изображался в виде фигуры человека, поскольку все верили, что мандрагора произрастает из пролившегося семени повешенного. Недостатка виселиц в Европе тогда не наблюдалось, и сперма казненных оплодотворяла землю регулярно. Европейцы часто видели это на многочисленных казнях — такова уж человеческая биология, как писал Гроф: «Хорошо известно также, что у мужчин, умирающих на виселице от удушья, как правило, наблюдается эрекция и даже семяизвержение»². А из оплодотворенной земли, как Адам из глины, в корне мандрагоры заводился маленький человечек — альраун. Германское предание об альрауне появилось в средние века во время крестовых походов, и с тех пор в европейском фольклоре поселился маленький человечек, вроде гомункула, порождаемый корнем мандрагоры. Альраун — оборотень и способен, как и ведьмы, превращаться в кошку. Еще его называли мандрагор или адамова голова, поскольку считалось, что мандрагор

² Гроф С. Психология будущего. М.: АСТ, 2001.

«вылепляется» из той же самой земли из которой Бог слепил Адама³. Можно отметить, что на картинах, крестах и образах под крестом Христа, тоже умершего (если забыть о копье сотника) от асфиксии (удушья), как и все распинаемые, присутствует голова Адама, так и обозначаемая в православной традиции — ГА. Считается, что череп Адама под крестом символизирует победу над смертью. Но спекуляции на эту тему уведут нас слишком далеко, так что вернемся непосредственно к мандрагоре, изображенной поэтом вполне согласно средневековым представлениям:

Цветок Мандрагора из могил расцветает
Над гробами зарытых возле виселиц черных,
Мертвый соками тленья Мандрагору питает —
И она расцветает в травах диких и сорных.
(И. Бунин. Мандрагора, 1907)

Казалось бы, мандрагора должна была расти кругом, куда не взглянешь, под каждой виселицей — но не тут-то было, она пряталась от людей под землю. В начале прошлого века немецкий писатель-мистик Ханс Хейнц Эверс в своем романе «Альрауне», который принес ему мировую славу, описывал поиски корня так: «Преступник, распятый обнаженным на кресте, теряет свое последнее семя в тот момент, когда у него ломается позвоночный столб. Это семя падает на землю и оплодотворяет ее: из нее вырастает альраун, маленький человечек, мужчина или женщина. Ночью отправлялись на поиски его. В полночь заступ опускался в землю под виселицей».

Впрочем, согласно средневековому фольклору, и заступ не мог помочь добыть корень-человечка, ибо самому выкапывать этот корень было нельзя, смельчак подвергался смертельной опасности. Чтобы вырвать корень, нужно было стать лицом к западу, склониться в направлении заходящего солнца, очертить место три раза ножом и молиться теллурическим силам, пытаясь уберечься от зловещих эманаций. Лучше всего было, как считалось еще с древних времен, привязать растение к хвосту черной собаки и заставить ее вырвать корень. При этом будто бы раздавался ужасный, непереносимый для человека, стон умирающей мандрагоры. Во избежание этого человек должен был залепить уши воском. Собака же, вырвав корень и услышав крик мандрагоры,

³ Smith, G. Elliot. Evolution of the Dragon, 1919. p. 196.

немедленно издыхала. Если человек пытался вырвать мандрагору сам, то он также погибал или же сходил с ума, как описывал Шекспир в «Ромео и Джульетте»:

Кругом ужасный смрад, глухие стоны,
Похожие на стоны мандрагоры,
Когда ее с корнями вырывают, —
Тот звук ввергает смертного в безумье...

Раз самому добыть корень мандрагоры представлялось практически невозможным (кроме описанных страшных поверий, хотя бы просто потому, что сколько с заступом под виселицей не бегай, но мандрагора растет по берегам Средиземного моря, много ее в Калабрии на Сицилии, а вовсе не в Германии или Нидерландах), то тут же появились торговцы, его предлагающие. Странствующие монахи наряжали эти корни в цветные лоскутки, как кукол, и продавали их отнюдь не дешево. Считалось, что корень мандрагоры дает обладателю молодость, может привораживать возлюбленных, а также помогает от бесплодия, усиливает мужскую потенцию, приносит богатство и помогает разыскивать зарытые клады. В части богатства мнение было, очевидно, вполне справедливым — торговцы мандрагорой могли бы нам это, наверное, подтвердить. Долгое время считалось, что мандрагора может сделать человека невидимым, за что ее любили воров как альтернативу широко распространенным свечкам из жира убитых младенцев. В поверьях мандрагора была также плотно связана с нечистой силой, дьяволом и ведьмами. Думали, что с помощью мандрагоры колдуньи могут лишить человека красоты и рассудка, навести порчу, причинить вред. Позже мандрагору стали называть «цветком ведьмы», и ведьмы действительно использовали ее в «ведьминых мазях» как сильнодействующий галлюциноген. Одним из обвинений в колдовстве, которые суд предъявлял Жанне д'Арк, было то, что она обладала корнем мандрагоры, который носила с собой. Святая Хильдегарда Бингенская в XII веке видела силу мандрагоры в сходстве корня с человечком, и считала, что именно по причине этого сходства мандрагора легче других растений поддается влиянию дьявола и его козней.

В действительности «дьявол» скрывался в другом — мандрагора, как представитель пасленовых, содержит несколько ядовитых, но и психоактивных алкалоидов (атропин, гиосциамин, мандрагорин, скополамин), которые могут вызывать галлюцинации и глубокие

изменения состояния сознания. По фармакологической активности экстракты корней мандрагоры близки к белладонне, белене, дурману. Непоправимый вред, который может быть результатом употребления мандрагоры: потеря памяти, когнитивные нарушения.

Атропин и скополамин являются веществами, блокирующими ацетилхолиновые рецепторы в мозге. Хотя в низких дозах их используют в медицинских целях, в высоких дозах они обладают галлюциногенным эффектом. Их можно найти во многих растениях, произрастающих по всему миру, они имеют длительную историю употребления. Несколько веков до н. э. растения, содержащие скополамин, употреблялись древними греками в процессе гадания в Дельфах. В средние века из них варили свои снадобья знахари. Такие растения как белладонна, мандрагора, белена, произрастающие в Европе, а также представители рода дурмана, произрастающие в Америке, едят из-за их галлюциногенных свойств. Хотя теперь эти вещества не употребляются знахарями, по-видимому, они продолжают входить в состав порошка, делающего из человека зомби на Гаити⁴.

Тем не менее в Европе также считалось, что мандрагора может помогать от одержимости. Полагали, что сок мандрагоры — лучшее средство от демонов и дьявола, если данные сущности вселились в человека. Это противоречие в восприятии мандрагоры обычно остается незамеченным, но для нас оно интересно. Если мы знаем, что под действием спорыньи «дьявол» вселялся в человека — ведь все болезни от бесов, да и поведение больного, психозы и галлюцинации сомнений в этом не оставляли — то могла ли помогать от такой «одержимости» мандрагора? Могла ли она затушить огонь святого Антония и остановить пляски Витта? Да, она могла облегчить физические страдания от отравления спорыньей. Малоизвестно, но именно мандрагора служила средством борьбы с эрготизмом. Этим, отчасти, и можно объяснить ее популярность в Европе. Возможно, оторванные кисти рук на изображении мандрагоры из Аугсбургского травника XVI века (1520 — 1530 гг., Библиотека федеральной земли Бавария) как раз и намекают на отвалившиеся от эрготизма члены. Впрочем, эти руки могут оказаться просто изображением так называемой «руки славы» — отрезанной руки преступника. Из таких рук в средние века

⁴ Соломзес Дж. А., Чебурсон В., Соколовский Г. Наркотики и общество. М.: Иллойн, 1998.

изготавливали магические воровские свечи с жиром того же преступника и фитилем из его же волос. Но эти моменты могут оказаться и взаимосвязанными — французская «рука славы», *la main de gloire* — это и есть искаженное *la mandragore*. А руки в те времена не только отрубали — от «огненной чумы» они отваливались сами.

Диксон пишет, что для лечения огня св. Антония тогда применялось лекарство, включающее 2/3 смертельной дозы (50—200 мг) мандрагоры, «сильного наркотика и обезболивающего средства, которое также имеет сосудорасширяющие свойства». Алкалоиды содержатся и в плодах, и в корне мандрагоры. Вино из мандрагоры использовалось, чтобы облегчить симптомы святого огня, а также подготовить пациентов к операции. И это, фактически, срабатывало. Но проблема с мандрагорой как раз состояла в том, что она является галлюциногеном еще более сильным, чем спорынья. Получается, что уже галлюцинирующим пациентам давали еще больше галлюциногена⁵.

Более чем вероятно, что мандрагора и есть то таинственное снадобье, которое использовали антониты для борьбы со «священным огнем», и состав которого считается утерянным. Но утеря этого рецепта, о котором много пишут врачи и историки — практически миф, ибо и в XX веке с эрготизмом по-прежнему продолжали бороться все тем же скополамином, который входит в состав алкалоидов мандрагоры. «При конвульсивной форме применяются противосудорожные средства (хлоралгидрат, скополамин)», — сообщает нам советская Большая медицинская энциклопедия⁶. Собственно, скополамин и сегодня иногда применяют в психиатрической практике в качестве успокаивающего средства, а в неврологической — для лечения паркинсонизма. Противопоказания к его применению есть в любом медицинском справочнике — отмечается, что необходимо учитывать весьма широкое различие в индивидуальной чувствительности к скополамину: относительно часто обычные дозы вызывают не успокоение, а возбуждение, галлюцинации и другие побочные явления, а «пожилым скополамин назначают с большой осторожностью из-за опасности развития психоза»⁷.

⁵ Dixon, op. cit.

⁶ Большая медицинская энциклопедия. Том 35. М.: ОГИЗ РСФСР, 1936. С. 299—300.

⁷ Вейс Г. Неврология / Под редакцией М. Самуэльса. Пер. с англ. М.: Практика, 1997.

Голландские врачи, авторы статьи «История алкалоидов спорыньи», утверждают, что сок яблока мандрагоры также использовался для обезболивания, но передозировки часто вызвали преждевременную смерть, отсюда и прозвище «яблоко дьявола». Сок содержал два алкалоида, те же, что и в белладонне, гиосциамин и гиосцин с парасимпатическими свойствами мидриаза (расширения зрачка) и брадикардией, но также и с визуальными галлюцинациями, особенно чувством полета⁸. Так что ведьмы в средние века «летали» далеко не только из-за спорыньи, но и из-за лечебного средства против нее же.

«Священный огонь», несомненно, рассматривался как очень горячая болезнь, поддающаяся лечению охлаждающими эликсирами, такими как вино с редкими и дорогостоящими компонентами, рыбой и водой, чертополохом, яблоком или корнем мандрагоры... Поэтому больные эрготизмом дважды попадали под воздействие галлюцинаций: сначала от алкалоидов спорыньи, а затем от алкалоидов мандрагоры⁹.

Применение мандрагоры против огня святого Антония было вполне оправдано для физического аспекта ее действия, ибо настой мандрагоры, действительно, оказывает сосудорасширяющее действие, противоположное действию алкалоидов спорыньи. Но с галлюциногенными свойствами ситуация складывалась точно наоборот. Тут вместо выбивания клина клином или лечения подобного подобным, как, возможно, считали средневековые «гомеопаты», происходило многократное увеличение галлюциногенного действия алкалоидов спорыньи, хотя сама по себе в малых дозах мандрагора иногда могла уменьшать страх и депрессии. В большой, наоборот, их увеличивала.

Надо заметить, что другие ордены и священники, вероятно, либо тайны мандрагоры не знали, либо же хранили ее и боролись с распространением знания подобно тому, как в Греции преследовалось несанкционированное владение снадобьем элевсинских мистерий. Борьба с использованием мандрагоры была вызвана в основном тем, что она входила в число часто упоминаемых в «колдовских» рецептах средневековья снадобий. Хейзинга пишет о проповедях против мандрагоры, отделяя их от дискурса охоты на ведьм:

⁸ Pieter W. J. van Dongen, Akosua N. J. A. de Groot. History of ergot alkaloids from ergotism to ergometrine // *European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology* 60 (1995). pp. 109–116.

⁹ Ibid.

Вне жуткой сферы преследований ведьм Церковь боролась с суевериями, прибегая к средствам целительным и умеренным. Проповедник брат Ришар велит своим слушателям принести и сжечь «*madagoïres*» (корни мандрагоры, альраунов)¹⁰.

Но не была ли эта борьба с мандрагорой как раз одним из аспектов преследования ведьм? Возможно, что ведьмы, изготавливая свои «колдовские мази», часто вовсе не стремились получить наркотическое зелье, как считается, а всего лишь изготавливали «противоядие» против спорыньи, нарушая тем самым монополию ордена святого Антония на излечение болезни и лишая антонитов (соответственно, и папу) серьезной прибыли от пожертвований вылечившихся и от завещаемого имущества умирающих пациентов.

Уже к XV в. мандрагора исчезла из европейских аптек и стала настоящей редкостью. Все чаще стали появляться подделки: из корней других растений подбирали похожих на маленьких человечков. В их «голову» вставляли зерна проса или ячменя и закапывали во влажный песок. После того, как зерна прорастали, и голова такого корня покрывалась «волосами» зеленого цвета, форма его приобретала еще большее сходство с фигурой человека. Такие фигурки наряжали в яркие одежды и продавали на рынке за большие деньги под видом корня мандрагоры, который использовали в магическом врачевании¹¹.

Можно предположить, что одним из факторов охоты на ведьм могло быть и такое рациональное зерно: мандрагора не перестала расти на юге, но ее стало опасно продавать открыто. Тайна бальзама св. Антония не потерялась, как обычно считается (забыть рецепт одновременно в четырех сотнях госпиталей ордена невозможно) — она просто перестала быть тайной. У антонитов появились конкуренты в лице колдуний-знахарок. Во всяком случае, встречались обвинения ведьм непосредственно во владении мандрагорой. Находились ли под действием веществ сами судьи, на полном серьезе разбирающие подобные обвинения, или это просто особенности ментальности того времени, или же поддержка монополии — вопрос открытый:

¹⁰ Хейзинга Й. Осень Средневековья (1919) Соч. в 3-х тт. Т. 1. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 245.

¹¹ Марчукова, С. М. Медицина в зеркале истории. СПб.: Европейский Дом, 2003.

Ответ я нашел в печальной истории процессов над ведьмами; в июне 1603 года парижский парламент приговорил к смерти женщину по имени Маргарита Буше. Против нее было выдвинуто обвинение, что она содержала дьявольское существо, живую мандрагору, кормила и ухаживала за ней. Несчастная женщина под пытками созналась, что обвинение истинно, Мандрагору ей поручил ее прежний хозяин. Гнусный безобразный карлик, совсем как обезьянка...¹²

Надо заметить, далеко не все монастыри антонитов, по крайней мере в Германии, пережили XVI век, некоторые разорились и закрылись. И это именно тогда, когда эпидемии эрготизма вспыхнули с новой силой. С другой стороны, это и время Реформации, так что факторы действовали разные. Но если мандрагора ушла в народ, и ее эффекты стали более широко накладываться на перманентное отравление спорыньей, то можно себе представить состояние населения в период Реформации.

Эффект синергизма психodelиков известен. В современной Голландии, где до 2008 года свободно продавались галлюциногенные грибы, на их упаковках или в прилагаемых руководствах обязательно было прописано, что их нельзя потреблять вместе даже с относительно слабой марихуаной, которая легально продается там же в кафе. В конце 2007 года продажа свежих галлюциногенных грибов в Голландии была запрещена. Представитель министерства юстиции Нидерландов Вим ван дер Вееген сообщил о причине запрета: «Проблема с грибами в том, что их воздействие нельзя предсказать. Невозможно оценить, какой эффект будет достигнут при употреблении того или иного количества грибов»¹³.

При синергизме с марихуаной эффект тем более непредсказуем. А уж прием грибов или других галлюциногенов вместе с алкоголем — это просто ночной кошмар любителя трипов. В случае же средневековых отравлений спорыньей на эргоалкалоиды накладывалось лечебное вино из мандрагоры.

Мандрагора — это практически всегда «бэд трип». Под действием ее холинолитических веществ можно увидеть что угодно и ни на секунду не усомниться в реальности увиденного. Трип не контролируем, это именно истинные галлюцинации — собирать грибы

¹² Рат-Вег И. История человеческой глупости (1938). М.: Феникс, 1996.

¹³ Голландия запрещает «волшебные» грибы. ВВС, 12 октября 2007.

на ковре, курить несуществующую сигарету и т. д. Ниже приведены характерные отрывки из анонимных отчетов в интернете.

Из эксперимента 35-летнего мужчины, решившего попробовать принять скополамин:

Спустя час: человек начал бредить. Упадок сил, заканчивающийся неуклюжей ходьбой. Ускоренное сердцебиение.

Спустя 2 часа: полный упадок сил. Человек может только ползать, плохо воспринимает на слух, зрачки чудовищно расширены. Цвета воспринимаются ярко, как после употребления гашиша. Текст кажется расплывчатым. Ориентация нарушена.

Спустя 3 часа: стены дышат, окружающие объекты стали живыми, приобретя кошмарный вид. Реальность полностью искажена, только галлюцинации.

Спустя 4 часа: сил вообще не осталось. Чтобы поднять палец, кажется, что нужно приложить сверхчеловеческие усилия. Человек чувствует, что какая-то сила придавливает его к кровати, парализуя его. Реальность заполнена «живыми» формами и расплывчатыми пятнами. Горло пересохло, язык как будто в песке вывалился. Человек не понимает, где он, кто он, не знает, живой ли он.

Другой алкалоид мандрагоры, атропин, усиливает дыхание, в высоких дозах стимулирует кору головного мозга, вызывает психомоторное возбуждение, зрительные (яркие, устрашающие) галлюцинации, беспокойство, бред и эпилептиформные судороги с последующей потерей сознания. Схожи и эффекты гиосциамина, добавляя припадки безумия, умопомешательство, ослабление мышления. Как может действовать корень мандрагоры в целом, видно из следующего отчета:

Опыт принятия корня мандрагоры (трип-репорт про мандрагору)
Маленький кусочек диктофонной пленки записанной во время мандрагора-трипа (участники ЕМ, Ян):

ЕМ: — Вот черт, становиться жарко.

Ян: — Ну, все как в прошлый раз.

ЕМ: — Ага. Не, не могу, пора футболочку снимать.

Ян: — Роба у тебя красная.

ЕМ — Да пошел ты!

(Смех)

ЕМ: — Слушай, Ян, тебе не кажется, что горелым пахнет?

Ян: — Все в норме.

ЕМ: — (в голосе растущее беспокойство) Ян, где ты? Я не вижу тебя, перед глазами муть. Ян, гнида — кончай эти игры. Где ты? Ян: — Да тут я, тут. Успокойся, сядь. Дыши. Ты меня слышишь? На меня посмотри, посмотри на меня...

ЕМ: — Ян, не молчи. Ян — пожар. Точняк, горим. Уходим. Где ключ от двери. Ты где? Урод, ты меня закрыл, я сгораю тут.

Ян: — Тихо, тихо. Воды хочешь? Упокойся. Я буду говорить, слушай мой голос. Хватайся за мой голос. Слушай только меня.

(По словам Яна, в это время я бегал по комнате с закрытыми глазами, бился об дверь, и орал в полный голос)

ЕМ: — Все, пошли вы все! Уроды. Ненавижу. Как же жарко. Ян, сволочь, выпусти меня отсюда. Ну давай, (всхлипывания), давай гад.

Ян: — Расскажи что ты видишь? расскажи что ты видишь? расскажи что ты видишь? расскажи что ты видишь? расскажи что ты видишь?

ЕМ: — (в голосе отчетливо сквозит истерия) Огонь. Повсюду огонь. ААААААА. Огонь.

Ян: — Огонь где? Где ты по отношению к огню?

ЕМ: — Везде, везде огонь. Жарко. Огонь на стенах, везде. Везде.

Ян: — Где ты по отношению к огню? Я буду говорить, слушай мой голос. Где ты по отношению к огню?

ЕМ: — Я не знаю, тут жарко. Тут огонь. Огонь. (крик)

ЕМ: — Змеи, откуда здесь змеи, пошли прочь. Уберите их...

Ян: — Где змеи? Ты не боишься змей.

ЕМ: — Они из ОГНЯ. (крик) Убирайтесь. (крик)

(По словам Яна тут со мной случилось что-то типа эпилептического припадка, в течение которого я выкрикивал «огонь» и некие нечленораздельные звуки вместе с хрипами и шипением. Он продолжался минуты три, сопровождался судорогами и конвульсиями. И завершился. Полнейшим успокоением.)

Как Вы понимаете, тут маленький кусочек трипа, который был настоящим помешательством.

Что могло получаться в прошлые века от наложения галлюцинаций от спорыньи на впечатляющие эффекты от употребления мандрагоры? Вряд ли найдется много желающих побывать в этом пласте средневековой реальности. Но именно в таких условиях развивалась безумная охота на ведьм.

Глава 18

Ламии доктора Мюллера

Практика борьбы с ведьмами инквизиторов Якова Шпренгера и Генриха Крамера (Инститориса) стала источником вдохновения не только для их печально знаменитого «Молота ведьм». В старом городе Констанце, что при истоке Рейна из Боденского озера, и где в начале того же XV века вместе со своими трудами уже был сожжен чешский мыслитель Ян Гус, за работой инквизиторов с интересом следил доктор права Падуанского и профессор Констанцкого университетов Ульрих Мюллер, более известный под латинизированной фамилией Молитор.

Ведовство пришло в Германию поздно, и до 70–80-х гг. XVI в. процессы против ведьм отнюдь не были часты. В других европейских странах ведьм судили с XV столетия, в особенности в Южной Франции и в альпийских областях Италии, откуда явление перетекло во французские Альпы, Швейцарию и Тироль. Профессор юриспруденции в Констанце Ульрих Молитор адресовал эрцгерцогу Сигизмунду Австрийскому книгу о ведовстве, материалом для которой послужили преследования ведьм инквизитором Генрихом Инсисторисом в Тироле с августа по октябрь 1485 г.¹

Изданный впервые в 1488 или в 1489 году (точно неизвестно), трактат Ульриха Молитора «О ламиях» (*De laniis et phitonicis mulieribus*) перепечатывался 16 раз до 1500 года на латыни и немецком, и до конца

¹ Горелов Н. Бич и молот. Охота на ведьм в XVI–XVIII веках. М.: Азбука-классика, 2005.

XV века превосходил по популярности сам «Молот ведьм». Книга построена как диалог, в котором обсуждались актуальные в то время вопросы: могут ли ведьмы и чародеи принимать другие формы, вредить младенцам, вызывать половое бессилие, предсказывать будущее, и могут ли от совокупления с демоном рождаться дети. Трактат обычно был снабжен шестью иллюстрациями (иногда их было больше или меньше), которые несколько отличаются от издания к изданию. Одна из гравюр, иллюстрирующих вред ведьм, довольно характерна. Обычно она описывается как «Ведьма-лучница, чьи магические стрелы поражают соседей»².

Molitoris, Ulricus.
De laniis et phitoniceis mulieribus.
Strassburg: Johann Prüss, 1489

Эту известную гравюру сейчас можно заказать во множестве печатных фирм в интернете. Называется она «Ведьма околдовывает ореховой стрелой» или «Колдунья наводит порчу на ногу крестьянина». Но что это за «порча», и почему ведьма стреляет именно в ногу?

Историки и искусствоведы об этом мало задумывались. Точнее, не задумывались вовсе. Ведь и так все понятно — ведьма приносит вред по определению. Века господства демонологии не прошли даром. Ну а если такой вопрос все же кому-нибудь пришел бы в голову? Ответ, надо заметить, лежит на поверхности — стоит лишь заглянуть в таблицу Гирша³. За два года до выхода книги Молитора Германия оказалась широко поражена эрготизмом, причем его гангренозной формой, которой там уже давно практически не было (более ранние

² Kors, Alan Charles; Peters, Edward. *Witchcraft in Europe, 400–1700: a documentary history*. University of Pennsylvania Press, 2001. p. 147.

³ Hirsch, August, *Handbook Of Geographical And Historical Pathology*. London, 1883. p. 205.

эпидемии Гиршем не отмечены, но он упускает пляски св. Витта). В некоторых изданиях трактата Молитора (обычно Иоганна Отмара или Иоганна Прюсса) крестьянин на гравюре ничего в левой руке не держит, а его пальцы и кисти рук выглядят очень характерно для симптомов «злой корчи» («руки загибаются ладонями внутрь, пальцы корчатся»⁴), да и целится ведьма направленно именно в ступню. А ступни при огне св. Антония поражаются обычно в первую очередь. Вероятно, болезнь развивалась в переходной форме к гангренозной.

Широкое распространение эпидемии 1486 года подразумевает, что с первой зафиксированной эпидемии IX века спорынья в Германии крепко прижилась. Паразитный грибок не мог появиться сразу на всей территории внезапно и неожиданно. Но, постепенно распространяясь, он приводил к небольшим вспышкам заболевания, которые остались хронистами не отмеченными, к пляске св. Витта, которую некоторые ошибочно с эрготизмом не связывают, а также к психозам и галлюцинациям, что, скорее всего, как раз и могло явиться поводом к мыслям об охватившем страну колдовстве. Вероятно, не случайно годом раньше инквизитор Крамер искал ведьм в Тироле именно с августа по октябрь. При этом про обвинения ведьм, например, во Франции мы можем иногда прочитать: «Некоторых из них обвиняли в смерти людей и животных от эрготизма — болезни, которую вызывает употребление в пищу зараженного зерна, что часто случалось во Франции XVI—XVII вв.»⁵, а в Германии такие обвинения не были распространены. Хотя ситуация была схожей, но в Германии болезнь чаще проявлялась в виде конвульсий, а ведьм стали обвинять позже — только когда демонологические работы, подобные трактату Молитора, сформировали определенные стереотипы.

Но действительно ли ведьма на гравюре насылает порчу, как принято считать, или это просто проекция дискурса самого демонологического трактата? Демонология еще не была развита, ее собственный понятийный аппарат не разработан, образы злых колдуний народу еще не привиты. Похоже, что сюжеты гравюр взяты оформителями

⁴ Герхардт, Карл Адольф Христиан Якоб. Практическое руководство к го-
меопатической медицинѣ, доктора медицины Адольфа фон Герхардта: пе-
реведено заново с послѣдняго, значительно дополненнаго и исправленнаго
нѣмецкаго изданія. Изданіе 2-ое, А. Форбрикнера. М. Катковъ, 1883. С. 131.

⁵ Горелов, 2001. С. 147.

книги Молитора напрямую из средневековых дьяблерий, спектаклей с ряжеными бесами. Дьяблерии были неотъемлемой частью мистериального представления, они импровизировались, носили резко выраженный карнавальный характер и обладали известной степенью легальности. Причем иногда «чертям» предоставлялось право свободно бегать по улицам городов уже за несколько дней до постановок и создавать вокруг себя атмосферу бесовщины и необузданности. Народ не вкладывал в такие образы ничего отрицательного — это был лишь грубый ярмарочный юмор, праздник, средневековый «Хэллоуин». Мистерийный черт — вне образа официальных церковных проповедей, он в этом отношении похож на дурака и шута. Карнавальный момент превращал преисподнюю в веселое народно-площадное зрелище. Создается впечатление, что задачей Молитора как раз и было изменить вектор представления, придать изображениям новое значение, показать причастность ведьм миру дьявола и внедрить в сознание читателя зловещий миф о реальном заговоре демонов и их приспешниц-ведьм против христианского мира.

Поэтому вполне вероятно, что изначально «народный» смысл прототипа гравюры был строго противоположный — ведьма лечит огонь св. Антония с помощью прутика из лещины, которая еще с античных времен считалась священной, помогала тушить пожары, останавливать огонь и устранять многие болезни. Лещина (орешник) относилась к «благословенным» деревьям, в которые «не бьет гром», служила для изготовления магических орудий — жезлов и посохов. Волшебная палочка в фольклоре была из орешника. Священные ореховые рощи друидов представляли мудрость, магию и вдохновение. «Орешник был священным деревом у кельтов. В Эдинбурге и Глазго районы и сейчас известны как Calton (Gaelic Calltuinn) в увековечение памяти о священных рощах»⁶. «Германские народы также рассматривали орешник как священный кустарник»⁷. Ветка лещины способна указать на клад и защитить от колдовства. Благодаря своему священному статусу, лещина широко использовалась в качестве оберега от нечистой силы. Ни о какой порче и речи быть не могло. Возможно, на изначальном прообразе этих гравюр не было даже и лука — просто добрая

⁶ Spence, Lewis. The minor traditions of British mythology. Ayer Publishing, reprint, 1972. p. 109.

⁷ Cleene, Marcel De; Lejeune, Marie Claire. Compendium of symbolic and ritual plants in Europe, Vol. 1. 2003. p. 309.

ведьма с волшебной палочкой, пытающаяся помочь несчастному крестьянину. То есть — прямая конкуренция церкви и ордену св. Антония. Это экономический вопрос, а не духовная борьба с пережитками язычества. Те суеверия, которые церкви не мешали, она не трогала, как будет видно из «Молота ведьм».

А в XIX веке, после столетий демонологической пропаганды, мы уже читаем, что на гравюре «представлена ведьма, поражающая крестьянина в ногу колючей стрелой»⁸. В переиздании широко известной «Книги черной магии» (в репринте 1911 года — «церемониальной магии») оккультиста и христианского мистика Артура Уэйта («гнусного Артуэйта» в описании Алистера Кроули) гравюра из трактата Молитора поясняется соответственно: «Ведьма стреляет крестьянину в ногу волшебным прутом из орешника. Жертва снимает обувь, когда чувствует, что нога начала опухать. Если крестьянин уступит требованиям ведьмы, то заклинания будут сняты»⁹. Уэйт, что характерно для мистического мышления, игнорирующего или инверсирующего причинно-следственную связь, не обращает внимание на то, что ботинок снят крестьянином раньше, стрела пока еще у ведьмы. Очевидно, что крестьянин-мазохист сам добровольно подставляется под порчу. Представлять же ведьму как сдвинутую во времени воображаемую причину-абстракцию — на ярмарочной народной гравюре слишком притянуто. Но это вовсе не смущает и современных исследователей, утверждающих, что на гравюре изображена «женщина, насылающая хромоту на мужчину, стреляя ему в ногу отравленной стрелой»¹⁰. То есть «колючей стрелы» из описаний XIX века уже недостаточно, стрела со временем стала «отравленной». Справедливости ради надо заметить, была одна такая легенда об отравленной стреле в кельтской мифологии¹¹, только вот ведьмы в том эпизоде никак не фигурировали. Некоторые авторы концепцию своего восприятия даже экономически пояснили:

⁸ The Book-worm: an illustrated literary and bibliographical review, Vol. 3, 1868. p. 89.

⁹ Waite, Arthur Edward. The Book of Ceremonial Magic (1911). Cosimo, Inc., 2007. p. IX.

¹⁰ Zika, Charles. Exorcising our demons: magic, witchcraft, and visual culture in early modern Europe. Vol. 91 of Studies in medieval and Reformation thought. BRILL, 2003. p. 245

¹¹ Rolleston. Thomas William. Myths & legends of the Celtic race 1911. p. 371.

Эта гравюра из трактата Молитора показывает ведьму, нападающую на крестьянина и стреляющую ему в ногу заговоренной стрелой орешника. Ступня несчастного распухнет, и он вынужден будет прибегнуть к лечебным чарам. Таким образом, ее кошель наполнится, а его карман опустеет¹².

Сама схема описана близко к реальной, только занимались этим бизнесом куда более серьезные структуры, а не деревенские ведьмы. Они лишь мешали. А «лицензированные» лечебные чары ждали больных у всевозможных Изенхеймских алтарей. Но обвинить в болезни ведьму — ход логичный и всем выгодный. Можно и женщину сжечь, завладев ее имуществом, и больного лечить, внушив ему ложную причину болезни. Ведь если он догадается, что дело в хлебе, а не в ведьмах — тут бизнесу и конец. Как мы видим, не так уж сложно было Молитору все перевернуть с ног на голову и со временем убедить всех, кого надо было убедить. Да, понадобились десятилетия — но сработало на века. С учетом того, что количество латинских изданий трактата Молитора существенно превышало количество изданий немецких, целевая группа поначалу была ограничена. Прежде всего, в существовании вредоносных ведьм и необходимости борьбы с ними предстояло убедить светских властителей и сам клир.

Любопытна и другая иллюстрация из книги Молитора под названием «Трапеза на шабаше», изображающая трех жен зажиточных бюргеров. Их весьма скромная трапеза происходит без присутствия дьявола.

Нет здесь и фантастических прислужников, и вообще, если бы не подпись под гравюрой, трудно было бы заподозрить, что перед нами — ведьмовское сборище. Однако Молитор напоминает своим читателям о том, как некий трактир внезапно наводнили злые духи, внешне неотличимые от соседей трактирщика. Они исчезли, когда святой Герман повелел им убраться прочь¹³.

Эти злые духи-соседи характерно напоминают неудачный опыт Хофманна с ЛСД, когда вместо доброй соседки ему под действием препарата привиделась злая и коварная ведьма в раскрашенной маске. Был ли демонический подтекст в этом рисунке изначально?

¹² Bessy, Maurice. A pictorial history of magic and the supernatural. 1964. p. 205.

¹³ Зелигманн, Курт. История магии и оккультизма. М.: Терра-Книжный клуб, 2009.

В посещение ведьмами шабаша Молитор, однако, не верит, считая это — о, проблеск разума! — галлюцинацией, иллюзией, навешенной дьяволом: «Они оказываются во власти снов или сильных видений... которыми дьявол поражает их сознание. Так, обманутые ложными явлениями, они, проснувшись, верят, что подобные вещи действительно произошли с ними». За это многие считают Молитора чуть ли не гуманистом. Но мягкость его взглядов обманчива, он четко исполняет заказ папы Иннокентия VIII. Трактат писался, чтобы переубедить «самых известных врачей» и скептически настроенных людей, подобных эрцгерцогу Сигизмунду, которому Молитор и посвятил свой труд. Сигизмунд же с удивлением узнал о повсеместном колдовстве и засилии ведьм лишь от инквизиторов Крамера и Шпренгера. Эта святая уверенность инквизиторов в дьявольской силе ведьм вызывала у эрцгерцога закономерное недоверие и даже насмешки: ведь если бы ведьмы могли так легко вызывать ураганы и бури, то зачем тогда держать армию, не проще ли завести вместо нее всего лишь нескольких ведьм? Рациональным сомнениям Сигизмунда Молитор нехитрыми софизмами выносит свой жесткий вердикт: несмотря на ложность иллюзий, ведьмы, поклоняясь и принося жертвы сатане, являются реальными еретиками и отступниками, поэтому должны подвергаться казни. Генри Чарльз Ли отмечает беспомощность тех, «кто пока еще не уступил повальному увлечению колдовством»:

Таким образом, важность работы Молитора в том, что она показывает, насколько слабы были барьеры, которые разумные и справедливые люди могли воздвигнуть против господствующих тенденций, так усердно насаждавшихся римскими папами и инквизиторами¹⁴.

Возможность того, что «дьяволом», внушающим иллюзии, могли быть какие-нибудь «ведьмины травы», Молитор игнорирует — в отличие, что интересно, от уважаемых им авторов «Молота ведьм». Вот те такой вариант отмечают, но всей силой своей богословской мысли отвергают. Авторы «Молота» как раз и видят свою задачу

¹⁴ Lea, Henry Charles. A History of the Inquisition of the Middle Ages. vol. 3. Kessinger Publishing, 2004. p. 543. * В русском переводе этой фразы нет, т. к. в «Истории инквизиции» Г. Ч. Ли (Эксмо, 2007) из текста вообще исключены все многочисленные упоминания Молитора, а сам текст представляет собой сокращенный пересказ с французского перевода издания 1911 г. от «Брокгауз-Ефрон» с переработанного французами оригинального текста.

в том, чтобы противостоять возражениям об естественных причинах болезней, приводят ряд типичных мыслей «ученых и мирян» по этому поводу и учат, как эти заблуждения нейтрализовать. Если допустить у скептиков такие мысли, то они ведь и в существовании самих ведьм могут начать сомневаться, тем самым впадая в ересь — а именно величайшей ересью объявляют инквизиторы неверие в ведьм. Булла Иннокентия VIII, вошедшая в историю под названием «С величайшим рвением» (*Summis desiderantes affectibus*), дала инквизиторам зеленый свет. Мешать работе инквизиторов, по мнению папы, могут только те клирики и миряне, которые «не в меру высоко ставят свое разумение». Чинить инквизиторам препятствия в их деятельности теперь запрещено, а они могут заключать под стражу и конфисковывать имущество у «всякого, кого найдут виновным». Рейдерский бизнес по перераспределению собственности запущен. Не верить в ведьм и в насылаемый ими вред теперь нельзя. Проповедники должны тщательно опровергать заблуждение неверия в существование ведьм, и им предписано, как это делать:

Указание, как надо проповедовать против пяти возражений мирян, которые пытаются доказать, что бог не дает дьяволу и ведьмам власти производить подобные чародеяния. Проповедник должен отнестись осторожно к некоторым возражениям противников из мирян, а также и нескольких ученых, отрицающих существование ведьм¹⁵.

Более того, инквизиторы уверяют, что некоторые несознательные миряне и ученые могут впасть в ересь и заявить даже такое:

Болезни, будто бы являющиеся следствием колдовства, подобны естественным болезням, т. е. таким, которые происходят по естественным причинам. Если кто-нибудь охромеет, ослепнет, помешается или умрет, то это легко может произойти по естественным причинам¹⁶.

И это в то время, когда папа в своей булле совершенно ясно утверждает, что «причиняют женщинам преждевременные роды» и «лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг» своими чарами и заклинаниями «по наущению врага рода человеческого» только ведьмы и колдуны. Они же насылают порчу и «нешадно мучают как внутренними, так и наружными ужасными

¹⁵ Шпренгер Я., Инститориус Г. Молот ведьм. М.: Интербук, 1990.

¹⁶ Ibid.

болями»¹⁷. Та естественная причина, от которой возникали все указанные выше симптомы болезни — «охромеет, ослепнет, помешается или умрет» (а также выкидыши, галлюцинации и импотенция), — нам уже хорошо известна. Но инквизиторы упорно настаивают на том, что такой причины нет и быть не может, ибо нечего и думать, что заболевание происходит из-за естественных причин или, как они конкретно пишут: «вследствие принятия известных трав или других снадобий». Выглядит это довольно подозрительно, создавая впечатление, что сами инквизиторы или знают, или догадываются о естественных причинах болезни, но сознательно «переводят стрелки» на дьявола. Авторы «Молота» поясняют, как проповедникам следуем возражать на вышеуказанные мысли:

Бесполезно искать естественного объяснения деяний дьяволов. Ведь когда человек, одержимый нечистым духом, начнет говорить на непонятном языке, то нельзя считать это естественным явлением. Нельзя объяснить этого и искусством некромантов. Надо искать здесь причину в особых существах со злой волей. Этими существами могут быть только демоны. Католические ученые различают постоянное и временное половое бессилие, причиняемое чарами¹⁸.

Зацикленность инквизиторов на последнем моменте, а также их нескрываемая ненависть к женщинам, намекают нам, что проблема импотенции была им знакома не понаслышке. Основная опасность ведьм, красной нитью проходящая через «Молот», состоит в том, что «околдование происходит в первую очередь в виде наведения полового бессилия». И вот в этом у авторов «Молота» нет разногласий с Молитором: «Теологи нашли сверхъестественную причину для объяснения естественных явлений. Молитор (1489) рассказывает, как жены приводили своих супругов, утративших потенцию, в суд, врачи обследовали их и объявляли импотенцию результатом колдовства»¹⁹.

Как и инквизиторы, Молитор в первых главах обсуждает насылаание импотенции, и здесь самое время внимательно присмотреться

¹⁷ Текст буллы по: Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья, М., 1932. // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Предисловие. 2-е изд. М.: Интербук, 1990.

¹⁸ Шпренгер, 1990.

¹⁹ Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М.: Локид-Миф, 1996.

к названию оригинального трактата. Ведь в нем изначально не было никаких «лабий-кодуний». Там «лании» — слово, придуманное самим Молитором. И это не колдуньи и не ведьмы. Это — таинственная напасть, уже несколько лет как охватившая земли Сигизмунда. Болезнь, ставящая в тупик врачей, изучающих, как пишет Молитор, некую «заразу ланий». «Трудно мне по отношению к другим предвосхищать то, что исследуют врачи», — сетует Молитор, невразумительно говоря что-то об угрозе непосредственно ему самому, которую он ощущает «членами тельца своего». И винит он в этом ведьм. «Ламии» в названии и в тексте появятся лишь сто лет спустя, когда значение, вкладываемое Молитором в слово «лании», уже никто не будет понимать, и оно, вероятно, будет принято за опечатку и «исправлено» по разумению редактора.

Авторы «Молота», в отличие от Молитора, новых слов не выдумывают, но им также априорно ясно, кто виноват во всем. Колдуньи, по авторитетному мнению инквизиторов, приходя «к полному отрицанию веры и богомерзкому занятию», вызывают половое бессилие, воруют мужские члены и селят их в гнездах на деревьях. Чтобы члены из гнезд не убежали, ведьмы их там подкармливают.

Глава 19

Члены в гнездах

Из народного фольклора нам известны основные претензии к ведьмам — это кража молока у коров, наведение порчи, непогоды и ураганов. В России еще специфическое — «из хлеба спорынью вынимают» и пережин (магическое отбирание урожая с чужого поля). Инквизиторы в «Молоте ведьм» этот классический вред от ведьм, конечно, упомянуть не забывают. Они пишут, что «девочки от восьми до десяти лет успешно вызывают бурю и градобитие», и что «нет почти ни одного селения, где бы женщины не околдовывали друг у друга коров, лишая их молока, а иногда и жизни». Но посвящают инквизиторы тому же вопросу — молоку — только несколько абзацев, описывая, например, «обычай распознавания ведьм, уменьшающих удои молока, производимый следующим образом: на голову или на спину коровы прикрепляются мужские штаны или что-либо другое нечистое. Это делается особенно часто по большим праздникам». «Молот» утверждает, что «черт действует подобным образом через корову, пока он не отвлечется другими чародеяниями», и отмечает: «хотя подобные средства и не являются запрещенными, согласно мнению некоторых ученых, однако их нельзя назвать и похвальными». То есть народные суеверия и магическое противодействие таким ведьмам авторами не слишком осуждаются. Надевание мужских штанов на голову корове с явно колдовской целью инквизиторов не беспокоит. Они сосредотачиваются на другом — на импотенции, выкидышах и кражах мужских половых членов.

Эти проблемы уже давно волновали население Европы, что, собственно, не кажется странным в контексте широкого распространения

спорыньи, особенно с конца XI века (от нее же пропадало молоко у коров). Поэтому начали появляться трактаты, посвященные этой загадочной напасти.

Современному читателю увлечение средневековых авторов колдовством, импотенцией, вызванной, возможно, злыми чарами, кажется странным и суеверным. Мы задаемся вопросом, почему многочисленные теологи и богословы посвятили так много времени и энергии обсуждению того, что должно было быть очень редким явлением¹.

Надо полагать, причина как раз в том, что редкими эти явления уже не были. Но проблему импотенции официально с ведьмами долгое время не связывали. Да и влияние самого дьявола вызывало определенные теологические трудности и ставило перед богословами важные духовные вопросы: может ли похотливый и развратный дьявол, толкающий людей на блуд, поражать свою жертву импотенцией, которая как раз и мешает блудить? Нет ли здесь какого-то противоречия?

Обвинять ведьм в такой порче стали не сразу. Папа Гонорий III в декреталии «О фригидности и колдовстве» (*De Frigidis et Maleficiatis*) в 1220 году не приписывает это колдовству. Сменивший его Григорий IX, который передал в 1232 году инквизицию в руки доминиканцев, в декреталии «О фригидности, колдовстве и половом бессилии»² касается, несмотря на название, половых проблем, являющихся результатом естественных причин, причем характерно употребляет в названии «*coeundi*», а не «*generandi*»³, то есть речь идет о невозможности самого полового акта. «Мне кажется очень странным, — замечает по этому поводу Генри Чарльз Ли, — что в декреталии Григория IX под названием „*De Frigidis et Maleficiatis et Impotentia Coeundi*“, на самом деле

¹ Boccafolo, Kenneth E. The requirement of perpetuity for the impediment of impotence, Vol. 200 *Analecta Gregoriana: Series Facultatis Iuris Canonici*. Editrice Pontificia Università Gregoriana, 1975. pp. 54–55.

² *De frigidis et maleficiatis, et impotentia coeundi*. *Corpus Juris Canonici*, 1582. Liber Quartus, Lib. 4, Tit. 15, Cap. 1.

³ *impotentia coeundi* — эректильная дисфункция, половое бессилие, обусловленное механическим препятствием к половому акту вследствие поражения наружных половых органов, или бессилие в связи с каким-либо заболеванием, когда у больного нет или почти нет эрекции; *impotentia generandi* — мужское бесплодие, сам половой акт возможен.

нет канонов, намекающих на вредоносное колдовство (*maleficium*) — все они посвящены импотенции, вытекающей из естественных причин, и больше касаются женщин. Очевидно, в начале тринадцатого столетия не слишком верили в роль колдовства в таких проблемах»⁴.

Но с выходом «Молота ведьм» все меняется. Инквизиторы обнаруживают два варианта потери членов и находят виновных в этом. Первый вариант — члены могут только казаться оторванными, но это трюк ведьм, которому научил их дьявол, второй — физическое лишение члена, выполняемое дьяволом лично. Если член «пропал», но не отвалился физически, то в этом виноваты ведьмы, насылающие галлюцинации. Колдуньи, пишут инквизиторы, «морочат человека разными обманами чувств», вызывая, впрочем, вполне реальную импотенцию:

Так, тело представляется органам зрения и осязания иным, чем оно есть в действительности. Однако ведьмам не довольно устранять половые органы путем обмана чувств, и она наводит на него половое бессилие, так что женщина не может зачать, а мужчина не способен произвести полового соития, хотя бы половой орган и не был у него удален ведьмами⁵.

Сами ведьмы — жертвы «морока» демонов. Авторы дают «специальное объяснение способу, коим они, при божьем попусении, в состоянии задерживать половую силу», но поясняют так: «Однако не следует думать, что силою таких средств мужчина становится импотентом; но тайною силою демонов, которые таким образом морочат ведьм, последние могут так околдовывать, что мужчины не могут совокупляться».

А раз демоны действуют через ведьм, считают инквизиторы, то и нужно расправляться именно с ведьмами, а проще говоря, со всеми женщинами, ибо любая женщина по их мнению «горче смерти, т. е. дьявола»:

Она горче смерти, т. к. смерть естественна и уничтожает только тело. Грех же, начатый женщиной, умерщвляет душу через лишение благодати божьей, а также и тело в наказание за грех. Она горче смерти, т. к. смерть тела — явный, ужасный враг. Женщина же — скрытый, лстивый враг⁶.

⁴ Lea, Henry Charles. *Materials Toward a History of Witchcraft* (1890, vol.1). 2004. p. 163.

⁵ Шпренгер Я., Инститорис Г. *Молот ведьм*. М.: Интербук, 1990.

⁶ Ibid.

Женщины, по мнению инквизиторов, настолько алчны к плотским наслаждениям, что их ненасытные отверстия влагалищ не знают слова «довольно», и поэтому для удовлетворения своей страсти они прибегают к помощи дьявола⁷.

Большинство вопросов, расписанных инквизиторами в восемнадцати пунктах, сводятся к основным деяниям ведьм и демонов: «каким способом они могут задерживать силу деторождения» и «каким образом они могут чародейским искусством удалять мужской член». Остальные вопросы вроде «присяги, приносимой ими дьяволу» или «каким образом они подчиняются демонам-инкубам» уже практически трансцендентны к реальности и могли бы, скорее, быть подпунктами вопроса «о способе, каким демоны могут проникать в головы, не повреждая их», но уже в применении к самим инквизиторам. Ибо их книга — это литературный памятник богословского безумия, что-то вроде описания картин Босха парой маньяков-психопатов, считающих себя искусствоведами. И хотя инквизиторы сами пишут, что и «сумасшедшие полагают, что они видят удивительные вещи — видят зверей и ужасные явления, чего в действительности совершенно нет», но уверяют, что демоны могут производить ровно те же эффекты. При этом свидетельства таких сумасшедших и просто народные байки выдаются ими за несомненную реальность: «часто многие видели на полях и в лесах, как ведьмы лежали на спине оголенные ниже пупка и, придав членам соответствующее непотребству положение, двигали бедрами и голеньями, в то время как демоны-инкубы действовали невидимо для окружающих, хотя в конце акта от ведьмы поднимался в воздух совершенно черный пар, высотой в человеческий рост»⁸.

«Маллеус» с готовностью толкует как колдовство всякое поведение, которое не могут объяснить его авторы клирики, — поведение, которое могло не предполагать ничего зловещего, кроме действий наркотических средств, таких, как спорынья или «волшебные грибы», женской мастурбации или всего лишь чувственного принятия солнечных ванн⁹.

Только один момент не очень понятен — действительно ли инквизиторы не могут объяснить то, что им кажется странным или не хотят? В каком психическом состоянии они находились, если излагали свои

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Бейджент М., Ли Р., Цепные псы церкви. М.: Эксмо, 2006.

измышления на полном серьезе? К традиционному ярлыку «религиозный фанатик», который обычно воспринимается как самодостаточный для объяснения подобной неадекватности, стоит все же добавить и другие возможные варианты: сами инквизиторы находились под действием каких-то «волшебных грибов», либо они отработывали конкретный заказ папы, заинтересованного в разжигании истерии. А вероятно, и то и другое.

Глава седьмая второй части «Молота ведьм» целиком посвящена актуальной проблеме зловредного членокрадства и называется: «О способе, коим ведьмы лишают мужчин полового члена». Она наполнена подобными байками:

Некто рассказывал, что когда он потерял член и обратился за восстановлением своего здоровья к ведьме, та приказала ему подняться на дерево и из находившегося там гнезда, в котором лежало большое количество членов, взять себе один. Когда тот хотел взять из них один побольше, ведьма сказала: «Нет, этот не тронь, — и при этом добавила, — он принадлежит одному священнику»¹⁰.

В правдивости таких описаний инквизиторы не сомневаются, и характерно ссылаются на свидетельства мистически настроенного и галлюцинирующего населения:

Наконец, что нужно думать о тех ведьмах, которые такие члены в большом количестве, до двадцати или тридцати членов зараз, скрывают в птичьем гнезде или ящике, где они движутся, как живые, и принимают пищу, что многие видели и что повсеместно известно?¹¹

Галлюцинация это или реальность? — размышляют инквизиторы. И приходят к выводу, что голодные живые члены в гнезде объясняются, видимо, все же «дьявольским наваждением», но в то же время демон может лишать членов вполне физически.

Что касается вопроса, бывает ли так, что демон без помощи ведьмы удаляет мужской член и имеется ли различие между тем и другим удалением, то можно сказать, кроме того, что сказано в первой части трактата в вопросе, могут ли ведьмы удалять мужской член: во-первых, когда демон сам по себе удаляет член, тогда он действительно и реально удаляет...¹².

¹⁰ Шпренгер, 1990.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

При этом сам демон не может оторвать член безболезненно, и делает это «не без вреда и не без боли». Инквизиторы также предполагают, что демон может член и восстановить, если захочет.

А отчего можно было в то время лишиться члена не только в воображении, но и в реальности? Похоже, мы здесь имеем дело как с галлюцинациями, так и с физическим действием спорыньи. Причем от отравления и член может отпасть, и импотенция появиться. Влияние отравления спорыньей на потенцию может происходить, вероятно, вследствие поражения сосудистой системы полового члена. Но итальянские ученые также связывают импотенцию с изменением функционирования медиаторов дофамина и серотонина, с учетом того, что «дофамин DA и серотонин 5-НТ — медиаторы, наиболее непосредственно вовлеченные в сексуальную активность»¹³. А это те самые медиаторы, на которые влияют алкалоиды спорыньи.

Выкидыши, происходящие в реальности от той же спорыньи, по утверждениям инквизиторов, тоже, естественно, производят зловредные ведьмы: «Не прибегая к обману чувств, они производят также выкидыши, если зачатия не удалось им предотвратить».

Только однажды инквизиторы проговариваются: «Как половое бессилие мужчин, так и неспособность женщин к деторождению могут, конечно, происходить от естественных причин, вследствие принятия известных трав или других снадобий», но даже не рассматривают этот вопрос, в следующей же фразе сразу переходя к каннибализму:

Мы же будем здесь говорить о неоспоримых данных пожирания ведьмами младенцев, чего даже и звери, за исключением волков, не делают. Инквизитор из Комо рассказывал нам, что он был раз приглашен жителями графства Барби для инквизиции вследствие следующего события. Некто, узнав о таинственном похищении своего ребенка из колыбели, стал искать преступников и напал ночью на собрание женщин, на котором он увидел, как убили мальчика и как присутствующие пили его кровь и пожирали его тело. Поэтому указанный инквизитор в прошедшем году предал костру 41 ведьму¹⁴.

¹³ Frajese, Gaetano et. el. Neurotransmitter, opiodergic system, steroid-hormone interaction and involvement in the replacement therapy of sexual disorders // The Journal of Steroid Biochemistry and Molecular Biology. Vol. 37, Issue 3, 20 November 1990, pp. 411–419.

¹⁴ Шпренгер, 1990.

И вот здесь стоит отметить типичный симптом «волчьего голода» при эрготизме, упоминаемый практически во всех работах о спорынье как XIX, так и XX века. Поэтому нам сегодня трудно сказать, просто выдумка ли этот случай, или в данном случае был психоз у конкретного жителя Барби, или же он действительно столкнулся с группой эрготиков-каннибалов, приняв их, естественно, за поклонников дьявола. Последнее, очевидно, тоже случалось, подобно тому, как среди многочисленных случаев ликантропии могли попадаться и ликантропы реальные. А вот в том, что инквизитор воспользовался ситуацией и сжег ведьм, сомнений мало. Занятие это выгодное, и рано или поздно клир должен был это осознать. Он со временем и осознает. Но только воспользоваться таким положением дел удастся не всем. Некоторые, вместо того, чтобы разбогатеть, сами попадут на костер, ибо ситуация опять выйдет из-под контроля.

Глава 20

Тиара папы Иннокентия

Если же приидет Сын Человеческий к престолу славы нашей, пусть привратник прежде спросит его: «Друг, зачем же ты пришел?» А если Он будет продолжать стучаться в двери твои, не давая тебе ничего, выкинь его во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубовый.

Evangelium secundum Marcas Argenti, XII век

Сатирическое «Евангелие от Марки Серебра» XII века, сохранившееся в 16 вариантах, жестко издевалось над тем, что в Риме только деньги имеют значение. Но вряд ли его анонимные авторы могли предположить, что затем все станет еще хуже. Сам вопрос несправедности папского богатства будет проработан и закрыт папой Иоанном XXII: буллой 1321 года он запретит споры о том, как относился Христос к вопросам нищеты и частной собственности, а в 1323 году будет объявлено, что всякого рода ссылки на Библию с целью «идеализировать» нищету и бедность являются ересью. В подтверждение своей серьезности папа сжигал живыми за ересь францисканцев, которые в абсолютной бедности видели подражание Христу и апостолам. Как писал современник папы Маттео Виллани, свою страсть к накопительству Иоанн вполне удовлетворил:

Всего ему удалось накопить восемнадцать миллионов флоринов звонкой монетой и шесть миллионов в драгоценностях. Как говорили в миру, в этом имели возможность убедиться Климент VI и графиня Туренская, приносившая за пазухой прошения и обнажавшая грудь для вручения их святому отцу, великому охотнику

и птицелову, проводившему дни в светских утехах. Курия же была настолько развращена симонией, что бенефиции доставались благодаря святокупству или связям с кардиналами и светскими сановниками только недостойным и испорченным клирикам, а добропорядочных и честных отвергали с позором и хулой¹.

Но хотя Иоанн и отличался крайним суеверием, жестокостью, нетерпимостью и больше всего боялся колдовства, ведьмам тогда еще особо не доставалось. Для них все серьезно изменится только пару сотен лет спустя. Не изменится только страсть многих пап к наживе.

Инквизиторы вроде Генриха Крамера могут казаться нам маньяками и безумцами, но они четко выполняли поставленную перед ними задачу. За дискурсом тотального психоза «Молота ведьм» и последующих демонологических трактатов маячит зловещая фигура папы Иннокентия VIII, развязавшего массовую охоту на ведьм всего лишь для очередного церковного бизнеса. Иннокентий, в миру — генуэзец Джамбаттиста Чибо, был вовсе не псих и вполне рационален. Сам он, конечно, ни в каких ведьм не верил. Множество своих любовниц он вряд ли считал суккубами, а своих многочисленных детишек — порождениями сатаны. Хотя папа и любил пошутить, что его дети от дьявола.

В Риме говорили: он «настоящий папа» Рима (так как улицы столицы мира кишат его детьми, и он усердно заселяет землю), «Иннокентий VIII породил восемь мальчиков и столько же девочек», «наконец появился папа, имеющий право именоваться отцом Рима». Сам он цинично и грубо заявлял о себе, что бог не велит ему иметь детей, зато дьявол послал ему много «племянников», «непотов» — названия, под которыми нередко скрывались внебрачные дети римских пап. Впрочем, Иннокентий не скрывал своего отцовства и с большой пышностью, торжественно отпраздновал свадьбу своей дочери Теодорины, положив тем начало официальному признанию потомства у римского папы. Теодорина открыто принимала участие в делах курии и нередко своим вмешательством определяла то или иное решение важнейших вопросов. Она вышла замуж за неаполитанского короля, чтобы положить конец старой борьбе между Неаполем и Римом².

1. Виллани, Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М.: Наука, 1997. С. 462.

2. Лозинский С. Г. История папства. М.: АН СССР, 1961. С. 244.

В конце 1484 года у Иннокентия VIII накопилось много проблем. Он только несколько месяцев назад избран папой, а средств в курии его предшественник Сикст IV, конечно, не оставил — у того тоже было пятнадцать «непотов», из которых он возвел в кардинальское достоинство пятерых, а десяти другим организовал высокие церковные должности. Когда Сикст IV умер, в Риме начался погром. Народ гро-мил его земляков-генуэзцев, пользовавшихся расположением папы. По городу искали генуэзцев, чтобы излить на них злобу, накопив-шуюся за полтора десятилетия папства Сикста. Шли демонстрации, во многих местах красовалась надпись: «Радуйся, Нерон, даже тебя в порочности превзошел Сикст». Наследство, доставшееся новому папе, заключалось в «надгробных словах» его предшественнику, появившихся на цоколе прикрепленного к дворцу прении мрамор-ного фрагмента: «Наконец, Сикст, ты труп. Пусть все распутники и развратники, сводники, притоны и кабаки оденутся в траур». Бизнес Иннокентию предстояло начинать с нуля. К тому же он сильно потра-тился на подкуп голосов во время своих выборов на папскую долж-ность. Если что и досталось ему от Сикста — то это дорогая тиара, символ папской власти, тройная корона стоимостью 100 тысяч дука-тов. Иннокентий ее тут же заложил (знакомый, впрочем, ход: папа Григорий XII, проигравший много денег в азартные игры, начинал свой понтификат точно также, заложив за 6000 золотых флоринов тиару флорентийскому купцу³) и стал думать, как быстрее добыть денег и расплатиться по процентам. Все же он мог поблагодарить Сикста за некоторые нововведения, дающие прибыль курии. Не так уж задолго до того папа Пий II для соблюдения внешних приличий вынужден был издать специальную буллу, запрещающую лицам духовного звания содержать публичные дома, кабаки и игорные дома. Сикста IV приличия волновали меньше всего, и он стал лицен-зировать бордели (это давало 20–30 тыс. дукатов в год), ввел спе-циальный налог на любовниц священников и распространил про-дажу бессрочных индульгенций на мертвецов. Но для Иннокентия этого было недостаточно. Можно было бы повторить удачный опыт Сикста IV с введением инквизиции в Испании. Но испанский опыт требовалось улучшить — инквизиция Испании не подчинялась папе напрямую, что плохо сказывалось на доходах Римской курии, так как

³. Hemans, Charles Isidore. A history of mediaeval Christianity and sacred art in Italy: (A. D. 900–1550). Cellini, 1872. p. 429.

большая часть «выручки» попадала в королевскую казну. Новый папа оказался достойным приемником Сикста и решил добиться успеха в Германии. Это было не так просто. Папы, подобно пиявкам, присосались к Германии еще во время «Авиньонского пленения».

Папство особенно давило на Германию, выжимая из нее все соки, чтобы компенсировать потери, понесенные им в Италии, Франции и Англии. Эта усилившаяся эксплуатация папством вызывала глубокое народное недовольство в Германии. Даже в монастырях чувствовалось озлобление против «авиньонца» на почве его постоянных денежных требований. Неудивительно поэтому, что папа быстро терял свой авторитет в Германии⁴.

Во второй половине XV века сопротивление фискальному давлению папства стало еще больше усиливаться. Местный клир, озабоченный собственными денежными интересами, вовсе не желал делиться с папой сверх меры и серьезно препятствовал операциям инквизиторов. К тому же местное духовенство и светские правители зачастую искренне не верили в ведьм. И даже народ не особо верил. То есть в ведьм-то, конечно, верил, а вот в то, что их необходимо с конфискацией имущества сжигать во славу Господа — нет.

Существует ошибочное мнение о народном происхождении понятий о колдовстве. Но обычные люди не мстили ведьмам, подавая на них в суд. Конечно, злые колдуны могли подвергнуться линчеванию, но организованного преследования не было никогда. Оно не могло бы возникнуть без вмешательства священников и пасторов, которые настраивали безразличных или враждебно настроенных прихожан на веру в гибельность предполагаемых сношений колдунов с дьяволом⁵.

Несмотря на деятельность инквизиторов, местный клир не спешил настраивать народ против ведьм. Исполняющий с 1474 года обязанности инквизитора Верхней Германии монах-доминиканец Генрих Крамер и его коллега Якоб Шпренгер все время сталкивались с сопротивлением немецких епископов, князей и городских властей. За десять лет работы Крамер не смог казнить и полусотни ведьм. В октябре 1484 года в Равенсбурге профессору богословия Крамеру удалось сжечь только пару женщин. После этого раздраженный

4. Лозинский, 1961. С. 203.

5. Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М.: Локид-Миф, 1996.

инквизитор, как обычно считается, отправился в Рим искать помощи у нового папы. Хотя, что более вероятно, все могло быть наоборот — папа сам срочно вызвал его в Рим. Этого мы уже не узнаем, но факт в том, что хитрый циник и безумный маньяк встретились, и, к их обоюдному удовольствию, на свет появилась пресловутая булла о ведовстве, дающая инквизиторам особые полномочия. «Мы устраним с пути все помехи, которые могут каким-либо образом препятствовать исполнению обязанностей инквизиторов», — гневался в своей булле Иннокентий VIII, вполне откровенно указывая конечную цель работы инквизиторов: «заключать под стражу и наказывать с лишением имущества».

Получив буллу, Крамер отправился в Инсбрук, где попытался действовать уже с размахом, обвинив сразу почти 60 ведьм. Но там он прокололся: «Чтобы обосновать охоту за ведьмами, он уговорил одну распутницу спрятаться в печи, притворившись, что там поселился дьявол. Ее голос обвинил многих людей, которых Крамер жестоко пытал»⁶. Схожим способом доказательства церковники пользовались давно — еще в IX веке полуразложившийся труп папы Стефана VI был другим папой выкопан из могилы, одет в папские одежды, посажен на трон и подвергнут посмертному допросу, в ходе которого за покойника отвечал, подражая его голосу, спрятавшийся за треном дьякон. Потом признавшийся во всех грехах труп бросили в реку. Но в этот раз — не прокатило, даже несмотря на папскую буллу. К тому же было замечено, что инквизитор предпочитает очень уж длительные допросы обвиняемых женщин с подробным описанием их сексуальных историй⁷. В результате бриксенский епископ Георг Голсер (первоначально поддерживающий инквизитора и опубликовавший в июле папскую буллу) и местные власти не дали сжечь ни одной из обвиненных Крамером ведьм, а затем неудачливый инквизитор был просто изгнан из Тироля разгневанными жителями. Тогда Крамер призывает на помощь своего коллегу Шпренгера, и инквизиторы срочно дописывают свой трактат о ведьмах, вставив в него папскую буллу. Так к концу 1486 года (или в начале 1487, точно это неизвестно) появляется «Молот ведьм», влияние которого на последующие события европейской истории было довольно значительным.

⁶. Ibid.

⁷. Burns, William E. Witch hunts in Europe and America: an encyclopedia. 2003. p. 159.

Но сразу массовости процессов над ведьмами не получилось, здесь папу неожиданно постигла неудача. Перевыпуск новых тиражей «Молота», равно как и не слишком убедительное одобрение книги 9 мая 1487 года теологическим факультетом университета Кельна, развитию планируемого бизнеса помочь не смогли. Жгли колдуний все равно недостаточно. «Молот» ударит по ведьмам далеко не сразу. Массовые процессы, когда в Баварии и «в „плохие“ годы палач зарабатывал на ведьмах 169 талеров»⁸, пойдут только в середине XVI века. Только тогда инквизиторы и папы, наконец, добьются своего: «Летописец XVI века описывает нищету, охватившую Трир и его окрестности, но прибавляет, что теперь богаты судьи, следователи и инквизиционные ищейки: палач и его жена ходят даже в серебре и золоте»⁹.

А пока изобретательному Иннокентию VIII пришлось срочно выкручиваться, продавая с аукциона секретарские должности в курии, чтобы выкупить свою заложенную тиару. «Он даже не скрывал, что целью создания им различных должностей являлось стремление облегчить будто бы тяжелое положение финансов курии, о чем и оповестил весь мир в 1487 году специальной буллой»¹⁰. И все равно, несмотря на 26 проданных должностей, тиару выкупить не удалось.

Далее дела у ловкого папы пошли все же немного лучше. В том же 1487 году Иннокентий VIII утвердил Великим инквизитором Испании Томаса де Торквемаду и расширил его юрисдикцию. Затем папе удалось организовать крестовый поход против вальденсов и успешно заключить мир с флорентийскими Медичи, женив своего сына Франческетто на дочери Лоренцо Медичи, брат которого, Джулиано, был ранее убит заговорщиками во время пасхальной мессы по наущению прошлого папы Сикста IV. Сына Лоренцо, 13-летнего Джованни, Иннокентий назначил кардиналом (позже он тоже станет папой — Львом X). Только после этого в январе 1490 года филиал торгового дома Медичи в Неаполе выкупит папскую тиару у генуэзских банкиров¹¹, и она будет перезаложена уже в банк Медичи вместе

8. Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья, 1932 (Предисловие) // Молот ведьм. М.: Интербук, 1990.

9. Ibid.

10. Лозинский, 1961, С. 259.

11. Fryde, E. B. Humanism and Renaissance historiography. Volume 21 of History series. 1983. p. 155.

с остальными долгами Иннокентия¹². Но к тому времени папе станет уже не до тиары: его здоровье резко ухудшится и два года спустя он умрет. Позже Джованни, ставший папой Львом X и запомнившийся в истории фразами «насладимся папством, потому что Бог дал нам его» и «христианство оказалось очень доходной басней»¹³, тиару вообще продаст и оставит после себя полностью опустошенную казну.

Иннокентий VIII умер, не получив излечения от крови трех юных мальчиков, которой его поили врачи (или только собирались напоить — из имеющегося описания Инфессуры это не совсем ясно). За кровь мальчикам заплатили по дукату, но взяли ее слишком много, и они тоже умерли, оставив на века католическим историкам неблагоприятную задачу попытаться дискредитировать современника Иннокентия юриста Стефано Инфессуру, описавшего такой метод лечения понтифика¹⁴. А охоту на ведьм в Германии Иннокентию так разжечь и не удалось. Его булла начнет собирать свою кровавую жатву только семь десятилетий спустя. Несмотря на то, что булла эта была, можно сказать, «одобрена небесами» — за десять дней до ее издания произошел Большой парад планет, напугавший всех грядущими несчастьями, войнами и эпидемиями. Именно об этом событии пишет в своем «Предсказании» (*Prognosticatio*) эльзасский монах и бывший астролог Майнцского двора Йоганнес Лихтенбергер: «Соединение

¹². Goldthwaite, Richard A. *The economy of Renaissance Florence*. 2009. p. 231.

¹³. Фраза часто ошибочно приписывается другим папам — Бонифацию VIII или Бенедикту IX. Бенедикт, которого даже католическая энциклопедия называет «позором Святого Престола» (*Pope Benedict IX // The Catholic Encyclopedia*. Vol. 2. New York: Robert Appleton Company, 1907), подобного не говорил. Бонифаций же утверждал другое: воскрешения нет, а евхаристия «просто мука и вода» (*A History of the Popes*, Dr Joseph McCabe, C. A. Watts & Co, London, 1939. p. 377). См. дневники секретаря Льва X кардинала Пьетро Бембо (*Pietro Bembo. Letters and Comments on Pope Leo X, 1842 reprint*) и историка и придворного врача папы Паоло Джовио (*Paolo Giovio. De Vita Leonis Decimi*).

¹⁴. Tommasini, Oreste. *Diario della città di Roma di Stefano Infessura scribasenato*. 1890. 275–276. В сокращенном русскоязычном издании (Стефано Инфессура, Иоганн Бурхард. *Дневники. Документы по истории папства XV–XVI вв.* М. Государственное антирелигиозное издательство. 1939) этот момент пропущен. См. также Lindeboom G. A. *The Story of a Blood Transfusion to a Pope // Journal of the History of Medicine* (1954) IX (4): pp. 455–459.

двух наиболее тяжелых планет, Юпитера и Сатурна, ужасно и обещает нам много горя. Оно произойдет в году нашего Господа 1484, в 25 день ноября, в шесть часов четыре минуты после полудня, когда знак Рака взойдет над горизонтом на 1 градус». «В туманных картинах изображается в этой книге будущность Европы и человечества», — заметит о книге Лихтенбергера в своем «Дневнике писателя» (1877, май-июнь) интересующийся средневековыми предсказаниями Достоевский. Правда, есть в этом одна странность — нам известны только «Предсказания» Лихтенбергера, изданные в 1488 году, то есть задним числом к событиям 1484 года, последствия которых он «предсказывает». Но в любом случае несчастий и болезней боялись тогда не зря. В 1486 году Германию охватывает повсеместная эпидемия эрготизма. Тут бы, казалось, и ведьмам в самый раз массово появиться. Но ведьмы не появляются.

Глава 21

Размах молота

Традиционно считалось, что процессы над ведьмами пошли сразу после выхода «Молота ведьм», укомплектованного буллой папы Иннокентия VIII «Summis Desiderantes». Стандартное описание выглядело обычно так:

В то время преследования ведьм не были редкостью в Германии. После знаменитой буллы папы Иннокентия VIII от 5 декабря 1484 года, в которой признавалось существование ведьм и разрешалось их преследование, немецкие инквизиторы Якоб Шпренгер, Иоганн Гремпер и Генрих Кремерс возглавили поход против ведьм. В 1487 году они издали в Кельне книгу «Молот ведьм», после чего начались многочисленные процессы и казни¹.

Эта точка зрения казалось такой привычной, что только в последние десятилетия многие историки стали замечать некую странность — массовые ведовские процессы пошли далеко не сразу. Профессор Гиллербранд, специализирующийся на истории христианства и реформации, отмечает небольшую волну процессов в Европе, увеличение интереса художников к теме ведьм, рост «ведьмологии», появившиеся в XVI веке бездарные плагиаты с «Молота ведьм»: «Так как обширные темы „Молота“ были лишь богословской порнографией, ни дурная слава, ни склонность к имитации не удивительны»².

¹ Нессельштраус Ц. Г. Альбрехт Дюрер: 1471—1528. Искусство, 1961. С. 79.

² Hillerbrand, Hans J. The «Other» in the Age of the Reformation // Infinite boundaries: order, disorder, and reorder in early modern German culture, Vol. 40, edited by Max Reinhart. Truman State University Press, 1998. p. 258.

Но это еще не вся история. Отмечается пассивность народа и даже сопротивление против зарождающегося повального ведьмовского безумия. Как уже отмечалось, реальная волна преследования ведьм и колдовства не начиналась до середины шестнадцатого столетия. Мы можем заключить, что в конце пятнадцатого века колдовство (то есть, практика магии и колдовства) еще не считалось социальным отклонением. Люди не видели ничего плохого в колдовстве, поскольку существовала «хорошая» магия (такая, как приворот любимого), а представления о ночных полетах женщин или превращений в животных не выходили за рамки народного воображения и фантазии. В конце концов, истории, которые люди слышали с раннего детства, множество басен и сказок, были наполнены такими волшебными событиями. Важно отметить, что магия не считалась исключительно вредоносной. Только в середине шестнадцатого века призывы «Молота» начнут находить понимание, колдовство станет всерьез преследоваться по всей Европе, произойдет изменение отношения и самого менталитета³.

Робин Бриггс замечает, что «пауза перед тем, как началось действительно интенсивное преследование ведьм, слишком велика, чтобы ее игнорировать»⁴. Брайан Левак утверждает: «Вместо того, чтобы медленно набирать силу и постепенно привести к большой панике конца XVI и начала XVII века, число процессов не возросло в течение первой половины шестнадцатого столетия, а в определенных областях фактически уменьшилось»⁵. В новом издании «Энциклопедии колдовства» эта мысль повторяется в отдельной главе с характерным названием «Период ограниченных процессов и малой охоты на ведьм, 1520—1560»: «трудно избежать заключения, что начало шестнадцатого столетия было периодом относительного спокойствия в аспекте колдовских процессов»⁶.

³ Ibid.

⁴ Briggs, Robin. *Witches and Neighbours: The Social and Cultural Context of European Witchcraft*. London, 1996. p. 58.

⁵ Levack, Brian P. *The witch-hunt in early modern Europe*. Pearson Longman, 2006. p. 205.

⁶ Golden, Richard M. *Encyclopedia of witchcraft: the Western tradition*. Volume 1. ABC-CLIO, 2006. p. 187.

Десятки подобных наблюдений собраны также в статье Маргарет Салливан «Ведьмы Дюрера и Ганса Бальдунга», призванной доказать, что ведьмы на гравюрах и рисунках этих художников не были, как обычно принято считать, реакцией на текущую охоту на ведьм, суды, или демонологические трактаты.

Хотя *Malleus maleficarum*, страшный и опасный трактат, написанный доминиканскими монахами Яковом Шпренгером и Генрихом Крамером, был издан в Кельне в 1486 году, нет никаких свидетельств, что «Молот» был «чреват увеличением преследований за колдовство и магию, большим, чем тот уровень преследований, что уже и так сложился к концу пятнадцатого столетия», согласно Петерсу, и трактат «не оказал никакого заметного влияния на судебное преследование колдунов и ведьм в течение почти половины столетия» (Peters, 173–74)⁷.

«Безумие охоты на ведьм», — считает Салливан, — «еще не набрало силу до конца шестнадцатого века, в то время как ведьмы Дюрера и Бальдунга принадлежат к более раннему времени. Они более вероятны как ответ на гуманистический интерес к поэзии и сатире античного мира, и лучше их понимать как творческие произведения, созданные для художественных целей и удовлетворения гуманистической аудитории»⁸.

С тем, что до второй половины XVI века с массовой охотой на ведьм не складывалось, трудно не согласиться. Но есть и такой момент — гравюры ведьм как-то странно пропадают с приходом Реформации. В Страсбурге Реформация имела относительно умеренный характер: церкви лишались алтарей, а на картины никто не покушался. Тем не менее теперь художники обращаются больше к темам из классической литературы и к портретной живописи, а интерес к «поэзии античного мира» именно в виде гравюр с ведьмами внезапно заканчивается. Может, причина здесь более проста — перестают поступать церковные заказы на такие гравюры? В 1509 году в Страсбурге Бальдунг многочисленные гравюры с ведьмами рисует, а вернувшись опять в Страсбург в 1517 году — уже нет (только так называемая картина «Ведьмы погоды» от 1523 года, настолько сильно отличающаяся от ранних изображений, что некоторые искусствоведы вообще не считают изображенных женщин ведьмами).

⁷ Sullivan, Margaret A. The Witches of Dürer and Hans Baldung Grien // *Renaissance Quarterly*, 53, Summer 2000. pp. 333–401.

⁸ Ibid.

Здесь стоит вспомнить мало кому известного персонажа из буллы Иннокентия, которому было поручено курировать бизнес инквизиторов: «...поручаем вышеназванным инквизиторам, чтобы они и каждый из них, при помощи нашего возлюбленного сына Иоанна Гремпера, магистра из Констанцской епархии...». Сегодня мы почти ничего не знаем о деятельности Гремпера (Johannes Gremper), о нем сохранилось лишь несколько упоминаний в документах. Неизвестно, как он координировал, пропагандировал и развивал деятельность инквизиторов. Все же, учитывая, что Молитор (автор демонологического трактата, выпущенного на год-два позже «Молота») тоже из Констанца, почти одновременный выпуск двух самых тиражируемых демонологических трактатов, надо думать, не случаен. Так же, как и массовый выпуск гравюр с ведьмами немного позже. Создается явное впечатление о целенаправленном пиаре этой темы папством. Трактаты — для наиболее образованных, наглядные гравюры — для неграмотного народа. Мидельфорт не зря отмечал: «Несмотря на его последующую известность, полный мизогинии⁹ *Malleus Maleficarum* пятнадцатого столетия был изложен на трудной латыни, и был поэтому доступен только для ученых»¹⁰. Ровно то же относится и к трактату Молитора.

Почему же охота на ведьм не разгорелась сразу после выхода «Молота ведьм»? Даже во время эпидемии эрготизма 1486—87 годов? Потому что ни клир, ни светские власти, ни народ к этому еще не были готовы. Десятилетия понадобятся, чтобы светские власти и клир прониклись мудростью демонологических трактатов. Не только в том смысле, что ведьмы существуют, а осознанием того, что на этом можно неплохо заработать. К тому времени и народ, который под влиянием пропаганды начнет верить в злобных ведьм и демонов, этому уже не воспротивится, не устроит какое-нибудь восстание по такому поводу, а только скажет спасибо за заботу инквизиции и церкви о нем. Также отчасти дело в том, что конкретно эта эпидемия была не слишком типичной для Германии. Это был гангренозный эрготизм (по Гиршу, а судя по гравюре из трактата Молитора — все же смешанный), а не конвульсивный, который будет мучить страну в последующие столетия. Галлюцинации же присущи больше именно

⁹ Ненависть по отношению к женщинам.

¹⁰ Midelfort, H. C. Erik. Witch hunting in southwestern Germany, 1562–1684: the social and intellectual foundations. Stanford University Press, 1972. p. 5.

конвульсивной форме. При гангренозной — руки, ноги и члены отваливаются, а ведьм на метлах практически не наблюдается. Пока народ не «увидел» летающих ведьм вживую, и борьба с колдовством основывалась только на абстрактных суевериях, католический ведьмобизнес шел относительно вяло. Но главное — народ надо было убедить в абсолютной вредности ведьм. Без этого, даже «видя» ведьм, инквизиторов поддерживать никто не будет.

Со временем эта задача демонологов оказалось выполненной — удалось окончательно разделить в сознании народа «волшебство» и «колдовство». Волшебства больше нет, оно отдано христианским святым, а все «злое» колдовство — порча, непогода, гибель урожая и пр. — оставлено ведьмам, которых за это надо наказывать. Но раздел идет не по, условно, «белой магии» и «черной», а по другому признаку. Не вред и польза для жизни и благополучия человека будут критерием, а вред и польза для церкви. Христианские святые стали ответственны не столько за излечение болезней, сколько за наказание этими болезнями тех, кто ведет себя неправильно (богохульничает, не платит десятину и пр.). Молитва святому — это чаще не просьба о защите, а мольба о снятии проклятия, которое он же и наложил. Все болезни носят имена святых. И вовсе не от того, что святые эти болезни бескорыстно исцеляют по своей доброте. Откроем трактат Парацельса и посмотрим названия типичных средневековых заболеваний: «кара св. Кирилла», «месть св. Иоанна» и т. д.¹¹ Теперь страшно отзываться плохо о Боге, о дьяволе, о святых — только ведьмы остаются беззащитными. Но и их, виновниц всех несчастий, стоит уничтожать скорее, пока они не смогли отомстить.

Вспоминать Сатану злым словом было так же опасно, как и злословить о святых, исцеляющих (или насылающих) недуги. Так, на Западе XV–XVII вв. были известны и опасны не менее сорока болезней, названных по имени святых, причем некоторые недуги приписывались сразу нескольким святым. Наиболее опасными и, видимо, наиболее известными были «огонь св. Антония» (гангрена), недуг св. Жана или св. Лу (эпилепсия), болезнь св. Акера или св. Матурена (безумие), болезнь св. Рока или св. Себастьяна (чума), недуг св. Фиакра (геморроидальные шишки), болезнь

¹¹ Paracelsus (Theophrastus Bombastus von Hohenheim, 1493–1541): essential theoretical writings. (1589) // Paracelsus; Andrew Weeks. Volume 5 of Aries book series. BRILL, 2008. p. 775.

св. Мора или св. Жену (подагра). С давних пор в рассказах о чудесах подчеркивалось, что болезнь является отмщением оскорбленного чем-либо святого. Григорий Турский рассказывает, что некий человек, с пренебрежением отзывавшийся о св. Мартине и св. Марциале, оглох, ослеп и умер в безумии. На заре Нового времени рассуждения большинства людей оставались на уровне времен Григория Турского¹².

Как нередко уже случалось в истории, процесс вскоре станет стихийным. Вот тогда колдуньям уже совсем не поздоровится. Сначала ведьм будут жечь из-за денег, затем в их существование искренне поверят и будут таким образом бороться с дьяволом, уничтожая сатанинские ведовские секты. Потом в свое существование поверят и сами «ведьмы». Инквизиция работала на самоокупаемости — классическое хозрасчетное предприятие, чья деятельность прямо зависела от постоянного пополнения рядов подозреваемых. Жертвы сами платили жалованье и чаевые судьям, судебным чиновникам, палачам, врачам, священникам, писарям, стражникам, обслуживающему персоналу. Охота на ведьм стала основным занятием для множества людей, наживавшихся на осужденных. Доход распределялся между священниками, судьями, врачами, писцами, помощниками в суде, палачами, охранниками, посыльными, заканчивая рабочими, рубившими лес для сожжения и сооружавшими эшафоты. Косвенную прибыль получали содержатели гостиниц и таверн от толпы, собиравшейся наблюдать за казнями. Бизнес средней руки превратился в развитую индустрию.

Но то сумасшествие, что началось позже, уже не могли объяснить даже сами инквизиторы. Впрочем, не совсем так — инквизиторы, конечно, объяснить могли, но исходя из своих представлений. Писал же инквизитор Никола Реми, что для него «необъяснимых фактов не существует», так как «то, что ненормально, принадлежит дьяволу». Поскольку такие представления были господствующими, то ведьм и колдунов будут жечь все — католики, протестанты, а особой жестокостью и массовостью прославятся князья-епископы. Жечь уже далеко не всегда будут ради прибыли. Одержимость ведовством, главным образом во Франции, Швейцарии и Германии, примет жуткие формы. В деревнях порой начнет нехватать дров для костров.

¹² Делюмо, Жан. Ужасы на западе: Исследование процесса возникновения страха в странах Зап. Европы, XIV–XVII вв. / Пер. с фр. М.: Голос, 1994. С. 38.

Испуганные чиновники будут докладывать с мест: «Скоро здесь некого будет любить; некому будет рожать: все женщины сожжены»¹³. Возмущенный теолог Корнелиус Лоос в конце XVI века обрушится на алчных охотников на ведьм: «жестокие мясники лишают жизни невинных, новые алхимики чеканят золото и серебро из человеческой крови»¹⁴. Но он опоздал со своим прозрением, это уже во многом была не коммерция, а безумие. Корнелиуса по указанию папского нунция самого бросят в тюрьму и подвергнут пыткам, так как его рукопись оскорбит Петра Бинсфельда, епископа Трира, одного из известных демонологов и охотников на ведьм того времени. А книгу Корнелиуса найдут только через 300 лет в библиотеке иезуитов. Петр Бинсфельд, тем не менее, славился своей добротой — он считал, что девочек до двенадцати лет не стоит обвинять в колдовстве, тогда как другие инквизиторы приговаривали к сожжению детей в возрасте от двух до пяти лет. Тем временем в Трире в мае предписывалось непрерывно звонить в колокола по ночам, чтобы защитить город от летающих ведьм, а в двух деревнях Трирского округа остались всего две женщины, остальные уже были сожжены¹⁵.

В XVII веке император Священной Римской империи Фердинанд II стал высказывать неудовольствие происходящим. После этого сам папа Урбан VIII был вынужден попытаться охладить пыл охотников. Он направил двух своих кардиналов в Кельн, приказав им положить конец кровавому безумию, ибо происходит нечто бессмысленное, даже папе уже непонятное. Но обезумевших епископов было уже не остановить. Роббинс писал: «Часто не принимается во внимание и другой важный аспект: в начале XVII века колдовство из явления, представлявшего интерес, превратилось в доходное предприятие»¹⁶. С этим сложно согласиться. Почему только в XVII веке? Потому что сами клирики об этом раньше не писали? Естественно — одни в ведьм верили, другие на этом кормились, а писать испуганные заметки стали только тогда, когда сами ужаснулись от того, что происходило вокруг. Охота на ведьм с самого начала была доходным предприятием и организовывалась как таковое. Но, исправно продолжая

¹³ Лозинский С. Г. История папства. М.: АН СССР, 1961. С. 246.

¹⁴ Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М.: Локид-Миф, 1996.

¹⁵ Henne am Rhyn, Otto. Allgemeine Kulturgeschichte von der Urzeit bis auf die Gegenwart. vol. 4. O. Wigand, 1878. p. 331.

¹⁶ Роббинс, op. cit.

кормить своих работников, система дала сбой и на фоне массовых психозов начала пожирать саму себя.

Лишь в начале XVII века разносторонне развитый бизнес колдовства был однозначно осужден в святцах Трирского собора... «И от суда к суду через все города, деревни, епархии, спешили специальные обвинители, инквизиторы, нотариусы, присяжные, судьи, констебли, тащившие в суд и подвергавшие пыткам человеческие существа обоих полов и сжигавшие их в огромных количествах. Едва ли хоть один из тех, кто был обвинен, избежал наказания. Не избежали его даже видные деятели, управлявшие городом Триром, поскольку судья, два бургомистра, несколько советников и помощников судей были сожжены. Каноники всех корпорационных церквей, приходские священники, благочинные были сметены как во время катастрофы. Безумие разъяренного населения и судов в единой жажде крови и добычи настолько распространилось, что едва ли нашелся хоть кто-нибудь, не запятанный подозрением в этом преступлении. В то же время нотариусы, переписчики и содержатели гостиниц обогащались»¹⁷.

Не совесть вдруг проснулась здесь у каноника Иоганна Лидена, а накопившийся страх. Упомянутое «безумие разъяренного населения и судов в единой жажде крови» уже пугало самих священников, как и ясное осознание того, что они также не застрахованы от любых обвинений. Разбуженный папой Иннокентием демон просыпался долго, но, проснувшись, оказался неуправляем.

В ужасе описывает происходящее в Бонне священник Дюрен в начале XVII столетия (точная дата письма неизвестна):

Верно, погибло уже полгорода: профессора, студенты, изучавшие право, священники, каноники, викарии и монахи были схвачены и сожжены... Канцлер с супругой и жена его личного секретаря уже казнены. На Рождество Пресвятой Богородицы казнили воспитанницу князя-епископа, девятнадцатилетнюю девушку, известную своей набожностью и благочестием. Я видел обезглавленного и сожженного каноника Ротензаэ. Трех-четырёхлетних детей объявляют любовниками дьявола¹⁸.

¹⁷ Роббинс, *op. cit.*

¹⁸ Munro, Dana Carleton. The fourth crusade. Vol. 3, Issue 1 of Translations and reprints from the original sources of European history. The Department of history of the University of Pennsylvania, 1907. p. 19.

И здесь уже нельзя все списывать только на «бизнес колдовства», как делает Роббинс, тем более относя его к позднему периоду. На такой взгляд давно уже возразил Мидельфорт, указав, что в некоторых, широко заполненных ведьмами областях, запрещалась конфискация имущества, а в некоторых других, где конфискация происходила, ведьм жгли, наоборот, мало¹⁹. То есть присутствует еще какой-то неучтенный фактор массового психоза.

Но никто до сих пор не попытался связать две очевидные и давно хорошо известные тенденции: начало массовой охоты на ведьм, широкое распространение психозов, явления «одержимости» в монастырях — и характерное изменение питания населения: значительное увеличение потребления ржи. У всего этого есть довольно четкий порог. Время «перелома» — 1550—1560 годы.

¹⁹ Midelfort, 1972. p. 5.

Глава 22

Перелом: 1550—1560

Если публикация «Молота ведьм» фактически не сопровождалась увеличением колдовских процессов, которые в первых десятилетиях следующего века и вовсе пошли на спад, то в середине шестнадцатого столетия тенденция полностью изменилась: «приблизительно с 1550 года кривая преследований взлетает со скоростью кометы»¹.

Считается, что процессы над ведьмам впервые достигли панических пропорций в 1560 году, а основной пик пришелся на 1620—1660 года (см. Trevor-Roper, 1967). Подводя итоги предыдущим исследованиям, Кристина Ларнер (1981) отмечает: «Создается впечатление, что в течение первой половины шестнадцатого века охота над ведьмами почти прекратилась. Были вспышки в Комо в Италии и в Стране Басков, но они очень мало затронули другие места. Франция и Германия, которые были эпицентрами охоты на ведьм в конце пятнадцатого века и снова станут таковыми во второй половине шестнадцатого и в семнадцатом столетиях, казалось, почти забыли о колдовстве»².

Коррелирует с этим и распространение паники, психозов и одержимости.

Обычно считается общепризнанным, что с конца XV века до 1560 года случаев судов над ведьмами было немного. Несколько процессов прошло в Пиренеях и Барселоне в 1507,

¹ Gibbons J. Recent Developments in the Study of The Great European Witch Hunt // The Pomegranate (5), 1998.

² Jensen, Gary F. The path of the devil: early modern witch hunts. 2007. p. 65.

1515 и 1520-х годах. Эпидемии нервных расстройств, не связанные с колдовством, тоже были редки³.

Страх перед ведьмами и их происками разгорается с невиданной силой с середины XVI века, сопровождаясь эпидемиями психических расстройств. Особенно это заметно в Германии. К примеру, только в 1559 году начали жечь ведьм в Хорбе-на-Неккаре, тогда как в Роттенбурге очищающие костры не загорались до 1578 года. Зато бороться с ведьмами начали сразу с размахом. В Роттенбурге, после сожжения очередной порции ведьм в 1585 году, судьи даже попытались остановиться, говоря, что если они продолжают жечь ведьм с такой скоростью, то скоро в городе вовсе не останется женщин⁴. Только в это время идеи «Молота» становятся популярным. Мидельфорт относит начало больших процессов на юго-западе Германии к 1562 году. Раньше даже клир к знаменитому трактату инквизиторов относился прохладно:

В самом деле, удается обнаружить только очень редкие упоминания о «Молоте» в немецких проповедях и процессах того периода, и удивительно мало внимания уделяется столь дорогому сердцу авторов симптому, импотенции⁵.

Это замечание крупного специалиста по охоте на ведьм в Германии Мидельфорта довольно показательны. Мания «потери членов», о которой столько писали инквизиторы, сильно распространилась также только с середины XVI века и приняла форму психоза «завязанных узелков». В Германии и Франции стали панически бояться, что ведьмы могут лишить мужчину потенции, завязав шнурок узелком во время венчания и произнеся при этом особые заклинания. Завязывание узелка стало символизировать кастрацию и отсечение гениталий. Само поверье было древним, есть оно и сейчас, но никогда этот страх не овладевал людьми с такой силой, как во время пика охоты на ведьм. О таких кознях ведьм много писали демонологи. Судья Пьер де Ланкр, обнаруживший не одну тысячу ведьм в стране басков, подтверждал, что вера во фригидность как следствие завязывания узелка была настолько распространена во Франции, что знатные люди не хотели

³ Matossian M. K. *Poisons of the Past: Molds, Epidemics and History*. Yale University Press, 1989. p. 74.

⁴ Midelfort, H. C. Erik. *Witch hunting in southwestern Germany, 1562–1684: the social and intellectual foundations*. Stanford University Press, 1972. p. 91.

⁵ Ibid. p. 5.

больше венчаться днем, а освящали брачный союз ночью. Они полагали, что таким образом смогут избежать сатанинских чар. Кюре Тьер из Шартрской епархии приводит список известных ему соборных и синодальных решений, запрещающих завязывание узелков. В период 1529—1679 гг. их было тринадцать (по сравнению с пятью в предыдущие века). Народ находит свои способы бороться с колдовством: надо мочиться в замочную скважину церкви (вряд ли этот способ нравился местным священникам), лить вино через кольцо и т. д.

Как можно заметить, многие магические действия, например, струя вина или мочи, пущенная через кольцо невесты или скважину церковной двери, символизируют неразрывность брачных уз. Точно так же монеты в ботинке жениха могут означать половые органы будущей жены, защищенные от колдовских покушений. Многообразие способов защиты от сглаза говорит об обеспокоенности населения. Помимо перечисления способов защиты Тьер говорит также о страшной панике, которой подвергались люди, считающие, что им завязали узелок. «Этот злотак сильно бьет по людям, которые считают себя околдованными, что для своего излечения они готовы на все. Им нет дела до того, кто их вылечит — Бог или дьявол, — лишь бы избавиться от чар». Смелое заявление, учитывая эпоху, когда оно было сделано, может быть мерилom страха⁶.

Порог начала этого массового психоза — все тот же, что отмечали и современники:

Монах Кресле в «Двух книгах о сатанинской злобе», вышедшей в 1590 году, вносит хронологические уточнения: начиная с 1550—1560 гг. завязывание узелков сильно возросло. Он устанавливает зависимость между этой эпидемией и отходом от истинной религии: «Во времена наших отцов чародейство и колдовство при венчании не было так распространено, как это стало в последние тридцать-сорок лет, когда ереси стали осквернять религию и появилось безбожие»⁷.

Но причины этой «если не исключительной, то по крайней мере тревожной» ситуации, а так же выкидышей, депрессии и прочего для Делюмо непонятны:

⁶ Делюмо, Жан. Ужасы на западе: Исследование процесса возникновения страха в странах Зап. Европы, XIV—XVII вв. Пер. с фр. М.: Голос, 1994. С. 32—33.

⁷ Ibid.

Недостаточность питания, конечно, вызывала у людей, особенно малообеспеченных, непроходящую усталость, депрессию, которые безусловно могут считаться причиной дородовой смертности, произвольных выкидышей и даже импотенции. Но мужскую фригидность нельзя объяснить только недоеданием. Об этом пишут Рабле, Брантом, Монтень, Бодэн и кюре Тьер. Кстати, предписываемое им лечение (розги по оголенному телу) должно разогреть кровь у мужа. Так что же произошло в начале Нового времени, если завязывание узелка — это старинное деревенское суеверие — вышло за пределы сельской местности и укоренилось в письменной культуре?⁸

Бороться с ведьмomanией и пытаться объяснять что-либо естественными причинами к этому времени становится уже опасно:

Одновременно с поддержкой предрассудков некоторые стремились опровергать их. До 1550 г. это было можно сделать и остаться в живых, после 1550 г. и в течение следующего столетия оппонентов принуждали к молчанию запугиванием или угрозой смерти⁹.

Давление церкви не ослабевает: в 1559 году по поручению бывшего Великого инквизитора, ставшего папой Павлом IV, выпускается первый «Индекс запрещенных книг» (*Index Auctorum, et librorum Prohibitorum*). Набирают силу иезуиты. Но еще можно мягко сомневаться. Монтень пытается объяснить манию узелков тревогой и страхом, а веру в чудеса и колдовство — фантазиями невежественных людей:

Вполне вероятно, что вера в чудеса, видения, колдовство и иные необыкновенные вещи имеет своим источником главным образом воображение, воздействующее с особой силой на души людей простых и невежественных, поскольку они податливее других. Из них настолько выжили способность здраво судить, воспользовавшись их легковерием, что им кажется, будто они видят то, чего на деле вовсе не видят. Я держусь того мнения, что так называемое наведение порчи на новобрачных, которое столь многим людям причиняет большие неприятности и о котором в наше время столько толкуют, объясняется, в сущности, лишь действием тревоги и страха¹⁰.

⁸ Ibid.

⁹ Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М.: Локид-Миф, 1996.

¹⁰ Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. Пер. с фр. М.: Голос, 1992.

Папская цензура пока еще придирается только к отдельным выражениям Монтеня, касающимся осуждения им жестокости пыток, целиком книга будет запрещена значительно позже.

В 1562 году Питер Брейгель Старший начинает рисовать картины, поразительно напоминающие произведения Босха и представляющиеся многим искусствоведам непонятными и сюрреалистичными — «Безумная Грета» («Сумасшедшая Мэг»), «Триумф Смерти», «Падение ангелов». Кажущееся необъяснимым «безумие» сюжетов этих картин к 1564 году логично сменяется изображением «злой корчи» и «пляски Витта» в «Паломниках, идущих к церкви в Моленбек», а в 1568 году мы видим последствия эрготизма: «Калек» и «Процессию слепых». Брейгель совершенно реалистично изобразил весь цикл развития эпидемии — от галлюцинаций до гангрены и катаракты. Тем временем вера в чудесное и чудовищное увеличивается:

В 1560 году появились «Необыкновенные истории» Боэстюо — книга, о которой можно сказать, что она создала жанр. Она сразу же имела шумный успех, о чем свидетельствует как количество ее переизданий, так и продолжения, с помощью которых ее неустанно стремились удлинить вплоть до конца XVI века. Она была переведена на английский и голландский, а в самой Франции переписывалась, перелагалась и широко цитировалась. Вскоре А. Паре позаимствовал из нее немалую часть своих рассказов. За книгой Боэстюо последовал «Трактат о чудовищах» богослова и проповедника Арно Сорбена (1567), переведенный на французский Бельфоре, и книга А. Паре «Чудовища и чудеса» (1573). Люди эпохи Возрождения находили удовольствие в описаниях чудовищных существ, в рассказах о поразительных фактах и их перечислении. И у них было чувство, что с недавнего времени число таких фактов умножилось — также, как число колдунов и богохульств, причем связь между теми и другими не была случайной. В то время колдовство представлялось наиболее веским доказательством перевернутости мира¹¹.

Эта «перевернутость мира» будет царствовать в Европе сотню лет, отражаясь в загадочных битвах в небе Нюрнберга (1561), шарах над Базелем (1566), в газетных новостях: «В среду 18 февраля 1579 г. с двух часов дня до самого вечера над Парижем летали драконы

¹¹ Делюмо, Жан. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003, С. 178.

и змей, и все могли их видеть»¹², а в конце гротескно и наглядно проявится во время психической эпидемии 1669 года, когда жители Нормандии заметят, как двести с лишним человек нагишом пляшут возле Ла-Эйе-де-Пюи (вот это, возможно, правда — пляскам Витта самое место в такой ситуации). Затем нормандцы начнут видеть то летающих обнаженных ведьм, то толпы людей, обступивших козла и держащих в руках черные свечи, причем «некоторые крестьяне утверждали, что видели среди них и священников, которые служили мессы, стоя на голове»¹³.

Для местных священников, впрочем, никакой «перевернутости мира» уже не существовало — все было привычно и естественно. Совместными усилиями судьи и местные жители нашли 525 человек, которым и предъявили обвинение в ведовстве. Среди них было более ста священников, опознанных как участников шабашей. Суд позаботился о том, чтобы большинство арестованных сознались. Один местный священник в своем письме утверждал, что ведьмы летали, поскольку «натерлись мазью, и высокий человек с рогами унес их через дымоход», а затем они «резали младенцев на части, варили их на огне вперемешку со змеями». Высказал святой отец и уверенность, что все, о чем говорили на процессе, чистая правда, и написал о своей твердой вере в то, что дьявол, приняв облик крысы, действительно может разговаривать¹⁴.

Надо здесь отдать должное Людовику XIV, заменившему обвиняемым смертную казнь изгнанием из провинции.

Парламент Нормандии, под юрисдикцией которого ведьм сжигали в Руане со времен Жанны д'Арк, был возмущен и обратился к Людовику с просьбой отменить предыдущее решение. Людовик не обратил на прошение никакого внимания и заставил Нормандию исполнять свою волю. Двенадцать лет спустя, следуя совету Кольбера об усилении центральной власти, а также решив обуздать разгул колдовства и святотатства, Людовик издал свой знаменитый эдикт, положивший конец преследованиям ведьм во Франции¹⁵.

¹² Делюмо, 1994. С. 46.

¹³ Горелов Н. Бич и молот. Охота на ведьм в XVI–XVIII веках. М.: Азбука-классика, 2005.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

Глава 23

Под властью ржи

Приходит к королю премьер-министр и говорит: «Вашество, у меня плохая новость. Последний урожай ржи заражен спорыньей, и кто эту рожь съест, сойдет с ума». — «Как ни жаль, — отвечает король, — остается лишь одно: запретить людям есть ее». — «Но народ умрет с голода, — говорит министр, — наших запасов не хватит, чтобы прокормить людей до следующего урожая!» — «Ладно, пусть они едят эту рожь, а мы не будем», — отвечает король. — «Но если мы не будем как все, люди решат, что это они нормальные, а мы сумасшедшие». — «Ужасно, что же нам делать?» — спрашивает король. Король и министр раздумывают. «У меня идея, — говорит министр, — давайте пометим наши лбы каким-нибудь знаком и будем есть вместе со всеми. Возможно, мы тоже потеряем разум, но, когда мы встретимся и увидим на своих лбах этот знак, мы вспомним, что были в здравом уме и что нам пришлось стать сумасшедшими, чтобы жить с другими».

Бернар Вербер. Последний секрет

Что же все-таки случилось в середине XVI века? Выдвинуто много версий, но ни одна из них по отдельности не представляется достаточно убедительной. Чаще всего указывается на деятельность иезуитов, борющихся с Реформацией, на экономическую составляющую ведовских процессов и на изменение климата. Эти факторы,

действительно, внесли свою лепту, включая и климатические изменения. Приблизительно к 1560 году среднегодовая температура начала понижаться, наступила фаза похолодания в рамках малого ледникового периода. Границы малого ледникового периода достаточно условны, но обычно фаза похолодания датируется 1560—1850 годами, а с 1460 до 1560 было как раз относительное потепление¹. Итак, с середины XVI века становится холоднее, и одновременно разгораются костры с ведьмами. Жгут их, конечно, не для того, чтобы согреться — но одним из существенных факторов неурожая и повышения цен на продовольствие похолодание действительно являлось. Это вызывало социальную напряженность, а также мистические поиски виновных, в которые, естественно, определялись ведьмы. Если добавить сюда давление папства, бизнес инквизиторов, деятельность иезуитов, Тридентский собор, душивший музыку и искусство, то уже почти достаточно. И все же массовое безумие, одержимость и видения это не объясняет. Но есть еще один существенный фактор: именно в это время происходит смена питания населения — с мяса на рожь. И изменение температуры виновато в этом только отчасти.

Дело в том, что в 1348 году в Европу пришла загадочная «черная смерть», унесшая, по крайней мере, треть населения. Чем бы ни была вызвана эта пандемия, важно здесь только отметить, что в первый период после мора питание населения улучшилось. Уровень потребления мяса в Германии вырос до 100 кг. на душу населения, что сравнимо с современным. Не потому, что коровы расплодились как кролики, а просто едоков стало меньше. Население восстанавливалось примерно 150 лет. Стало много необрабатываемых полей, и рожь более не составляла столь существенную часть диеты, какой являлась раньше и какой опять начнет становиться с середины XVI века.

В средневековье мясо было дороже хлеба в четыре раза, что делало его почти недостижимым для бедных слоев общества. Только после Черной смерти, когда до 70 процентов полей лежали под паром и в конечном счете использовались как пастбища для животных, стало доступно больше животных продуктов типа мяса, молока, масла и сыра, и в последующие десятилетия потребление этих продуктов повысилось до уровня, который даже превзошел уровень Западной Европы конца двадцатого

¹ Gornitz, Vivien. Encyclopedia of paleoclimatology and ancient environments. Springer, 2009. p. 693.

века. Кроме же времени этой аномалии, мясо стоило относительно дорого и было в дефиците большую часть средневекового периода².

А затем все начало возвращаться на круги своя. Хлеб стал постепенно заменять мясо. Сначала процесс шел медленно, затем набрал обороты. За четыреста лет потребление мяса в Германии уменьшилось в семь раз. Сходное изменение диеты произошло и во Франции. Жиль де Губервиль, французский дворянин из Мениль-о-Валь, многим известен как «крестный отец» кальвадоса, яблочного бренди, производимого на северо-западе Франции. Губервиль первым в 1553 году упомянул в своем дневнике о перегонке алкоголя из сидра, хотя, скорее всего, традиции яблочного самогонварения уже имели давние корни. Но более интересны его заметки в части особенностей скотоводства и питания населения в середине XVI века.

Не менее живые зарисовки мы находим в дневнике Губервиля. Он переносит нас в XVI век, но территориально мы не слишком удалимся от Бретани; теперь мы в Нормандии, на севере полуострова Котантен, в усадьбе Мениль, расположенной в лесистой местности, в дне пути от Шербура. Владелец усадьбы Губервиль очень умело управляет своим хозяйством. Важное место в нем занимает скотоводство: в различных постройках, стоящих отдельно друг от друга, помещик держит лошадей, коров, баранов, свиней, коз... Однако большую часть крупного рогатого скота составляют, как говорит сам Губервиль, «дикие животные, [которые] пасутся в лесу», иногда вместе с соседской скотиной, и плодятся на свободе. Главная трудность — в том, чтобы их поймать, как для того, чтобы запрячь их в работу, так и для того, чтобы продать на ярмарке. Всякий раз приходится устраивать настоящую облаву, в которой принимает участие человек двадцать — тридцать... Загонщики часто возвращаются ни с чем: одних животных они не нашли, другим удалось сбежать, иногда животные вырываются изо всех сил, — так, однажды кобыла «повалила [одного из загонщиков] и чуть было его не растоптала» В дневнике Губервиля есть поразительные заметки. 24 июня 1562 года стадо бычков удалось собрать «почти» полностью; телятам, «диким бычкам», в этот день, вероятно, выжгли клеймо: Губервиль всегда клеймил свою скотину; часть из них

² Adamson, Melitta Weiss. Food in Medieval Times. Greenwood Publishing Group, 2004. p. 174.

оставили, чтобы «выложить», то есть выхолостить. В другой раз была устроена настоящая охота, чтобы «убить дикого быка» в угоду покупателю. Губервиль регулярно снаряжает маленький отряд, чтобы «prendre du haras»; дела идут с переменным успехом: обычно речь идет о молодых жеребцах, которых нужно либо спутать и объездить, либо заклеить и отпустить обратно в лес. Эти заметки вызывают в памяти не столько французскую деревню, сколько Дикий Запад; они показывают нам стороны жизни, которыми мы, историки, интересовались еще меньше, чем ручной обработкой земли, — то есть не интересовались вовсе. Тем больше у нас оснований продолжать исследование и попытаться истолковать не всегда ясные тексты, дабы воссоздать картину, которая не совпадает с обычными представлениями историков³.

К этому времени население уже восстанавливается, производится распашка заброшенных полей, уничтожается лес, «загонные охоты» уже не могут прокормить. Возникают мифы о «потерянном рае» — архетипическом образе, лежащем в основе любой утопии. Они подчиняются контексту вечной мифологемы «золотого века», которая, как показал Мирча Элиаде, восходит еще к временам неолитической революции и изначально является такой же реакцией на введение земледелия.

«Во времена моего отца мясо ели каждый день, питание было хорошим, и они пили вино, как воду. Сейчас все изменилось. Все стало дорого; положение у богатых крестьян хуже, чем у прислуги в прошлом» — вот слова Жилия де Губервиля, сельского дворянина в Нормандии в 1560-х гг. То, что все лучшее было в прошлом, во времена наших отцов, что золотой век уже позади, звучало такой банальностью со времен Катона Старшего, что историки долго сомневались, прежде чем предоставить Губервилю презумпцию невиновности. Но его ностальгия была вполне обоснованной. Продовольственная ситуация во Франции, и у европейцев в целом, начала ухудшаться в середине шестнадцатого столетия. Согласно расчетам немецкого экономиста Абеля, средняя кривая потребления мяса начала обрушиваться с 1550-х годов. Фаза избытка животноводства подошла к концу⁴.

³ Бродель, Фернан. Что такое Франция? Книга вторая. Люди и вещи. Часть 2. «Крестьянская экономика» до начала XX века. пер. с фр. М.: Изд-во Сабашниковых, 1997. С. 72.

⁴ Ferrières, M. Sacred cow, mad cow. Columbia University Press, 2005. p. 111.

Графики Абея хорошо известны экономистам. Но никто не связывал их с охотой на ведьм и эпидемиями «одержимости», усилившимся с середины XVI века.

Таким образом, между четырнадцатыми и восемнадцатыми столетиями, немцы уменьшили потребление мяса от верхней точки в сто килограммов ежегодно на душу населения до четырнадцати килограмм. Цифры Абея были обсуждены и подправлены; однако нисходящая тенденция в потреблении мяса остается бесспорной, за исключением пастушеских регионов. В Авиньоне, между 1610 и 1736 гг., ежегодное потребление говядины и баранины упало от семидесяти шести фунтов на жителя до пятидесяти девяти фунтов. Мясники, столь многочисленные на юго-западе в позднем средневековье, стали играть минимальную роль в городской жизни. В городе Монпеза-де-Кэрсии было восемнадцать мясников в 1550 году, десять в 1556, шесть в 1641, два в 1660 и один в 1763. Даже если число жителей было устойчивым или уменьшилось, как говорит Бродель, то никак не в пропорции восемнадцать к одному. С падением потребления мяса период благоденствия в культуре пищи закончился. Уменьшение потребления животного белка стало компенсироваться увеличением хлеба в рационе⁵.

Одновременно с увеличением потребления ржи тут же последовали «возгорания» огня св. Антония, видения «летающих тарелок» и огненных шаров, сыплющихся с неба. Возможно, эти видения и были спровоцированы какими-то атмосферными явлениями, но огненные шары будут видеть и пациенты в Пон-Сен-Эспри в 1951 году. Резко увеличилось количество процессов над ведьмами, широко распространились эпидемии одержимости демонами. Не слышно больше о реальных «кораблях дураков», они остаются лишь в искусстве. Это судно «существовало не только в романах и сатирах, но и в самой действительности; такие корабли, заполненные сумасшедшими и перевозившие свой необычный груз из города в город, были на самом деле»⁶. Но оно уже не актуально — никаких кораблей больше не хватит, чтобы увезти всех сумасшедших, городам от них уже не отделаться. «И мы видим, как уже после Монтеня и Шаррона, но в русле все того же движения мысли, включающего безумие в самую природу

⁵ Ibid., pp. 111–112.

⁶ Фуко М. История безумия в Классическую эпоху. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997.

разума, вычерчивается кривая паскалевской рефлексии: „Все люди неизбежно безумны, так что не быть безумцем означает только страдать другим видом безумия“»⁷.

В течение шестнадцатого столетия истерическая демономания стала эндемичной в некоторых местах, особенно в монастырях и школах. Она вспыхнула приблизительно с 1550 года, и длилась до 1565. Болезнь описывалась в старых книгах как «одержимость des *poппains* (монашек)», и данные источников показывают, что у одержимых были более или менее одновременно затронуты почти все функции головного мозга. Проявилась болезнь впервые в монастыре Верте в графстве Горн, сразу после сорокадневного поста, продолжалась более трех лет, а затем стала постепенно уменьшаться⁸.

Надо заметить, что эпидемия одержимости 1551 года в монастыре Верте была все же не первой. Еще в 1491 году была вспышка в Камбре, хотя Роббинс справедливо характеризует ее как «редкое происшествие для столь раннего времени»⁹. Монахини проявляли сверхчеловеческую силу, лаяли как собаки, взмывали в воздух как птицы, карабкались на деревья подобно кошкам и в корчах катались по земле. Потом случилась вспышка в 1526 году в Леоне, где монахинь подвергли экзорцизму. С 1550 года эпидемии становятся уже частыми.

В монастыре Верте в насылании болезни обвинили нескольких человек, одну женщину запытали до смерти. Затем был монастырь св. Бригитты, который бесы захватили уже на шесть лет или даже на десять (данные расходятся). Затем эпидемии пошли по другим монастырям. У одних монахинь развивались слуховые галлюцинации, им слышалось как дьявол играет им по ночам, пытаясь соблазнить. Другие носились по полям как собаки. Третьих дьявол поднимал в воздух и бросал на землю. В монастырях Германии, а затем и Голландии монахини нередко начинали кусать друг друга.

Общее во многих эпидемиях, что отмечается не всеми авторами — конвульсии. В 1552 году в монастыре Кенторп, что около Страсбурга, монахини не только бились в «неистовых конвульсиях»,

⁷ Ibid.

⁸ Calmeil, L. P. (m. d.). *De la Folie* // *Journal of psychological medicine and mental pathology*, Vol. 2. ed. Forbes Winslow. 1849. p. 238.

⁹ Роббинс Р. Х. *Энциклопедия колдовства и демонологии*. М.: Локид-Миф, 1996.

но также — ожидаемый, но никем не замечаемый симптом эрготизма (Роббинс о нем вообще не упоминает) — «все они жаловались на жжение в ступнях, как будто их обливают кипятком»¹⁰. Характерно, что появились мысли об отравленной еде. Сожгли монастырскую кухарку и ее мать. Не помогло. Эпидемия распространилась по близлежащим деревням, где местных женщин стали хватать и сжигать за насылание порчи.

В 1560 году в Ксанте монахини блеяли как овцы, разрывали свои простыни, впадали в конвульсии в церкви. В Кельне в 1565 году возникла эпидемия нимфомании у монахинь из Назаретского монастыря, которые «имели любовников, но утверждали, что дьяволы отводили им глаза, принимая облик собак, чтобы бесстыдно совратить их»¹¹. Эротизм — характерный симптом отравления спорыньей. Но такое поведение закономерно приводило к беременностям, а для абортот использовалась все та же спорынья. Заколдованный круг.

В 1566 году «конвульсивная болезнь вспыхнула в сиротском учреждении в Амстердаме»¹², затронув от 30 до 70 детей (данные расходятся).

На «воле», за монастырскими стенами, дела идут не лучше. Ведьм появляется все больше. Ликантропия массовая, все леса населены оборотнями. Становится ясно, что дьявол пришел на землю всерьез и надолго. Каждое десятилетие количество ведьм и одержимых увеличивается. Инквизиции приходится работать не покладая рук. Со временем примеряют на себя мантии инквизиторов и судьи, только один Анри Боге за два года сжигает шестьсот оборотней, если верить Вольтеру (хотя речь здесь, скорее, идет об общем числе сожженных). Не отстают и протестанты. Знаменитый юрист и демонолог Бенедикт Карпцов, лютеранин, «законодатель Саксонии», гордость Лейпцигского университета, подписывает смертные приговоры 20 000 человек. Даже если молва эту цифру преувеличила, то вряд ли сильно, считает Роббинс¹³.

¹⁰ Calmeil, op. cit.

¹¹ Роббинс, op. cit.

¹² Calmeil, op. cit.

¹³ «Возможно, распутивший в 1675 г. эту легенду Филипп Андреас Ольденбургский, и преувеличивал, но его оценка, вынесенная тогда, когда еще была свежа память об этом человеке, не могла быть полностью неправдоподобной, более того, Ольденбургский восхищенно цитирует его». (Роббинс, op. cit.).

Демономанические эпидемии быстро распространились в западной Европе, принимая характер народного бедствия; трудно сказать, сколько народа погибло в «священных» кострах инквизиции, несомненно, однако, что количество погибших смело может соперничать с числом погибших в кровопролитных войнах того времени; по вычислению Boguet, судьи в Бургундии, во Франции при Карле IX было до 300 000 одержимых; судья выражал желание, чтобы все эти одержимые, рассеянные повсюду, как черви на фруктовых деревьях, соединились в одно гигантское тело, которое можно было бы сжечь на костре сразу¹⁴.

Приходит время многочисленных религиозных войн. Резня в Каоре в 1561 году уносит десятки жизней, Варфоломеевская ночь в 1572 году — уже тысячи. Характеризуя в целом эту эпоху, Делюмо писал: «В Европе начала Нового времени повсюду царил явный или скрытый страх»¹⁵. Так будет продолжаться и далее в XVII веке.

Часто одержимость носила коллективный характер, особенно среди монахинь и детей, у которых проявлялась разнообразная картина истерических расстройств, хотя преобладали судорожные припадки, параличи, расстройства сознания, фантазии, похожие на бред, истерические галлюцинации и т. п.¹⁶

Симптомы известной эпидемии в Мадридском монастыре опять же выглядят похоже:

С одной монахиней вдруг стали случаться страшные конвульсии. У нее делались внезапные судороги, мертвели и скорчивались руки, выходила пена из рта, изгибалось все тело в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал настоящий бред. Несчастная объявила, что в нее вселился демон Перегрино (обратите внимание на то, что в Испании и демон носит народное имя), который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже сделалась жертвой этого недуга. Тогда начались в обители неописуемые сцены: монахини по целым ночам выли,

¹⁴ Осипов В. П. Курс общего учения о душевных болезнях. Берлин, 1923.

¹⁵ Делюмо, Жан. Ужасы на западе: Исследование процесса возникновения страха в странах Зап. Европы, XIV–XVII вв. Пер. с фр. М.: Голос, 1994. С. 3.

¹⁶ Якубик, Анджей. Истерия. Методология. Теория. Психопатология. Перевод с польского. М.: Медицина, 1982.

моякали и лаяли, объявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник Франсуа Гарсиа прибег к заклинанию бесноватых, но безуспешно, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри. Гарсиа, обнаруживавший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношение с демонами прежде, чем напасть на них¹⁷.

Некоторые авторы полагают, что в конкретном случае все произошло лишь из-за склок в монастыре, и монахини просто «играли» в одержимых¹⁸. Возможно, в этот раз так и случилось, но здесь есть еще один интересный момент. В классической работе французского психиатра Реньяра (Paul-Marie-Leon Regnard) отмечено в скобках, что демон носит народное имя. Но Перегрино по-испански — это не только народное имя (оно-то, возможно, вторично) или имя дьявола. Само слово означает «пилигрим», «паломник». Испанское название той книги Коэльо, которая вернула былую славу Пути Иакова, было как раз «El peregrino de Compostela» (в португальском оригинале — «Путь мага»), а дословно «Пилигрим из Компостелы». Ассоциировались ли в Испании со средних веков паломники на Пути с демонами и бесами? Или же просто с теми, кто несет несчастья и болезни? Самого сильного демона *Peregrino* называли также *Raro* (странный), одержимость определялась врачами как *Peregrino Raro*.

Тем временем «настоящие» бесы продолжали захватывать в Европе монастырь за монастырем. Некоторые случаи одержимости стали широко известны, что довольно подробно изложено у того же Реньяра:

Новость о бесноватости бенедиктинок наделала много шума, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией Луденских урсулинок, беснования которых относятся к 1631 году. Игуменья, мадам де-Бельсьель, объявила, что она одержима Астаротом, и как только начались заклинания, стала издавать вопли и биться в конвульсиях. Находясь в бреде, она говорила, что ее околдовал священник Грандье, преподнося ей розы... С другими одержимыми, между прочим и с мадам де Сазильи, ежедневно случались конвульсии, особенно во время заклинаний. Одни из них

¹⁷ Реньяр П. Умственные эпидемии. 2-е изд. М.: Emergeney Exil, 2004. С. 44–45.

¹⁸ Tausiet, María. Amelang, James S. El diablo en la edad moderna, 2004. p. 202.

ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле». Вместе с судорогами у них начинались и галлюцинации¹⁹.

После луденской эпидемии вездесущие демоны овладели обителью св. Елизаветы в Лувье, где наблюдались уже привычные картины: монахини «описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги», падают в длительные обмороки, при которых «у них незаметно ни малейшего признака дыхания», или «катаются по церковному полу и, издавая при этом страшный рев, подпрыгивают, как будто под влиянием пружин»²⁰.

Позже на смену одержимым беснующимся монахиням придут конвульсионеры, пляшущие свой вариант «пляски Витта» на кладбище св. Медарда.

На связь подобных эпидемий одержимости с отравлением спорыньей указывалось уже давно, но до сих пор эта точка зрения далеко не общепринята, хотя только она объясняет сразу все эти случаи.

Связь между эрготизмом и институциональными условиями жизни может также пролить свет на многочисленные вспышки демонической одержимости в монастырях и женских монастырях в шестнадцатом и семнадцатом столетиях. Согласно описаниям семнадцатого века, жертвы эрготизма «часто казались заколдованными или одержимыми демонами, их крики были слышны за четыре или пять домов». Еще в 1700-х годах, много позже того, как причина эрготизма была определена, а пик гонений на ведьм уже прошел, эта болезнь все еще приписывалась колдовству. Как отмечал Баргер, «вера в колдовство была по-прежнему распространена, и многие считали, что страдающие от судорожного эрготизма были одержимы бесами». Альбрехт, хроникер восемнадцатого века, писал в 1743 году: «не зная естественных причин, простые люди были склонны приписать признаки этой специфической болезни действию колдовских чар». Такие описания современников являются сильными свидетельствами связи между эрготизмом и колдовством²¹.

¹⁹ Ibid., pp. 47–48.

²⁰ Ibid., p. 55.

²¹ Sidky, H. Witchcraft, lycanthropy, drugs, and disease: an anthropological study of the European witch-hunts. Vol. 70 of American University Studies. Peter Lang, 1997. p. 172.

Глава 24

Неэлевсинское пиво

— Я могу выяснить это для вас.

— Каким образом? — спросил Хагбарт.

— Я уже давно знаю — с тех пор, как мы с Шефом выпили у финнов напиток видений, — что я и сам могу увидеть видения, если выпью нужного зелья. И по-моему, все видения Шефа происходят от одного и того же корня. Вернее сказать, не от корня, а от грибка. Вы все знаете, что когда рожь при уборке отсыреет, на ней появляются такие черные рожки, спорынья. У вас, норманнов, она зовется *gigilfr*, ржаная волчанка. И мы все знаем, что зерно нужно высушивать, а со спорыньей есть его нельзя. Но полностью избавиться от спорыньи очень трудно. Она вызывает видения, а в больших дозах сводит с ума. Думаю, наш друг особенно к этому восприимчив, так бывает с некоторыми людьми. Его видения появляются после того, как он поест ржаной хлеб или ржаную кашу. А что мы едим здесь с тех пор, как кончились наши запасы? Мы едим белый хлеб из хорошо просушенной пшеницы. Но у меня хранится снадобье из рожков спорыньи. Я в любой момент могу вернуть его видения.

Гарри Гаррисон. Император и Молот

Еще один дополнительный штрих, на который тем более не обращают внимания — это замена вина пивом, что вполне могло добавить немалый градус одержимости в тех землях, где пиво варилось из ржи.

Повсюду в Европе годы с 1560 до 1600 были более прохладными и более бурными, с поздними урожаями винограда и значительно более сильными ветрами, чем в двадцатом столетии. Изменение климата стало очень существенным фактором в изменении цен на продовольствие. Производство вина резко упало в Швейцарии, нижней Венгрии и части Австрии между 1580 и 1600 гг. Австрийские вина имели низкое содержание сахара из-за холодных условий и были настолько дороги, что большая часть населения переключилась на пиво¹.

Ведьмы массово появились в Австрии в это же время, раньше их практически не замечалось.

До 1570 г. преследование ведовства было редкостью, законы, за исключением имперского уголовного кодекса Карла V 1532 г., не принимали его всерьез. Уголовное законодательство Тироля 1499 г. не предусматривало наказаний ни за колдовство, ни за ведовство; в 1544 г. колдовство и гадание считались заблуждениями; и еще в 1573 г. другой полицейский устав (принятый в том же Тироле) приравнивал ведовство к богохульству и предполагал за него наказание в виде денежного штрафа (из которого четверть получал информатор, еще четверть — судья, а половина шла на благотворительность). Такой умеренностью Австрия была обязана императору Максимилиану II (1564—1576), который получил образование в Испании (где образцом поведения в подобных случаях стала для него испанская инквизиция, не поощрявшая безосновательных обвинений) и был врагом насилия. С его точки зрения, ведьмы и все те, кто обращался за помощью к гадалкам, были не более чем глупцами².

Но, возможно, дело было не только в скептически настроенном императоре. Средневековое пиво, казавшееся панацеей от заразы, далеко не всегда было более безвредным для здоровья, чем обычная вода. Но воды боялись, причем даже дождевой. Если в Венеции были колодцы для дождевой воды (деться было некуда), то в Париже еще в 1348 году медики призывали остерегаться дождя как разносчика чумы и «ничего не варить на дождевой воде». Вызвано это было, скорее всего, особенностями средневекового мышления — после дождя

¹ Fagan, Brian M. The Little Ice Age: how climate made history, 1300—1850. p. 90

² Горелов Н. Бич и молот. Охота на ведьм в XVI—XVIII веках. М.: Азбука-классика, 2005.

все нечистоты города попадали в Сену, откуда воду и брали. А раз после дождя увеличивалась массовость болезней, то напрашивался классический ошибочный вывод «post hoc ergo propter hoc» — это происходит после дождя, значит, вследствие дождя, следовательно, дождь ядовит. Рационализация — вода суть «испарения, которые помрачают солнце и изменяют его свет в тьму», поднимающиеся из моря, где «воды испорчены мертвыми рыбами», поэтому любая вода подозрительна. И если в конкретном случае боязнь врачами дождя, возможно, и была вызвана какими-нибудь более реальными причинами, а в народе — слухами об отравленных прокаженными колодцах, то со временем пить воду все равно стали бояться, и это, собственно, было оправдано ее качеством в городах. Пиву было уготовлено светлое будущее.

Варили травяное пиво на основе грюйта (Gruit, Grut, Gruut), что само по себе — название вереска, но добавляли в смесь также полынь, мирт, имбирь, тысячелистник, мандрагору, белену, коноплю и даже куриный помет. В результате получалась темная и вязкая жидкость, вызывающая галлюцинации. Замок знаменитого рода Грютхусе (торговцев грюйтом) эпохи правления герцогов Бургундских и сегодня может лицезреть любой турист в Брюгге. Первоначально, впрочем, замок служил лишь складом для хранения ценного грюйта, и только позже был перестроен под роскошную резиденцию. Грюйт-смесь распространялась в виде порошка, право на торговлю которым во многих местностях было монополизировано католической церковью или государством. Например, по декрету от 17 апреля 1381 года, выпущенному архиепископом Кельна Фредериком для поддержания монополии на грюйт, всем, кто бы пожелал варить пиво, было предписано покупать смесь в специальных епископальных цехах³. Входявшие в состав пива алкалоиды могли вызывать видения, что послужило поводом для множества суеверий. За испорченное пиво, согласно некоторым авторам, до конца XVI века сжигали «пивных ведьм»⁴, особенно в Швейцарии⁵. Другие авторы считают, что охота на ведьм была объединена с обвинениями в порче пива, чтобы позволить церкви и монастырям заполучить контроль над этой

³ Arnold, John P. *Origin and History of Beer and Brewing* Chicago: Alumni Association of the Wahl-Henius Institute of Fermentology, 1911, p. 237.

⁴ Denny, Mark. *Froth!: the science of beer*. 2009. p. 19.

⁵ Jackson, Michael. *The World Guide to Beer*. Bookthrift, 1982. p. 10.

прибыльной деятельностью⁶. Определенный смысл в этом есть. Монастыри, действительно, старались монополизировать производство пива, и это также могло сказаться на «ведьмах», поскольку пиво часто варили женщины, то есть являлись конкурентами церковникам и по этой причине. Можно было им приписывать пресловутое «ведмино варево» и отправлять на костер. Монастыри брали пивоварение в свои руки, получая серьезный доход с продаж «проверенного» пива, сваренного в святом месте. Таким образом «опиум народа» в виде галлюциногенного грюйта с алкоголем распространялся монахами совершенно в буквальном смысле. Но надо заметить, что информация о «пивных ведьмах», или *brauhexen*, хотя сейчас общепринята и регулярно появляется в статьях и книгах о пиве, очень расплывчата и противоречива. Обычно она приводится для доказательства того, что с заменой грюйта на хмель, ближайшего родственника конопли, эти проблемы пива были решены. Такой взгляд продвигается пивными компаниями и, надо полагать, имеет мало общего с действительностью. Проблема была не только в грюйте.

Задумываться о том, что с пивом что-то не так, стали уже давно, и в Англии это связывали не с грюйтом, а с самим хмелем, который ранее там был запрещен, как и в некоторых землях Германии. Хмель обвиняли в провоцировании восстания Джека Кеда. Намеки на пристрастие Кеда к крепкому элю озвучил Шекспир в Генрихе VI (часть 2, Акт IV, сцена 2), вложив бунтовщику в уста слова, с которыми тот обращается к толпе: «В Англии будут продавать семь полупенсовых булок за один пенс; кружка пива будет в десять мер, а не в три; и я объявлю государственной изменой потребление легкого пива». К концу XV века хмель опять попытались запретить. Пока папа Иннокентий писал свою буллу о колдовстве, в том же 1484 году в Англии во время краткого правления короля Ричарда III гильдия пивоваров «потребовала отмены использования хмеля из-за его возмущающих на психику свойств»⁷. Но проблема была и не в хмеле.

Опять же, это почти закон чистоты, а три года спустя (1487) мы сталкиваемся с истоками знаменитого немецкого Райнхайтсгебот

⁶ Spitz, Janet. CEO Gender and the Malt Brewing Industry: Return of the Beer Witch, Ale-Wife, and Brewster. *Forum for Social Economics*. Volume 39, Apr., 2010, Number 1, pp. 33–42.

⁷ Hornsey, Ian Spencer. *A history of beer and brewing*. Royal Society of Chemistry, 2003. p. 320.

(Reinheitsgebot) в Баварии, где герцог Альбрехт IV постановил, что только ячмень, хмель и вода должны использоваться для варки пива⁸.

Знаменитый Закон о чистоте пива, который, как многие уверены, относится к 1516 году, был изначально принят в Мюнхене в 1487 году герцогом Альбрехтом, а его сын Вильгельм IV этот закон лишь подтвердил и распространил на всю Баварию (в 1487 году объединенной Баварии как таковой еще не было, Альбрехту удастся воссоединить земли со столицей в Мюнхене только в начале XVI века). Закон был правильный — он запретил как грюйт, так и ржаной солод. И принят закон был вовремя — как мы помним, в 1486 году в Германии начались повсеместные эпидемии эрготизма.

Теперь мы знаем, что спорынья могла попадать в пищу и через «жидкий хлеб». Напитки, связанные с рожью, подозревались при отравлениях спорыньей давно, но замечали это чаще в России. В 1803 году члены Полтавской врачебной управы Сенковский, Тишевский и Никитников разработали систему профилактических мероприятий против эрготизма, одним из пунктов которой было указание не гнать вина из хлеба, пораженного спорыньей⁹. Распоряжение МВД от 1844 года считает «небесполезным внушать народу» следующее: «неочищенную же рожь не только для пищи, но для выкуривания вина и для приготовления квасу, какъ вредную для здоровья, употреблять не должно»¹⁰. Здесь нельзя путать с упомянутым выше вином в Европе — в России выкуривали хлебное вино, или полугар, исключительно из ржи, а с середины XVIII до второй половины XIX века рожь продолжала составлять в среднем не менее половины сырьевой основы для русской водки. Возможно, не только фискальные интересы, но и постоянные эпидемии отравления спорыньей, идущие в России каждый год с 1887 по 1891, также подтолкнули министра С. Ю. Витте к введению с 1894 года винной монополии. В СССР государственное производство крепких алкогольных напитков было возобновлено в 1925 году. Не успели. Максудов писал во время эпидемии 1926–27 гг.: «Многими районными врачам отмечено, что,

⁸ Ibid.

⁹ Палкин, Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М.: Медгиз, 1959. С. 140.

¹⁰ Распоряжения относящаяся до Медицинской Полиции // Сборник циркуляров и инструкций МВД, Том 7. Санктпетербургъ, 1858. С. 140.

кроме употребления хлеба со спорыньей, часто причиной отравлений служило употребление кваса, пива, браги, а также самогона, приготовленного на солоде, содержащем спорынью»¹¹. И врачи не ошибались: недавние исследования подтвердили, что алкалоиды спорыньи «сохраняются в определенной степени после варки пива»¹². Действие отравленного пива также было показано в исследовании Торбьорна Альма на материалах колдовских процессов XVII века в Норвегии.

В более чем половине этих материалов содержатся свидетельства о потенциально важной роли отравления спорыньей в появлении данных судебных дел. В 42-х случаях в этих судебных разбирательствах прямо заявлено, что люди «научились» колдовству, потребляя его в форме хлеба или других продуктов муки (17 случаев), в молоке или пиве (23 случая), или в их комбинации (два случая)¹³.

Пиво, особенно ржаное, со средних веков обеспечивало синергизм алкоголя и галлюциногена. А пили пива много, панически боясь отравиться водой. При небольших дозах спорыньи галлюцинации, вероятно, могли преобладать над физическими проблемами. То есть ведьмы вокруг летают, а ноги не отваливаются. Или отваливаются, но не сразу. Чем было вызвано принятие мюнхенского закона сразу после эпидемии? Подозревали ли мюнхенский городской совет и подтвердивший закон Альбрехт IV о связи между ржаным пивом и заболеванием или это лишь совпадение? Вызывало ли пиво видения, подобно пиву элевсинских мистерий? Мюнхенские пивовары в 1987 году отпраздновали 500-летие закона о ячменном пиве, не углубляясь в анализ причин его принятия.

Оба закона утвердили использование для производства пива исключительно ячменя. Общепринятая версия, присутствующая

¹¹ Максудов Г. А. Токсидемия рафании (эрготизма) в Уральской области в 1926—27 г. // Казанский медицинский журнал № 11, ноябрь. Казань, 1927. С. 1151—1165. С. 1159.

¹² P. M. Scott. Ergot alkaloids: extent of human and animal exposure // World Mycotoxin Journal. Wageningen Academic Publishers, Volume 2, Number 2, May 2009, pp. 141—149.

¹³ The Witch Trials of Finnmark, Northern Norway, during the 17th Century: Evidence for Ergotism as a Contributing Factor. Torbjorn Alm. Department of botany, University of Tromso, N-9037, Volume 57, Issue 3, Economic Botany, (September 2003): pp. 403—416.

в большинстве книг и статей о пиве — феодалы прибегали к таким мерам в неурожайное время, считая, что народ может оказаться настолько глупым, что предпочтет пить пиво и голодать вместо того, чтобы иметь достаточное количество пищи и воздерживаться от спиртного. Но были ли в то время серьезные проблемы с рожью?

К началу XVI века цены на рожь и пшеницу были самыми меньшими за все те семь столетий (с XII по XX вв.), по которым собрал данные Вильгельм Абель, и 1487 год, когда герцог Альбрехт IV принял мюнхенский закон о пиве — это самый минимум цен, да и на время принятия баварского закона еще практически ничего не изменилось (австрийская рожь даже немного подешевела, а пшеница начинает понемногу дорожать; только к середине XVI века цены на пшеницу резко взлетают, смещая платежеспособный спрос в сторону ржи)¹⁴. К тому же никакого воздержания от алкоголя Закон о чистоте не предусматривает, наоборот, ограничивает цену пивоварам. Его цель — заменить ингредиенты. В редакции 1516 года строка закона звучит так: «Но, прежде всего, мы настаиваем, чтобы отныне и впредь ничего более не использовалось для любого пива кроме ячменя (Gerste), хмеля и воды во всех наших городах, на рыночных площадях и по всей земле».

Если бы пиво варили из ржи, неиспользованный ячмень тоже никуда бы не пропал — съели бы за милую душу в виде ячменной каши. Лучше или хуже бы было? Никто действие пива со спорыньей целенаправленно не исследовал, с действием хлеба не сравнивал, так что тут все рассуждения чисто спекулятивны по определению. Но пляски Витта, бич Германии, все же пошли на убыль. Хотя и далеко не сразу.

Год спустя после принятия Закона о чистоте в Эльзасе начнется эпидемия эрготизма, а одновременно — и, заметим, осенью — взбешенный Лютер вывесит свои 95 тезисов, и начнется Реформация. Еще год спустя в Страсбурге вспыхнет самая известная пляска Витта, и распространяться по Эльзасу она будет вместе с Реформацией (подобным образом позже и движение квакеров в Англии будет связано с конвульсиями от эрготизма¹⁵). Еще через год из-за бушующей

¹⁴ Abel, Wilhelm. *Agricultural fluctuations in Europe: from the thirteenth to the twentieth centuries*. Taylor & Francis, 1986. p. 2.

¹⁵ Matossian M. K. *Why the Quakers quaked: the influence of climatic change on Quaker health, 1647–1659*. *Quaker Hist*; 2007; 96(1), pp. 36–51.

эпидемии во Франции пришлось восстановить и сделать постоянным так называемое Остенсивное шествие (*Les ostensions*) с выносом мощей святых, помогающих от эрготизма, *mal des ardents*. Это шествие с 1519 года по сей день регулярно проходит в Лимузене и еще в 18 провинциях Верхней Вьенны, Креза, Шаранты и Вьенны, причем длится оно месяцами, что в 2009 году вызвало возмущение налогоплательщиков и судебный иск, так как эта деятельность, организуемая религиозными орденами, нарушает закон 1905 года об отделении церкви от государства. В начале 2011 года Апелляционный суд в Бордо подтвердил решение административного суда Лиможа о признании противозаконными государственных субсидий на религиозные праздники «*Les ostensions*»¹⁶.

Возвращаясь же к XVI веку, стоит отметить, что все это возбужденное движение происходило к тому же на фоне эпидемии таинственного «английского пота», причина которого так и осталась в истории загадкой. Бэкмен считал, что «потница» также являлась эрготизмом, как и пляски Витта:

Комплекс симптомов так широк, так нагleden и настолько характерен, что нет никакой необходимости сравнивать с уже подробно описанными признаками эрготизма, или с симптомами «священного огня». Подобие является подавляющим, и единственный возможный диагноз таков: жертвы танцевальных эпидемий просто были отравлены спорыньей. Также чрезвычайно вероятно, что именно спорынья являлась причиной так и остающегося загадкой «английского пота» или *sudor anglicus*. Последний появился в 1517–18 гг. в Англии и Германии, а также и в других странах. Он бушевал в Страсбурге в 1517 году. Голод был в то же самое время [*Fragments div. vieilles Cron. No. 3977*]. Финцелиус упоминает, что в 1518 году эта английская потница разорила Германию и особенно Брабант. Четыреста человек умерли от этой болезни в Антдорфе в течение трех дней. А болезнь осталась надолго. Спорынья играла роковую и ужасающую роль в человеческой истории и вызывала наиболее тяжелые эпидемии, в том числе священный огонь, танцевальную манию, английский пот и эрготизм, а смертность в некоторых случаях была огромной¹⁷.

¹⁶ Pas de financement public pour les Ostensions // *L'Humanité*, 26 Janvier 2011.

¹⁷ Backman, Eugène Louis. *Religious dances in the Christian church and in popular medicine*. 1952. p. 318.

Ничего пока не утверждая окончательно ни о связи начала Реформации с отравлением спорыньей, ни об этиологии «английского пота», подбросим все же в копилку наблюдений Бэкмэна старое российское описание симптомов эрготизма доктором Брыковым:

Не въ-состояиіи будучи выдержать жестокою боль, страждущіе выпускають жалобный вопль, и чувствуютъ будто огнемъ палить имъ руки и ноги; потъ по всему тѣлу льется ручьемъ¹⁸.

Стоит также заметить, что впервые «английский пот» появился в 1485 (86) году (в августе, что характерно) — также накануне германской эпидемии эрготизма. Полиморфизм эрготизма часто не давал возможности отделить его от проказы, рожи, эпилепсии и пр. Те нидерландские эпилептики, которые с чашами в руках окружали место казни преступника в надежде получить его кровь, которая якобы могла их излечить — «толпы их ждали вокруг эшафотов с чашами в руках, стремясь успеть выпить кровь, пока она течет из еще дергающегося тела»¹⁹ — это, скорее всего, вовсе не эпилептики, а жертвы «священного огня». В странах, где эрготизм чаще принимал форму гангрены, а не «корчей», подобного «лечения» не наблюдалось. Профессор истории университета Копенгагена Инга Флото отмечает, что такая практика была характерна для Дании и Германии, тогда как во Франции времен Людовика XVI описан лишь одиночный случай раздачи не только крови, но также волос и одежды казненного.

Особенностью немецких казней была раздача крови казненного эпилептикам, которые ее пили для излечения. Такая практика впервые упоминается в источнике 1674 года, последний раз в 1865 году. Подобная практика существовала и в Дании²⁰.

Возможен и синергизм заболеваний, который нередко предполагался в случаях «чумы» Фукидида и «черной смерти». То есть заболевание накладывалось на ослабленный перманентным отравлением спорыньей организм, и оба этих фактора вместе действовали сильнее, чем каждый по-отдельности. О подобной повышенной восприимчивости жертв эрготизма к инфекциям писал и Выясновский:

¹⁸ Отечественные записки. Том 10, тип. Н. Греча, 1840 г. С. 41.

¹⁹ Conklin, B. A. Consuming grief: compassionate cannibalism in an Amazonian society. University of Texas Press, 2001. p. 8–13.

²⁰ Floto, Inga. Dødsstraffens kulturhistorie: ritualer og metoder 1600-2000 // Volume 1 of Politik, ret & samfund. Museum Tusculanum Press, Københavns Universitet, 2001. pp. 31–32.

Но тяжелое проявление рецидивов, и в конечном итоге смерть больных, тоже связаны с интеркуррентными заболеваниями, видимо, гриппозной природы. В этом для эрготизма нет ничего специфического, ибо, как мы уже отмечали выше, такое неблагоприятное влияние инфекционного интеркуррентного заболевания может сказаться и на банальной эпилепсии. Есть основания допускать, да это подтверждается и наблюдениями местных врачей, что эрготики значительно более интолерантны к инфекциям, нежели, скажем, обычные эпилептики²¹.

Возможно, это просто совпадение, но с ведьмами в Баварии на тот момент тихо. Благодаря закону о пиве? Кто знает. И колдовские процессы в Баварии начнутся позже, чем в других частях Германии. Радикальные законы против колдовства Максимилиан I Баварский примет только в 1611 году, продолжив дело своего суеверного отца Вильгельма. Но и тот не начинал процессы до последнего десятилетия XVI века.

В 1590 г. он [Вильгельм] обратился к своему придворному совету (Hofrat) и иезуитскому университету в Ингольштадте за консультацией по поводу истребления ведьм. 28 апреля университет ответил, что, поскольку преступления колдунов еще не рассматривались в Баварии, судьи нуждаются в помощи. Они должны руководствоваться «Молотом ведьм», а также недавно опубликованным в Мюнхене немецким переводом труда Бинсфельда, обучавшегося у иезуитов, и доступными отчетами о состоявшихся процессах²².

Чему могли научить «Молот ведьм» и знаменитый демонолог Петр Бинсфельд, было описано выше. Но, быть может, баварцам все-таки удалось немного оттянуть возникновение колдовских процессов своим законом о чистоте пива? Возможно, но абсолютной панацеей пиво из ячменя тоже не являлось. Ячмень заражается значительно реже, но если уж заражение произошло, то разницы нет:

Спорынья ячменя является столь же опасной, как спорынья ржи. Кроме того, это подтверждает Retzius, когда указывает, что пиво,

²¹ Вьясновский А. Ю. Эрготизм. Классификация форм, клиника и патологическая анатомия хронического эрготизма. Пермь: Издание Психоневрологического института, 1937. С. 131–132.

²² Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М.: Локид-Миф, 1996.

сваренное из зараженного спорыньей ячменя, вызывало конвульсивный эрготизм у тех, кто пил его в больших количествах. В Гессене это отмечалось часто, а конкретно в 1770 году было замечено, что колосья ячменя содержали так же много черных зерен, как и рожь, и они даже были длинней²³.

Как именно повлиял переход с вина на пиво в тех местах, где не было Закона о чистоте, и где пиво по-прежнему варили из ржаного солода, проследить трудно. Но летающих ведьм в глазах потребителей ржаного напитка было, надо полагать, значительно больше.

В любом случае, в целом германским ведьмам все равно не повезло. Слишком много было спорыньи, и слишком много ржаного хлеба потреблялось в стране. И очень сильным и целенаправленным было первоначальное желание инквизиторов заработать на колдовских процессах. Скажем, в нищей Солони во Франции, несмотря на обилие спорыньи и на то, что легенды о ведьмах живут там до сих пор и открыты музеи ведьм («край ведьм и оборотней» — нередкая реклама местности в современных туристических проспектах), с процессами не складывалось — не было экономического смысла. В Германии же ведьм сожгли примерно в 25 раз больше, чем в Англии, а в маленькой Швейцарии — столько же, сколько во Франции. Последняя ведьма взойдет на костер как раз в Баварии в 1749 году. Во Франции, впрочем, будут сжигать людей оптом и позже. Согласно Монтегю Саммерсу с 1772 по 1774 гг. сожжено более ста членов некой сатанинской секты²⁴, что выглядит вполне вероятным, учитывая ежегодные массовые эпидемии отравления спорыньей во Франции с 1770 по 1777 гг. Это была последняя дореволюционная вспышка вызванного грибом массового ужаса перед «нечистой силой». Следующая волна распространения паразита вызовет «Великий страх» в 1789 году, что приведет непосредственно к Французской революции.

²³ On ergotism // The veterinarian. (Verheyen M. S. Annales de Médecine Vétérinaire, Bruxelles, Dec., 1861). London, 1862. p. 118.

²⁴ Summers, Montague. Geography of Witchcraft. Kessinger Publishing (reprint), 2003. p. 516.

Глава 25

Заговор врагов и Великий страх

Ну, говорить о том, что, мол, Французская революция случилась по вине спорыньи, было бы несколько чересчур, однако нельзя не отметить, что это грибковое заболевание хотя бы отчасти усугубило всеобщее состояние в стране.

Питер Макиннис. Тихие убийцы

Уже через несколько дней после взятия Бастилии Францию начала охватывать мания видений «шпионов в лесу», известная под названием Великого страха 1789 года. По всему Франш-Конте, хорошо известному былым нашествием оборотней, распространяется новая паника. Французские крестьяне повсюду ищут тайно проникнувших в тыл врагов. В июле 1789 года зарождается идея «заговора аристократов» с заграницей, сыгравшая немалую роль в истории революции. Эта мысль навязчиво овладевает массами: раз первые люди королевства эмигрируют, увозя с собой крупные суммы, то будут ли они жить спокойно за границей, не захотят ли отомстить? При этом реально эмиграция была еще достаточно скромной, но слухи ее преувеличивали. Крестьянам стало казаться, что аристократы поклялись погубить «третье сословие» с помощью иностранных наемников. Окрестные леса тут же наводнились «английскими шпионами» и «грабителями». Их видели вживую за каждым кустом. В разных местах страны, почти одновременно, возникли слухи о появлении больших шаек то ли разбойников, то ли иностранных диверсантов, которые сжигают хлеб на полях и подвергают разгрому целые города.

«Призрак заговора бродил по Франции в первые годы Революции. „Великий страх“ стал пропастью. Одним из мифов того времени был слух о сообществе аристократов и разбойников»¹. Слухи эти в большинстве случаев распространялись с поразительной быстротой, почти ни у кого не вызывая сомнений в реальном существовании грозной опасности. Крестьяне были уверены, что огромные непобедимые полчища то ли британцев, то ли австрийцев планомерно овладевали одним населенным пунктом за другим. Великий страх не имел под собой абсолютно никаких оснований. Тем не менее тысячи людей в разных регионах страны рассказывали друг другу ужасающие истории о злодеяниях оккупантов. Крестьяне хватались за оружие. Теперь, в свою очередь, за «разбойников» стали принимать восставших, что еще больше провоцировало слухи о врагах.

Страна почувствовала себя незащищенной от разбойников, заговорщиков, внешних врагов. Необходимо было предпринять срочные меры самозащиты и уничтожить множество врагов. В такой обстановке плодились и множились разновидности страха, объединенные в одно понятие «Великий страх»².

Само название «Великий страх» было придумано историками, однако оно вполне соответствует впечатлению, оставленному этими событиями в народном воображении. Жорж Лефевр, написавший в 1932 году монографию по Великому страху (Georges Lefebvre. *La Grande peur de 1789*. P., 1932), отделил непосредственно его проявления от одновременных крестьянских волнений, что обычно смешивалось другими историками. Лефевр указывает, что еще в середине XIX века в некоторых французских провинциях 1789 год называли «годом страха». В Аквитании эта паника была известна как «Английский страх». Возможно, в этих событиях и лежат истоки французского выражения «histoire de brigands» (история разбойников) — невероятная история, выдумка, небылица. Явление, вследствие которого «большая часть Франции жила в состоянии постоянной угрозы»³, Лефевр определяет как «гигантский лживый слух», он не может отыскать «никаких следов заговора»: «по мере того, как известия распространялись, они сами становились новым доказательством повсеместного существования неуловимых

¹ Делюмо, Жан. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. С. 154.

² Ibid., 140.

³ Ibid., 144.

разбойников»⁴. Некоторые исследователи отмечают, что охота на шпионов и проституток уже проявлялась в Париже двумя годами раньше: «Каждому человеку, который присоединялся к толпе, говорили тайно, что они „охотятся на шпионов и шлюх“»⁵. Другие полагают, что непосредственно вера в «заговор аристократов» сыграла не столь значительную роль в Великом страхе⁶. Общим во всех многочисленных размышлениях и спекуляциях является одно — причины этой паники неизвестны. Известны лишь результаты:

Эпидемию крестьянского бунта превратило в необратимое потрясение объединение восстаний провинциальных городов и волны массового страха, которая смутно, но быстро распространилась по просторам страны: так называемый *Grande Peur* («великий страх») конца июля и начала августа 1789 г.; буквально за три недели июля социальный строй французского крестьянского феодализма и государственная машина королевской Франции были сокрушены⁷.

Математик и активный участник Великой французской революции Жильбер Ромм находился во время революции в Париже вместе со своим воспитанником Павлом Строгановым, будущим генерал-адъютантом императора Александра I. Многие бумаги Ромма были впоследствии скуплены во Франции русскими коллекционерами, и в дальнейшем часть из них попала в государственные хранилища Москвы и Ленинграда, ныне они находятся в западноевропейской секции архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. Выдержки из писем, касающиеся Великого страха были напечатаны в СССР в 1939 году. Автор публикации К. И. Раткевич писала в предисловии: «Кто являлся виновником этой паники? Из каких кругов вышли первые известия о появлении „разбойников“? Обследованные до сих пор материалы не дают пока конкретного ответа на этот вопрос»⁸.

⁴ Lefebvre, G. *The Great Fear of 1789: Rural Panic In Revolutionary France*. NY., 1973.

⁵ Luckett, T. M. Hunting for spies and whores: A Parisian riot on the eve of the French Revolution // *The Past and Present*, 156 (August 1997): pp. 116–143.

⁶ Tackett, T. Collective Panics in the Early French Revolution, 1789–1791: A Comparative Perspective // *French History*, 2003, vol. 17(2): pp. 149–171.

⁷ Хобсбаум, Эрик. *Век революций. Европа 1789–1848* / Науч. ред. к.и.н. Егоров А. А.; Пер. с англ. Якуниной Л. Д. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 92.

⁸ Раткевич К. И. «Великий страх» в Оверни / Публ. К. И. Раткевич // *Красный архив*, 1939, № (3) 94. С. 255–259.

Вчера утром, около четырех часов, несколько человек, взобравшись на Борегар, приняли встающий над землей туман за облако пыли, поднятой передвижением разбойников, и начали кричать, что вот они уж тут, явились. Набат гудит, и никто не сомневается, что, действительно, пришли разбойники. Те кто было улегся в постель, вскакивают: к Львиному фонтану тащат пушки; вооруженные люди толпами устремляются к предместью Айя, готовясь к стойкой защите. Около девяти часов вечера из Себаза является четыреста человек крестьян во главе с несколькими буржуа и канониками; пришли и жители из Стуза, 120 человек из Вальвика, 60 из Мезака. Трудно себе представить, что это был за переполох.

Вчерашний день по-прежнему [не разобрано], но к вечеру страхи улеглись. Население убедилось, что тревога не имела других оснований, кроме появления в наших краях нескольких человек убежавших из тюрем Парижа и Лиона и из других мест. Тем не менее состав милиции был увеличен вчетверо, и в результате этой тревоги наши советники и их присные стали теперь не чинясь записываться в нее. Одновременно с нами и Клермон переживал такие же страхи вследствие полученного от жителей Пионза предупреждения и слухов о грабежах и погромах в городах Лезу и Пон-дю-Шато.

(из письма Габриэля Дюбрейля от 1 августа) ⁹.

В августе 1789 года Ромм получил несколько писем от своего друга Габриэля Дюбрейля, очевидца Великого страха в Риоме. Здесь стоит отметить, что согласно демологу и судье Анри Боге именно в Риоме в 1588 году была сожжена женщина-оборотень, послужившая прообразом знаменитой жуткой истории об охотнике и отрубленной лапе волка¹⁰. Оборотни в горах Оверни в те давние времена водились массово. Двести лет спустя вместо ужаса перед оборотнями туда пришел Великий страх. Добрался он, как видно из письма Дюбрейля, и до Клермона, где семью столетиями ранее бросал свой клич «Угодно Богу» Урбан II, призывая в крестовый поход.

⁹ Ibid.

¹⁰ Boguet, Henri. Discours des sorciers. Lyon, 1590. (см. также Kelly, Walter Keating. Curiosities of Indo-European tradition and folklore. Chapman & Hall, 1863. pp. 261–262).

В деревнях жители покидали свои дома, и, забирая с собой все свое имущество, уходили на ночь в лес и в виноградники; перепуг до такой степени овладел ими, что только в воскресенье они решились вернуться на ночлег к себе домой. Кюре в большинстве случаев уходили вместе с ними и были напуганы не меньше их. Днем эти бедные люди не решались выходить из деревень, подозревая разбойника в каждом попадавшемся им на глаза незнакомце. Они и по сейчас уверены в существовании многочисленных шаек, и вследствие этого каждую ночь во всех деревнях выставляется хорошо вооруженный караул, по крайней мере из двенадцати человек. Для них эти страхи — сущее бедствие, если принять во внимание, что сельскохозяйственные работы требуют их присутствия в поле для уборки хлеба, который... [не разобрано]; у многих из них нет ни минуты отдыха. Сколько бы вы их ни разуверяли, все они твердят вам, что вот там-то жители видели 20 — 30 человек разбойников, которые гнались за ними, но только не смогли настигнуть. Малейший шум является поводом к тревоге... Монахини из монастыря богематери, считая, что бандиты это нечто вроде дьявола, окропили святой водой:... [не разобрано] в своем монастыре. Монахини из Марса разбежались и провели ночь с четверга на пятницу в лесу... [название не разобрано], расположенном против деревни.

(из письма Габриэля Дюбрейля от 6 августа) ¹¹.

К тому времени и в других местах, да и в самом Париже, подобное странное поведение уже было не в диковинку.

Овернь, Бурбонэ, Лимузен и Форэ подвергались в свое время таким огульным припадкам ничем необъяснимого «Великого страха». В некоторых селениях подобные эпизоды оставили более яркие воспоминания, чем даже всякие, самые крупные события революции, и создали в каждом крае свою эру. Долго потом говорили: «он родился в день „Великого страха“», подобно тому, как в иных местностях считали, что такой-то родился «в день взятия Бастилии». Эпидемия, ибо несомненно, что такую повсеместно возникающую, беспричинную панику только и можно сравнить с эпидемией, совершила круговое движение с северо-запада на юго-восток. Она не пощадила ни Дофинэ, ни Эльзаса,

¹¹ Раткевич, 1939.

ни Франшконтэ, ни Нормандии и Бретани, хотя в этих местностях она проявлялась с меньшей силой и регулярностью. Не избежали ее даже и парижане. В ночь на 17 июля 1789 г. по городу вдруг пронесся слух, что какие-то вооруженные полчища подступают к Парижу со стороны Монморанси. Паника мгновенно охватила все население, еще наэлектризованное бастильскими событиями, происходившими лишь за три дня перед тем. Звуки набата раздались одновременно во всех 60 приходах столицы Франции. Городская милиция выступает в отважную вылазку против ожидаемого неприятеля. Но единственным ее противником оказался застигнутый на городском выгоне... заяц, который и пал немедленно жертвой храбрости одного из защитников отечества...

В деревнях и селениях паника «Большого страха» принимала еще более серьезные формы. Крестьяне отдельных поселков, сознавая свою малочисленность, чувствовали себя совершенно беззащитными от воображаемых нападений. В их воображении бедствия, наносимые им фантастическими разбойниками, представлялись настолько неминуемыми, что с заходом солнца все окружающее принимало для них самые грозные и причудливые очертания. Дрожа от страха при малейшем шорохе, они, точно дети, напуганные страшной сказкой, подозрительно вглядывались в темнеющие опушки лесов, озаренные лунным светом. Стоило какому-нибудь необыкновенному звуку нарушить ночную тишину, как тотчас же ужас овладевал всеми, даже наименее трусливыми из обывателей. «Достаточно было, — пишет Тэн, — какой-нибудь девушке, возвращавшейся вечером с поля, встретить пару незнакомых лиц, чтобы весь приход бросался искать спасения в ближайшем лесу, покидая дома и имущество на произвол судьбы. В ином случае поводом для всеобщего бегства бывал подчас простой столб пыли, поднятый проезжим дилижансом». Местные священники разрешали заранее свои паствы от всех грехов, как бы в виду близости светопрествления. Повсюду в конце июля и в первой половине августа 1789 г. страх порождает массу невероятнейших несообразностей, совершаемых обезумевшим крестьянством. Можно было подумать, что во Франции вновь возвратились мрачные и зловещие дни 1000-го года...

Тем более трудно объяснить, почему же перед ними возникал такой панический ужас? В иное время на них несомненно устраивались бы облавы, их травили бы повсеместно и ежечасно, как

диких зверей, и никому другому, как именно им самим, пришлось бы искать спасения в лесах. Несомненно поэтому, что если разбойники и подавали ближайший повод к охватившей народ панике, то все же она имела в основе какие-нибудь другие, более глубокие психологические основания.

Весьма серьезные историки пытались объяснить столь повсеместное возникновение этих, по-видимому беспричинных, страхов умело руководимым какой-то таинственной рукой заговором против революции¹².

Но никаким историкам найти следы заговора так и не удалось. В чем же было дело? Объяснение таинственной загадки Великого страха предложила в 1989 году историк Мэри Килборн Матосян в книге «Яды прошлых лет. Грибки, эпидемии и история». Ее теория выглядит наиболее правдоподобно. Матосян не знала о приведенных мной выше письмах Дюбрейля, но трактата Лефевра было более чем достаточно для предположения, что виновницей массового безумия опять стала спорынья. К тому же Лефевр составил подробную карту распространения паники. Оставалось сравнить эту карту с зонами культивирования ржи. Как и следовало ожидать, наложение карт показало, что волнения большей частью распространялись из тех мест, где выращивали рожь.

Матосян рисует примерно такую картину: рожь нового урожая была только что собрана, но сразу распространились слухи, что разбойники придут его захватить. Многие люди считали, что уже видели этих бандитов. Они боялись, что уже слишком поздно что-либо делать: женщины будут изнасилованы и убиты, детей убьют, а дома подожгут. Рассказывая об этих событиях, историки часто недоумевают, чем были вызваны явно преувеличенные опасения крестьян. Представив подробную хронологию и карту распространения паники, Жорж Лефевр доказал, что между крестьянами не было никакого тайного сговора. Паника не распространялась от дома к дому, а охватывала целые сообщества одновременно. Но хотя Лефевр воссоздал психическое состояние крестьян, он не смог объяснить, почему паника возникала в одних районах Франции, но не затрагивала другие, почему именно летом 1789 года, а не в другое время. Однако, существует объяснение этих загадочных фактов. Акты похоронных

¹² Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. (С. Петербургъ, 1906) // Революционный невроз. М.: Институт психологии РАН; Изд во КСП+, 1998

записей восемнадцатого века показывают, что летом 1789 года многие французы могли пострадать от отравления спорыньей. Записи также свидетельствуют, что в некоторых регионах у многих женщин произошли выкидыши в эти летние месяцы. В записях Королевского Медицинского Общества того же года отмечено ухудшение здоровья населения во второй половине июля; сообщается, что желтуха, диарея, и нервные болезни были обычным явлением, особенно среди женщин. Некоторые пациенты доктора Джеффри «потеряли головы»; позднее, в августе и сентябре, врач нашел много случаев болей в животе, диареи и колик. Он объяснял эти симптомы потреблением «плохой муки». Другие врачи наблюдали депрессию, паралич, тревогу, страх, лихорадку и рожу. Эти врачи, как и доктор Джеффри, также подозревали «плохой хлеб»¹³.

Здесь характерен момент, который не упомянула Матосян — именно рожу в то время часто путали с эрготизмом, ставя диагноз *erysipelas* — рожа. Не только загадочная паника характерна для этого времени, в Гренобле в 1789 году появились и конвульсионеры — отголосок уже подзабытых плясок Витта.

С 1697 года, начиная с которого сохранялись достаточно полные записи о погоде, Франция не видела таких благоприятных погодных условий для массового роста спорыньи на ржи¹⁴. Необычно холодная и снежная зима 1788–1789 ослабила рожь (это так Матосян пишет, на самом деле механизм несколько другой — холодная зима активизирует склерозии спорыньи), а холодная и влажная весна позволила грибку расти на злаке. Сухое и теплое начало мая содействовало распространению спор ветром от одного растения к другому, а затем теплое и влажное лето завершило процесс¹⁵.

Надо еще добавить, что лето не обязательно должно быть теплым. Это более справедливо для Европы, а в России, например, где хлеб созревает позднее, и холодное время выпадает на цветение ржи, продолжая его, спорынья развивается никак не хуже, что отмечалось еще в российских источниках первой половины XIX века: «причина, производящая бѣлая колосья и рожки во ржи, есть сырая и холодная

¹³ Matossian, M. K. *Poisons of the Past: Molds, Epidemics, and History*. Yale University Press, 1989. pp. 82–83.

¹⁴ Здесь можно отметить, что спорынья массово появлялась даже и в менее благоприятное предыдущее десятилетие, с 1770 по 1780 гг.

¹⁵ Ibid.

погода во время цвѣта ржи»¹⁶. В любом случае, главное — чтобы была повышенная влажность¹⁷. И с ней во Франции в 1789 году все было в порядке: Матосян указывает, что в июне в Париже дождь шел двадцать дней из тридцати.

Исследующий здоровье населения Бретани Жан-Пьер Губер (Jean-Pierre Goubert, 1974) цитирует врача, проживающего в городе Клиссон. Врач сообщает, что в июле 1789 года урожай ржи был «невероятно» поражен спорыньей. Хотя Губер не связал Великий страх с этим обстоятельством, он сообщает, что рожки спорыньи были найдены в двенадцатой части всех колосьев¹⁸. В Эльзасе или Лотаргинии это никого бы не удивило, но Клиссон расположен на западе, где спорынья появлялась реже.

«Великий страх 1789 года был одним из последних среди тех странных событий европейской истории, которые могут быть объяснены пищевым отравлением», — так заканчивает главу Матосян¹⁹. Стоит уточнить — все же не последним. Далеко не последним.

В следующий раз спорынья, как бы «извиняясь» за то, что по ее милости Петру I пришлось в 1722 году свернуть персидский поход, поможет России победить Наполеона. И на этом влияние паразита на исторические события тоже не закончится. Мы можем найти его следы еще во многих событиях XIX и даже XX века. Но об этом — уже в следующей книге.

¹⁶ Распоряженія относящіяся до Медицинской Полиціи (1839) // Сборникъ циркуляровъ и инструкцій МВД, Томъ 7. Санктпетербургъ, 1858. С. 177.

¹⁷ В Австралии, Африке, Новой Зеландии и Ирландии условия, благоприятствующие распространению спорыньи, могут быть несколько другими.

¹⁸ Matossian, 1989. p. 83.

¹⁹ Ibid., p. 87.

Библиографический список

1. Abel, Wilhelm. Agricultural fluctuations in Europe: from the thirteenth to the twentieth centuries. Taylor & Francis, 1986.
2. A History of the Popes, Dr Joseph McCabe, C. A. Watts & Co, London, 1939.
3. Adamson, Melitta Weiss. Food in Medieval Times. Greenwood Publishing Group, 2004.
4. An Z. Handbook of industrial mycology. Volume 22 of Mycology series, Lemke, Paul A. CRC Press, 2005.
5. Arnold, John P. Origin and History of Beer and Brewing Chicago: Alumni Association of the Wahl-Henius Institute of Fermentology, 1911.
6. Backman, Eugène Louis. Religious dances in the Christian church and in popular medicine. 1952.
7. Barber M. The new knighthood: a history of the Order of the Temple. Cambridge University Press, 1995.
8. Barber, Malcolm. The two cities: medieval Europe, 1050–1320. Routledge, 2004.
9. Barger, George. Ergot and Ergotism: A Monograph. London: Gurney and Jackson, 1931.
10. Berkeley, Miles Joseph. Outlines of British fungology: containing characters of above a thousand species of Fungi, and a complete list of all that have been described as natives of the British Isles. L. Reeve, 1860.
11. Bessy, Maurice. A pictorial history of magic and the supernatural. 1964.
12. Blick S., Tekippe R. Art and architecture of late medieval pilgrimage in Northern Europe and the British Isles, Volume 2 // Volume 104 of Studies in medieval and Reformation traditions. BRILL, 2005.
13. Boccafola, Kenneth E. The requirement of perpetuity for the impediment of impotence, Vol. 200 Analecta Gregoriana: Series Facultatis Iuris Canonici. Editrice Pontificia Università Gregoriana, 1975.
14. Boguet, Henri. Discours des sorciers. Lyon, 1590.
15. Bové, Frank James. The story of ergot: For physicians, pharmacists, nurses, biochemists, biologists and others interested in the life sciences. S. Karger, 1970.
16. Brabbs, Derry. The Roads to Santiago: The Medieval Pilgrim Routes Through France and Spain to Santiago de Compostela. 2008.
17. Breen, Katharine. Imagining an English Reading Public, 1150–1400 // vol. 79 of Cambridge Studies in Medieval Literature. Cambridge University Press, 2010.
18. Briggs, Robin. Witches and Neighbours: The Social and Cultural Context of European Witchcraft. London, 1996.
19. Burns, William E. Witch hunts in Europe and America: an encyclopedia. 2003.
20. Butler A. H., Farmer, D. H. Butler's lives of the saints, Volume 1. Continuum International Publishing Group, 1995.
21. Calmeil, L. P. (m. d.). De la Folie // Journal of psychological medicine and mental pathology, Vol. 2. ed. Forbes Winslow. 1849.
22. Channing, Walter; Ware, John // The New-England journal of medicine and surgery: and collateral branches of science, Vol. 9. Wells and Lilly, 1820.
23. Christensen C. M. Molds, mushrooms, and mycotoxins. University of Minnesota Press, 1975.

24. Ciraulo D. A., Kranzler H. R. Clinical manual of addiction psychopharmacology. American Psychiatric Pub, 2005.
25. Cleene, Marcel De; Lejeune, Marie Claire. Compendium of symbolic and ritual plants in Europe, Vol. 1. 2003.
26. Collection de memoires relatifs a l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie francaise jusqu'au 13e siecle. Par M. Guizot. Paris, libraire chez J.-L.-J. Briere, 1824.
27. Conklin, B. A. Consuming grief: compassionate cannibalism in an Amazonian society. University of Texas Press, 2001. p. 8–13.
28. Cowdrey H. E. J. The Peace and the Truce of God in the Eleventh Century. Past and Present, 46 (1970). pp. 42–67.
29. De frigidis et maleficiatis, et impotentia coeundi. Corpus Juris Canonici, 1582.
30. Denny, Mark. Froth!: the science of beer. 2009.
31. Deshpande S. S. Handbook of food toxicology // Food science and technology, v 119, 2002.
32. Dickinson, M. Molecular Plant Pathology. Taylor & Francis, 2003.
33. Dixon L. S., Bosch's 'St. Anthony Triptych — An Apothecary's Apotheosis // Art Journal, Vol. 44, N2, Summer 1984, pp. 119–131
34. Dreisbach, Robert Hastings; True, Bev-Lorraine. Dreisbach's handbook of poisoning: prevention, diagnosis, and treatment, volume 2001, Informa Health Care, 2001–2002.
35. Ekkhardi chronicon universale. MGH, SS. Bd. VI. Hannover. 1844.
36. Encyclopedia of the Middle Ages, Vol. 2 By Andre Vauchez, Richard Barrie Dobson, Adrian Walford, Michael Lapidge. Routledge, 2000.
37. Fagan, Brian M. The Little Ice Age: how climate made history, 1300–1850.
38. Famine decimating mujiks // New York Times, February 21, 1907.
39. Farmer D. H. The Oxford dictionary of saints. Clarendon Press, 1978.
40. Faure M. Issenheim's altarpiece: does the disease depicted on the altarpiece correspond to ergotism? // Hist Sci Med, 2010, Oct-Dec; 44(4): pp. 383–388.
41. Ferrières, Madeleine. Sacred Cow, Mad Cow: A History of Food Fears. New York: Columbia University Press, 2005. — 416 p.
42. Filtzer, Donald. Late Stalinist Russia: society between reconstruction and reinvention // Juliane Fürst. Vol. 29 of BASEES/Routledge series on Russian and East European Studies. Taylor & Francis, 2006.
43. Finger, Stanley. Origins of Neuroscience: A History of Explorations Into Brain Function Oxford University Press US, 2001.
44. Fleming, George. Animal Plagues: Their History, Nature, and Prevention, Vol. 2. Chapman and Hall, 1871.
45. Floto, Inga. Dødsstraffens kulturhistorie: ritualer og metoder 1600-2000 // Volume 1 of Politik, ret & samfund. Museum Tusculanum Press, Københavns Universitet, 2001. pp. 31–32.
46. Frajese, Gaetano et. el. Neurotransmitter, opiodergic system, steroid-hormone interaction and involvement in the replacement therapy of sexual disorders // The Journal of Steroid Biochemistry and Molecular Biology. Vol. 37, Issue 3, 20 November 1990, pp. 411–419.
47. Frey, Nancy Louise. Pilgrim stories: on and off the road to Santiago. University of California Press, 1998.

48. Fryde, E. B. Humanism and Renaissance historiography // Volume 21 of History series. 1983.
49. Fuller, John G. The day of st. Anthony's fire. New York: The MacMillan Company, 1968.
50. Gabbai, Lisbonne and Pourquier. Ergot poisoning at Pont St. Esprit // Brit. Med. J 2 (15 sep), 1951, pp. 650–651.
51. Gibbons J. Recent Developments in the Study of The Great European Witch Hunt // The Pomegranate (5), 1998
52. Goff, Jacques Le. La civilisation de l'Occident médiéval. Arthaud, 1967.
53. Golden, Richard M. Encyclopedia of witchcraft: the Western tradition, Volume 1. ABC-CLIO, 2006.
54. Goldthwaite, Richard A. The economy of Renaissance Florence. 2009.
55. Gornitz, Vivien. Encyclopedia of paleoclimatology and ancient environments. Springer, 2009.
56. Gregorie de Tours. Histoire des Francs. Livres VII–X. A. Picard et fils, 1893.
57. Grieve M. A Modern Herbal. London, 1931.
58. Guerra, Francisco (md). Mexican Phantastica. Excerpta criminologica, Volume 7, Issues 4–6. Excerpta Criminologica Foundation, 1967.
59. Haeser, Heinrich. Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten: Bd. Geschichte der epidemischen Krankheiten, 1865.
60. Haldimand, Jane (Mrs. Marcet). Bertha's visit to her uncle in England. Volume 1. J. Murray, 1831.
61. Hayum, Andrée. The Meaning and Function of the Isenheim Altarpiece: The Hospital Context Revisited. Art Bulletin, vol. 59. (Dec. 1977).
62. Hecker, Justus Friedrich Carl and Caius, John. The epidemics of the Middle Ages. Trübner, 1859.
63. Hemans, Charles Isidore. A history of mediaeval Christianity and sacred art in Italy: (A. D. 900–1550). Cellini, 1872.
64. Henderson L. A., Glass W. J. LSD: still with us after all these years. 1994.
65. Henne am Rhyn, Otto. Allgemeine Kulturgeschichte von der Urzeit bis auf die Gegenwart. vol. 4. O. Wigand, 1878.
66. Hillerbrand, Hans J. The „Other“ in the Age of the Reformation // Infinite boundaries: order, disorder, and reorder in early modern German culture, Vol. 40, edited by Max Reinhart. Truman State University Press, 1998.
67. Hirsch A. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie, 3 Vols., 1881–1886
68. Hirsch, August, Handbook Of Geographical And Historical Pathology. London, 1883.
69. Hornsey, Ian Spencer. A history of beer and brewing. Royal Society of Chemistry, UK, 2003.
70. Hudler G. W. Magical Mushrooms, Mischievous Molds. Princeton University Press, 2000.
71. Illana-Esteban, C. El cornezuelo del centeno (I): Biología, historia y ergotismo. Bol. Soc. Micol. Madrid. 32:293–306, 2008.
72. Jackson, Michael. The World Guide to Beer. Bookthrift, 1982.
73. Jacob H. E. Six Thousand Years of Bread Its Holy and Unholy History, 2007.
74. Jensen, Gary F. The path of the devil: early modern witch hunts. 2007.
75. Jones, Jonathan. Hidden horror // The Guardian, 12.12.2007.
76. Karmakar R. N. Forensic Medicine and Toxicology. Academic Publishers, 2006.

77. Keeler, Harriet L. *Our Native Trees and How to Identify Them*, 1900, reprint Read books, 2008.
78. Kelly, Walter Keating. *Curiosities of Indo-European tradition and folklore*. Chapman & Hall, 1863.
79. Kleiner, Fred S. *Gardner's Art Through the Ages The Western Perspective*. 2009.
80. Kors, Alan Charles; Peters, Edward. *Witchcraft in Europe, 400–1700: a documentary history*. University of Pennsylvania Press, 2001.
81. Kren, Vladimir; Cvaka, Ladislav. *Ergot: the genus *Claviceps*. Volume 6 of Medicinal and aromatic plants*. CRC Press, 1999.
82. Kupfer, Marcia Ann. *The art of healing: painting for the sick and the sinner in a medieval town*. Penn State Press, 2003. — 202 p.
83. Lagarde, Andre. *Latin Church in the Middle Ages (1915)*. Kessinger Publishing, 2003.
84. Lea, Henry Charles. *A History of the Inquisition of the Middle Ages*. vol. 1. (1888). Kessinger Publishing, 2004.
85. Lea, Henry Charles. *A History of the Inquisition of the Middle Ages*. vol. 3. Kessinger Publishing, 2004.
86. Lea, Henry Charles. *Materials Toward a History of Witchcraft (1890, vol.1)*. 2004.
87. Lefebvre, G. *The Great Fear of 1789: Rural Panic In Revolutionary France*. NY., 1973
88. Levack, Brian P. *The witch-hunt in early modern Europe*. Pearson Longman, 2006.
89. Lewis, W. H. *Medical botany: plants affecting man's health*. 1977.
90. Lindeboom G. A. *The Story of a Blood Transfusion to a Pope // Journal of the History of Medicine (1954) IX (4): 455–459*.
91. Luckett, T. M. *Hunting for spies and whores: A Parisian riot on the eve of the French Revolution // The Past and Present*, 156 (August 1997): pp. 116–143.
92. Lucretius, Titus Carus. *Of the nature of things*. Printed by J. Matthews for G. Sawbridge, 1714.
93. Luscombe D. E., Riley-Smith J. *The new Cambridge medieval history: c. 1024–1198, Volume 1*. Cambridge University Press, 2004. p. 180.
94. Mackay, Charles. *Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds*. (1841). Barnes and Noble Publishing, 2004.
95. Mann, John. *Turn on and tune in: psychedelics, narcotics and euphorants*. — Royal Society of Chemistry, 2009.
96. Matossian M. K. *Poisons of the Past: Molds, Epidemics and History*. Yale University Press, 1989.
97. Matossian M. K. *Why the Quakers quaked: the influence of climatic change on Quaker health, 1647–1659*. *Quaker Hist*; 2007;96(1):36–51.
98. McManners, John. *Church and Society in Eighteenth-Century France*. Vol. 1: *The Clerical Establishment and its Social Ramifications*, July 1999. pp. 571–615 (45).
99. McNally, William Duncan. *Toxicology*. Harvard medicine preservation microfilm project (vol. 5253). Industrial medicine, 1937.
100. *Medicine: St. Anthony's Fire*. Time, Monday, Sep. 10, 1951.
101. Mellinkoff, Ruth. *The devil at Isenheim: reflections of popular belief in Grunewald's altarpiece*. University of California Press, 1988.
102. Midelfort, H. C. Erik. *Witch hunting in southwestern Germany, 1562–1684: the social and intellectual foundations*. Stanford University Press, 1972.
103. Morens, David M and Littman, Robert J. *Epidemiology of the Plague of Athens*.

104. Moussaieff, Arie. Mechoulam, Raphael. Boswellia resin: from religious ceremonies to medical uses; a review of in-vitro, in-vivo and clinical trials // *Journal of Pharmacy and Pharmacology*. Vol. 61, Issue 10, pp. 1281–1293, October 2009.
105. Münchhausen, Otto von. *Der Hausvater*. Part 1. Hannover: N Försters und Sohns Erben; 1764.
106. Munro, Dana Carleton. *The fourth crusade*. Vol. 3, Issue 1 of Translations and reprints from the original sources of European history. The Department of history of the University of Pennsylvania, 1907.
107. Neale, Adam. *Researches Respecting the Natural History, Chemical Analysis, and Medicinal Virtues, of the Spur, Or Ergot of Rye* (1923). BiblioLife, 2010.
108. Nemes C. N. The medical and surgical treatment of the pilgrims of the Jacobean Roads in medieval times // *The history of anesthesia: proceedings of the Fifth International Symposium on the History of Anesthesia*, Santiago, Spain, 19–23 September 2001. International Congress Series, Volume 1242, December 2002, Elsevier Health Sciences, 2002
109. Nemes C., Goerig M. The medical and surgical treatment of the pilgrims of the Jacobean Roads in medieval times. Part 2 // *The history of anesthesia: proceedings of the Fifth International Symposium on the History of Anesthesia*, Santiago, Spain, 19–23 September 2001. International Congress Series, Volume 1242, December 2002. Elsevier Health Sciences, 2002, pp. 487–494.
110. On ergotism // *The veterinarian*. (Verheyen M. S. *Annales de Médecine Vétérinaire*, Bruxelles, Dec., 1861). London, 1862.
111. Ostrovskii N. I., Kryukova M. A. The field culture of ergot in the USSR, 1963. 7 p.
112. Paracelsus (Theophrastus Bombastus von Hohenheim, 1493–1541): essential theoretical writings. (1589) // *Paracelsus*; Weeks, Andrew. Volume 5 of Aries book series. BRILL, 2008.
113. PAŽOUTOVÁ, S; CAGAŠ, B et. al. Host Specialization of Different Populations of Ergot // *Czech J. Genet. Plant Breed.*, 38, 2002 (2): 75–81.
114. Peabody F. J. A 350-Year-Old American Legume in Paris // *Castanea*, Vol. 47, No. 1 (Mar., 1982). pp. 99–104.
115. Peter M. Scott, Lawrence Guillaume A. Losses of ergot alkaloids during making of bread and pancakes. *J. Agric. Food Chem.*, 1982, 30 (3). pp. 445–450.
116. Phillips, Charles Douglas Fergusson. *Materia medica and therapeutics*. J. and A. Churchill, 1874.
117. Phillips, Jonathan; Phillips, Jonathan P. *The Second Crusade: extending the frontiers of Christendom*. Yale University Press, 2007.
118. Pieter W. J. van Dongen, Akosua N.J. A. de Groot. History of ergot alkaloids from ergotism to ergometrine // *European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology* 60 (1995). pp. 109–116
119. Purchase I. F. H. *Mycotoxins*. Elsevier Scientific Pub. Co., 1974.
120. Ralls K. *The Templars and the Grail knights of the quest*. Quest Books, 2003.
121. Read, Al. *Traité du Seigle ergoté*. Strasbourg, 1771.
122. Report of the Secretary of Agriculture for the year of 1884 / Executive documents of the House of Representatives. United States. Dept. of Agriculture. Govt. Print. Off., 1884
123. Riley-Smith, Jonathan. *The first crusaders, 1095–1131*. Cambridge University Press, 1998.

124. Riley-Smith, Jonathan. *The Oxford History of the Crusades*. Oxford University Press, 2002.
125. Risi, Armin; Zurrer, Ronald. *Vegetarisch leben*. Govinda-Verlag, 1993.
126. Rolleston, Thomas William. *Myths & legends of the Celtic race*. 1911.
127. Salway, P.; Dell, W. Plague at Athens. *Greece and Rome, Second Series*, Vol. 2, No. 2 (June), 1955. pp. 62–70.
128. Schiff Paul L., Jr., PhD. Ergot and Its Alkaloids. *Am J Pharm Educ*. October 15; 70 (5): 98, 2006.
129. Scott P. M. Ergot alkaloids: extent of human and animal exposure // *World Mycotoxin Journal*. Wageningen Academic Publishers, Volume 2, Number 2, May 2009. pp. 141–149
130. Seymour D, Franklin M. A. *Headache Through the Ages*. 2005.
131. Sherman, Larry R.; Zimmerman, Michael R. Ergotism and Its Effects on Society and Religion // *Journal of Nutritional Immunology*, Volume 2, Issue 3, May 1994. pp. 127–136.
132. Sidky H. *Witchcraft, Lycanthropy, Drugs and Disease: An Anthropological Study of the European Witch-Hunts*. 1997
133. Sidky, H. *Witchcraft, lycanthropy, drugs, and disease: an anthropological study of the European witch-hunts*. Vol. 70 of *American University Studies*. Peter Lang, 1997.
134. Smith, G. Elliot. *Evolution of the Dragon*, 1919.
135. Societe de gens-de-lettres. *L'Esprit des journaux, francois et etrangers*. Valade, 1772.
136. Spence, Lewis. *The minor traditions of British mythology*. Ayer Publishing, reprint, 1972.
137. Spitz, Janet. CEO Gender and the Malt Brewing Industry: Return of the Beer Witch, Ale-Wife, and Brewster // *Forum for Social Economics*. Volume 39, Apr., 2010, Number 1, 33–42.
138. Spivey, Nigel Jonathan. *Enduring creation: art, pain, and fortitude*. University of California Press, 2001.
139. St. Genevieve // *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 6. New York: Robert Appleton Company, 1909.
140. Stille, Alfred. *Therapeutics and materia medica*. 1864.
141. Sullivan Margaret A. The Witches of Dürer and Hans Baldung Grien // *Renaissance Quarterly*, 53, Summer 2000. pp. 333–401.
142. Summers, Montague. *Geography of Witchcraft*. Kessinger Publishing (reprint), 2003.
143. Tackett, T. Collective Panics in the Early French Revolution, 1789–1791: A Comparative Perspective // *French History*, 2003 vol. 17(2): pp. 149–171.
144. Tausiet, María. Amelang, James S. *El diablo en la edad moderna*. 2004.
145. The Book-worm: an illustrated literary and bibliographical review, Vol. 3, 1868.
146. *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 2. New York: Robert Appleton Company, 1907.
147. *The Witch Trials of Finnmark, Northern Norway, during the 17th Century: Evidence for Ergotism as a Contributing Factor* / Torbjorn Alm, Department of botany, Tromso museum, University of Tromso // *N-9037 Volume 57, Issue 3 (September 2003), Economic Botany*, Article: pp. 403–416.
148. Timken-Zinkann, Reinhard F. Some aspects of epidemics and German art about 1500 // *Medical History*, 1969 October; 13(4): 355–362.
149. *Journal of the Franklin Institute*, Volume 57. Pergamon Press, 1854.
150. Tommasini, Oreste. *Diario della citta di Roma di Stefano Infessura scribasenato*. 1890.

151. Transactions of the American Philological Association (1974), Vol. 122. 1992.
152. Unger R. W. Beer in the Middle Ages and the Renaissance. University of Pennsylvania Press, 2007.
153. Vij, Jagdish Krishan. Textbook of Forensic Medicine and Toxicology: Principles and Practice. Elsevier India, 4-th edition, 2008.
154. Waite, Arthur Edward. The Book of Ceremonial Magic (1911). Cosimo, Inc., 2007.
155. Ward, W. Reginald. Christianity under the Ancien Regime, 1648–1789. Cambridge University Press, 1999.
156. Wasson, R. Gordon; Ruck, Carl A. P.; Hofmann, Albert. The Road to Eleusis: Unveiling the Secret of the Mysteries. Harcourt Brace Jovanovich. 1978.
157. Wellcome, Henry S. From ergot to Ergotin: an historical sketch. Ottawa, 1908.
158. Wissenschaftliche Annalen der gesammten Heilkunde, Volume 286 Enslin, 1834.
159. Wright, Samuel. An Experimental Inquiry into the Physiological Action of Ergot of Rye // Edinburgh medical and surgical journal, Vol. 52. A. and C. Black, 1839. pp. 293–334.
160. Zika, Charles. Exorcising our demons: magic, witchcraft, and visual culture in early modern Europe // Vol. 91 of Studies in medieval and Reformation thought BRILL, 2003.
161. Александровская Е. И., Александровский А. Л. Антропохимический фактор в эволюции европейской цивилизации / Е. И. Александровская // История и современность. — 2010. — № 1 (11). — С. 148–177
162. Аполлодор. Мифологическая библиотека. — Л.: Наука, 1972. — 216 с.
163. Афанасьев А. Н. Древо жизни: избранные статьи. — М.: Современник, 1982. — 464 с.
164. Бажанов А. М. Саранча / А. М. Бажанов (архимандрит Никифор). Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия (1891). — 3-е изд. — М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. — 768 с.
165. Бейджент М., Ли Р., Цепные псы церкви. — М.: Эксмо, 2006. — 304 с.
166. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том XII. Письма 1841–1848. — Издательство Академии наук СССР. М., 1956.
167. Беренштейн Я., Завилянский М. К вопросу об эрготинных психозах // Труды Киевского психоневрологического института. — Госмедиздат УССР, 1936. — Т. 5. — 337 с.
168. Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в X–XVIII вв. — М.: Медгиз, 1960. — 326 с.
169. Бродель, Фернан. Что такое Франция? Книга вторая. Люди и вещи. Часть 2. «Крестьянская экономика» до начала XX века. пер. с фр. — М.: Изд-во Сабашниковых, 1997. — 512 с.
170. Варадиновъ Н. Исторія Министерства внутренних дѣл. Восьмая, дополнительная, книга: исторія распоряженій по расколу. — Санктпетербургъ: В Тип Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1863. — 660 с.
171. Васильков Я. В. Древнеиндийский вариант сюжета о «безобразной невесте» и его ритуальные связи // Е. С. Новик., Л. Ш. Рожанский. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — М.: Наука, 1988. — С.83–127
172. Вейс Г. Головокружение. Неврология / Под редакцией М. Самуэльса. Пер. с англ. — М., Практика, 1997. — 640 с.
173. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. — М.: Наука, 1988. — 464 с.
174. Вестник Ленинградского университета. Серия Биология. — Изд-во Ленинградского университета, 1974.
175. Виллани, Дж. Новая хроника, или История Флоренции. — М: Наука, 1997. — 554 с.

176. Вильнер А. М. Кормовые отравления сельскохозяйственных животных. — Л.: Колос, 1966. — 448 с.
177. Виноградов Н. Ф. О патолого-анатомических измѣненияхъ въ органахъ и тканяхъ у людей при хроническомъ отравленіи спорыньей (raphania, ergotismus, болѣзнь „злая корча“). — Казань: Типо-Литографія Императорскаго Университета, 1897. — 182 с.
178. Власов А. Н. Устюжская литература XVI—XVII веков: историко-литературный аспект. — Сыктывкарский университет, 1995. — 210 с.
179. Выясновский А. Ю. Эрготизм. Классификация форм, клиника и патологическая анатомия хронического эрготизма / А. Ю. Выясновский; отв. ред. Э. М. Залкинд; Свердловский областной научно-исследовательский психоневрологический институт (г. Пермь), Пермская психиатрическая больница НКЗ РСФСР. — Пермь: Издание Психоневрологического института, 1937. — 160 с.
180. Герхардтъ, Карл Адольф Христиан Якоб. Практическое руководство к гомеопатической медицинѣ, доктора медицины Адольфа фон Герхардта: переведено заново с послѣдняго, значительно дополненнаго и исправленнаго нѣмецкаго изданія. Изданіе 2-ое, А. Форбрикнера. М. Катковъ, 1883. — 682 с.
181. Глухов М. Важнейшіе медоносныя растенія и способы их разведенія. — Государственное сельскохозяйственное издательство «Новая деревня», 1929. — 568 с.
182. Горелов Н. Бич и молот. Охота на ведьм в XVI—XVIII веках. — М.: Азбука-классика, 2005. — 508 с.
183. Горленко М. В. и др. Грибы — друзья и враги человека / под ред. М. В. Горленко. Сост. Воронкевич И. В., Горленко М. В., Журавлев И. И., Новотельнова Н. С. — М.: Советская наука, 1956. — 188 с.
184. Государственная дума. Второй созывъ. Стенографическіе отчеты. 1907 годъ. Томъ 2. Засѣданія 31—53 (съ 1 Мая по 2 Іюня). — С. Петербургъ: Государственная типографія, 1907 г.
185. Гофф, Жак Ле. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Перев. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. 2-е изд., испр. — Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002 — 328 с.
186. Гофф, Жак Ле. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — 376 с.
187. Гроф С. Психология будущаго. — М.: АСТ, 2001. — 476 с.
188. Дадим стране сотни килограммов спорыньи // Социалистическое земледѣліе, 1941 — №124 — 17 октября.
189. Даль В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. В 2 тт. — ОЛМА-Пресс, 2002. — Т. 1: А—О. — 1278 с., Т. 2: П—V. — 1118 с.
190. Делюмо, Жан. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII—XVIII вв.) / Пер. с франц. И. Б. Иткина и др. Под ред. Д. Э. Харитоновича. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. — 752 с.
191. Делюмо, Жан. Ужасы на западе: Исследование процесса возникновенія страха в странах Зап. Европы, XIV—XVII вв. / Пер. с фр. Н. Епифанцев. — М.: Голос, 1994. — 408 с.
192. Дневникъ старокрещенаго татарина, 1865 года // Православное обозрѣніе, Томъ 19. — Москва: Въ Университетской типографіи, 1866. — С. 286—313
193. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное / Перевод с англійскаго, комментарии и указатель С. В. Пахомова; Послесловіе Ф. К. Кессиди. — СПб.: Алетейя, 2000. — 507 с.

194. Ермоловъ, Алексѣй Сергѣевич. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ: Всенародная агрономія, томъ 2. — Тип. А. С. Суворина, 1905. — 488 с.
195. Жизнь растений в шести томах. Том 2. Грибы / под ред. проф. М. В. Горленко. — М., Просвещение, 1976. — 480 с.
196. Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — Медгиз, 1935. — Том 4, вып. 2.
197. Журналъ опытной агрономіи. Томъ 7, кн. 3—6. Министерство земледѣлія. Ученый комитетъ. — С. ПЕТЕРБУРГ, 1906.
198. Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская историография XI—XIII веков). — М.: Наука, 1966. — 381 с.
199. Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. — М.: Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1980. — 320 с.
200. Забылин М. Русский народъ, его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія. — Изд. книгопродавца М. Березина, 1880. — 607 с.
201. Записки Императорскаго русскаго географическаго общества по Отдѣленію статистики. Томъ I. — 1866. — 668 + LXXVII с.
202. Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. — Кіев, 1894.
203. Записки отдела рукописей, том 25. — М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1962.
204. Захаров В. А. Десница Св. Иоанна Крестителя в России. — М.: Русская панорама, 2006.
205. Зелигманн, Курт. История магии и оккультизма. — М.: Терра-Книжный клуб, 2009. — 480 с.
206. Зуева Г. А. Лекции по систематике низших растений. — Елабуга: ЕГПИ, 2001. — 85 с.
207. Историки эпохи Каролингов / Сост. М. А. Тимофеев; Пер. с лат. и примеч. М. С. Петровой и др.; Отв. ред. А. И. Сидоров. — М.: РОССПЭН, 1999. — 279 с.
208. Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз (Изд. Д. Ф. Коморского, СПб., 1906) / Революционный невроз. — М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во КСП+. — 572 с.
209. Карамзин Н. М. Письма русскаго путешественника (1793), по изд. Карамзин Н. М., Избранные сочинения в 2 т. — М—Л., 1964.
210. Карамзинъ Н. М. Примѣчанія къ исторіи государства російскаго. Т. 4—6 / Изд. А. Смирдина. — С. Петербургъ: В Тип. Императорской академіи наук, 1852. — 188 с.
211. Карпов А. Избранные жития русских святых X—XV вв. — М.: Молодая гвардия, 1992. — 383 с.
212. Ключарев С. Отравление спорыньей в Кабанском участке, Переславского уезда за период времени с 1-го сентября по 31-е декабря 1909 г. // Врачебно-санитарная хроника Владимирской губернии. — 1909. Декабрь. — С. 2—6.
213. Комнина, Анна. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. — М.: Наука, 1965. — 688 с.
214. Крижан, Войтех. 1000 вопросов и ответов из пчеловодства / Перевод со словацкого В. Останнина. — Алма-Ата: Кайнар, 1976. — 288 с.
215. Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия: Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса // Н. А. Макаров, А. В. Суворов и др. — Институт археологии РАН. Вологда, 2001. — 48 с.

216. Кулик Д. О психических изменениях при эрготизме // Сов. невропатол., психиатр и психогиг. № 7. — 1935.
217. Кулишер М. И. История экономического быта Западной Европы. 9-ое изд. Т. 1–2. — Челябинск: Социум, 2004. — 1030 + XXI с.
218. Лавриненко П. Г. Мои года — мое богатство // Вестник краеведения: Прокопьевский район. Вып. 3. Школьный. — 2006.
219. Ларин Б. А. Из истории слов и словарей: очерки по лексикологии и лексикографии. — Изд-во Ленинградского университета, 1963. — 182 с.
220. Ларин Б. А. Начальный этап формирования русского национального языка. — Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, 1961. — 184 с.
221. Лихачев Д. С. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1: А — К. Институт русской литературы (Пушкинский дом). — Л.: Наука, 1987. — 496 с.
222. Лозинский С. Г. История папства. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 592 с.
223. Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья, 1932 / Молот ведьм. Предисловие. — М.: Интербук, 1990.
224. Лопухин А. П. Евангелие от Матфея, гл. 3, ч. 4 / А. П. Лопухин. Толковая Библия (1904—1913), репринт. — М., 2004.
225. Любавский А. Д. Русские уголовные процессы. — 1867. — Томъ 3. — 794 с.
226. Люшер, Ашиль. Французское общество времен Филиппа-Августа. Перевод с фр. Цыбулько Г. Ф., — СПб: Евразия, 1999. — 414 с.
227. Маккенна, Теренс. Пища богов: поиск первоначального древа знания. — М.: Изд. Трансперсонального Института, 1995. — 379 с.
228. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — Санкт-Петербург: Полисет, 1994. — 448 с.
229. Максимов С. Куль хлеба и его похождения. Санкт-Петербург, 1873. репринт. — М.: Терра, 1996. — 160 с.
230. Максудов Г. А. Токсидемия рафании (эрготизма) в Уральской области в 1926—27 г. // Казанский медицинский журнал № 11, ноябрь. — Казань, 1927. С. 1151—1165.
231. Марчукова, С. М. Медицина в зеркале истории. — СПб.: Европейский Дом, 2003. — 272 с.
232. Материалы по микологии и фитопатологии // Ред. А. А. Ячевский. — Всесоюзный институт защиты растений. — Л., 1927. — Том 6, часть 1.
233. Мельвиль М. История ордена тамплиеров / Пер. с фр. Г. Ф. Цыбулько. Науч. редактор М. Ю. Медведев. — СПб.: Евразия, 2000. — 415 с.
234. Мережковский Д. С. Христос и Антихрист: Смерть богов. Том I (Юлиан отступник). — М., 1993. — 320 с.
235. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М.: РОСПЭН, 1998. — 573 с.
236. Мирский М. Медицина России X–XX веков: очерки истории. — М.: РОССПЭН, 2005.
237. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. Пер. с фр. — М.: Голос, 1992. — 384 с.
238. Мишо Ж.-Ф. История Крестовых походов. — М.: Вече, 2005. — 376 с.
239. Мишустин Е. Н. Трисвятский Л. А. Микробы и зерно. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 262 с.

240. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV вв. — М.: Молодая гвардия, 2002. — 352 с.
241. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. и авт. ввводн. текстов Г. Д. Рыженков. Вступ. ст. и словарь А. Н. Розова. Оформ. Т. М. Чирковой. — М.: Современник, 1992. — 127 с.
242. Настольный словарь колхозника. — М.: ОГИЗ, 1938.
243. Непогодыев А. Н. «Летописец города Устюга Великого» Петра Юринского // Бысть на Устюзе: историко-краеведческий сборник. Центр краеведческих исследований ПАВА. — Вологда: ЛиС, 1993.
244. Нессельштраус Ц. Г. Альбрехт Дюрер: 1471–1528. — Л. — М.: Искусство, 1961. — 226 с.
245. Новое о спорынье // Природа, вып. 1–6. Академия наук СССР. — Изд-во Наука, 1938.
246. Новая Сочиненія // Современникъ. Томъ 37. — САНКТПЕТЕРБУРГЪ: Въ типографіи Военно Учебныхъ Заведеній 1845. — 380 с.
247. Ножанский, Гвиберт. Деяния бога через франков // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том III. — СПб. 1887.
248. Осипов В. П. Курс общего учения о душевных болезнях. — Берлин, 1923. — 738 с.
249. Осипов В. П. Частное учение о душевных болезнях. — М. — Л.: ГИЗ, 1926. — 224 с.
250. Отечественныя записки. Том 10. — тип. Н. Греча, 1840.
251. Отечественныя записки. Том 38, часть 1. — тип. Н. Греча, 1845.
252. Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. — М.: Медгиз, 1959. — 272 с.
253. Петербург—1903: Переиздание комплекта журналов «НИВА» за 1903 г., посвященное 300-летию Санкт-Петербурга (сост. Манувахов Х. И., Смолякова Н. П.; послесл. Светлова Р. В.; вступ. ст. Сухих И. — издательство Геликон плюс ИД Санкт-Петербургского ун-та, 2003.
254. Порфирьев, Иван. Исторія русской словесности: Древній період, Часть 1. — Петербургъ: Тип. Императорскаго Университета, 1876. — 696 с.
255. Преображенскій В. А. Описаніе Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Издано Ученымъ комитетомъ МГИ. — С. Петербургъ, 1854. — 596 с.
256. Приглашение к истории: сборник статей / Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. — М.: 2003. — 215 с.
257. Пр-ский Н. С. Народныя суевѣрія // Олонецкія губернскія вѣдомости. — 1873. — № 78. — С. 891–892.
258. Псковская лѣтопись / изд. М. Погодинъ. — М.: Въ Университетской Типографіи, 1837. — 306 с.
259. Рат-Вег И. История человеческой глупости (1938). — М.: Феникс, 1996. — 640 с.
260. Раткевич К. И. «Великий страх» в Оверни / Публ. К. И. Раткевич // Красный архив, 1939, № (3) 94. С. 255–259.
261. Реймский, Роберт. Иерусалимская история // История крестовых походов в документах и материалах, пер. М. А. Заборова. — М.: Высш. школа, 1977. — 272 с.
262. Рейслер А. В. Гигиена питания. — М.: Медгиз, 1952. — 576 с.
263. Рейслер А. В. Гигиена питания. 2-е изд. — М.: Медгиз, 1957. — 460 с.
264. Реньяр П. Умственные эпидемии. 2-е изд., испр. / Научный консультант: А. Королев. — М.: Emergeney Exil, 2004. — 296 с.

265. Реформатский Н. Душевное разстройство при отравлении спорыньей (Болѣзнь «злая корча»). — М. 1893
266. Решетников Н. Русский народный календарь: пословицы, поговорки, обычаи, обряды, имена / Сост. Н. И. Решетников. — М.: Olma Media Group, 2005. — 608 с.
267. Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии / пер. с англ. — М.: Локид-Миф, 1996. — 556 с.
268. Ровинский Д. Народные картинки. Книга IV. — С. Петербургъ: Тип. Имп. Академіи наукъ, 1881. — 788 с.
269. Розанов В. Опавшие листья. Короб 2. (1915). — М.: Современник, 1992. — 541 с.
270. Российская летопись: справочное издание / А. Л. Мясников. — СПб.: Александр-принт, 2001. — 671 с.
271. Русский времянникъ, сирѣчь, лѣтописецъ, содержащій російскую исторію от 6370 (862) до 7189 (1618) лѣта, раздѣлѣнный на двѣ части. — М.: Въ Синодальной типографіи, 1820. — Т. 1 — 368 с.
272. Русский Хронографъ / Полное собрание русских летописей. Том 22, ч. 2. 1914. — Т. 2. — 302 с.
273. Русский дипломатарий / Ред. А. В. Антонов. — М.: Археографический центр, 1997. — Т. 6. — 300 с.
274. Савчук В. В. Кровь и культура. — Изд-во С.-Петербургского университета, 1995. — 180 с.
275. Сборникъ циркуляровъ и инструкцій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. — Томъ 7, Часть XIII и XIV. — Санктпетербургъ, 1858. — 662 с.
276. Семенов С. Р. Телятьев В. В. Лекарственные растения Восточной Сибири. — Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966г. — 220 с.
277. Словарь русскаго языка. Томъ 10. — Санктпетербургъ: Типографія императорской Академіи Наукъ, 1913.
278. Словарь русских народных говоров, том 40 / Сороколетов Ф. П., Филин Ф. П. и др. Институт русского языка АН СССР. — Наука, 1965. — 346 с.
279. Слонимская В., Бедер В., Хоминский Б. Клиника и патологическая анатомия эрготизма // Труды Киевского психоневрологического института. — 1936. — Т. 5.
280. Смирнов Б. Л. Нервный профиль Марийской Автономной Области по данным амбулатории областной больницы за 1929—1931 гг. — М. А. О (Йошкар-Ола), 1933 — № 5—6. С.1—102.
281. Смородинцева Е. Психические расстройства как отдаленные последствия эрготизма / Труды Уральского психоневрологического института. Т. II. — Пермь, 1935.
282. Советская ботаника. — Л.: Наука, 1963. — Том 48, часть 1.
283. Советское здравоохранение (журнал). Министерство здравоохранения СССР. Народный комиссариат здравоохранения. — М.: Гос. Изд-во медицинской литературы, 1965. — № 1.
284. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Том четвертый. — Москва: В Унив. тип. В. Грачева, 1871.
285. Соломзес Дж. А., Чебурсон В., Соколовский Г. Наркотики и общество. — М.: Иллойн, 1998.
286. Софокл. Драмы / перевод Ф. Ф. Зелинского. Серия «Литературные памятники». — М.: Наука, 1990.

287. Спорынья (маточные рожки) — Аналитический обзор. Р. В. Куцик, Б. М. Зузук. Ивано-Франковская государственная медицинская академия // Провизор. — 2002. — № 12.
288. Спорынья // Энциклопедический словарь, том XXXI. Часть 1 / под ред И. Е. Андреевского. — С. Петербург: Изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефронъ, 1900.
289. Судник Т. М., Цивьян Т. В. Мак в растительном коде основного мифа // Балто-славянские исследования. — М.: Наука, 1981. — С. 300–317.
290. Супранская А. В. Происхождение фамилий // Наука и жизнь. — М., 2000. — №10. — С. 67.
291. Творения святого Исидора Пелусиота. Часть первая: Письма (1–710). — М.: ВЪ типографіи В. Готье, 1859. (Творения святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ, издаваемые при Московской Духовной Академіи, Томъ 34.)
292. Тирский, Вильгельм (Гийом). История деяний в заморских землях // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том III. — СПб. 1887.
293. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. — 384 с.
294. Топоров В. Н. Опьяняющий напиток // Гл. ред. С. А. Токарев. Мифы народов мира: Энциклопедия. Том 2 (1980), 1991. — С. 256–258.
295. Унинский районный архив ф. 21, оп. 1, д. 356, л. 62.
296. Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. — Л.: Наука, 1981. — 543 с.
297. Фуко М. История безумия в Классическую эпоху / Пер. с франц. И. К. Стаф. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. — 576 с.
298. Хейзинга Й. Осень Средневековья (1919) Соч. в 3-х тт. Т. 1. — М.: Прогресс-Культура, 1995. — 416 с.
299. Хобсбаум, Эрик. Век революций. Европа 1789–1848 / Науч. ред. канд. ист. наук Егоров А. А.; Пер. с англ. Якуниной Л. Д. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 480 с.
300. Холодковский Н. А. Курс энтомологии, 4 изд. — М. —Л., 1927–1931. — Том 2.
301. Хофманн, Альберт. ЛСД — мой трудный ребенок. — 1980.
302. Черников А М., Мосягин В. В. Биохимия крестовых походов // Химия и жизнь №2. — 1998. С. 50–53.
303. Чулковъ М. Д. Сельскій лечебникъ, или Словарь врачеванія болѣзней. — М.: Тип. Пономарева, 1789.
304. Чумакова Т. Наркотики и религия // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. — М.: ИФРАН, 2008. — С. 80–89.
305. Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды; пер. с англ. Д. М. Исхакова / Под ред. А. А. Арслановой // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. — Казань, 2002. — С. 23–24.
306. Шимкевичъ Ѳ. С. Корнесловъ русскаго языка. — С. Петербургъ: В типографіи Императорской академіи наук, 1842. — Т. 1–2. — 194 с.
307. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм / Пер. с лат. Цветков Н.; Предисл. Лозинский С. М., 1932; 2-е изд. — М.: Интербук, 1990. — 352 с.
308. Шюре, Эдуард. Великие Посвященные. Очерки эзотеризма мировых религий : пер. с фр. — М. : Сфера, 2004. — 592 с.
309. Эккерманъ В. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи (Исторія эпидемій X–XVIII вв.). Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1884. — 60 с.

- 310. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. — Санктпетербургъ: в типографіи И. И Глазунова и Комп., 1862. — Т. 4.
- 311. Эрготизм / Большая медицинская энциклопедия. Том 35. — М.: ОГИЗ РСФСР, 1936. С. 299—300.
- 312. Яблочкин И. Д. Бандала грядет // Химия и жизнь. — 1994. — №2. — С. 62—63.
- 313. Якубик, Анджей. Истерия. Методология. Теория. Психопатология. Перевод с польского. — Москва : Медицина, 1982. — 342 с.
- 314. Ястребичкая А. Л. Европейский мир X—XV вв. — М.: Интерпракс, 1995. — 400 с.
- 315. Ячевский А. А., Наумов. Н. Основы микологии: посмертное издание. — Государственное Издательство Колхозной и Совхозной Литературы. — М. — Л., 1933. — 1036 с.

Оглавление

Возвращение дьявола	7
Элевсинское пиво.	21
Афинская чума	31
Deus lo vult.	39
Дорога Смерти	55
Алтарь эрготизма	69
Женевьева и тамплиеры	81
Рыцари кладбищ	87
Да сожжет тебя огонь святого Антония!	99
Крокодилы и воз палок	111
Неосознаваемая опасность.	123
Русская рулетка	135
Гангрена де Солонь	143
Хлеб святого Иоанна	157
Роса святого Ферапонта	165
Психозы и галлюцинации	171
Флешбэк	185
Крики мандрагоры	191
Ламии доктора Мюллера	203
Члены в гнездах	213
Тиара папы Иннокентия	221
Размах молота	229
Перелом: 1550—1560	239
Под властью ржи	245
Неэлевсинское пиво	255
Заговор врагов и Великий страх	267
Библиографический список	277

